

16+

ISSN 2618-8775

ВЕСТНИК
АРМАВИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 3

2023

Журнал включен
Высшей аттестационной комиссией
в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени
доктора и кандидата наук

АРМАВИР

ISSN 2618-8775

BULLETIN
OF ARMAVIR STATE
PEDAGOGICAL UNIVERSITY

№ 3

2023

**The magazine is inscribed
by the Higher Certifying Commission
on the index of leading reviewing
scientific periodicals for publications
of main dissertation research results
for competition of academic degree
of Doctor and Candidate of Science**

ARMAVIR

**ВЕСТНИК АРМАВИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

№ 3

2023

Главный редактор

Галустов Амбарцум Робертович, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории педагогики и образовательной практики ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Заместитель главного редактора

Ветров Юрий Павлович, доктор педагогических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской, инновационной и международной деятельности ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Редакционная коллегия

Бакланов Игорь Спартакович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии гуманитарного института ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

Везиров Тимур Гаджиевич, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методики преподавания математики и информатики ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный педагогический университет»

Галустов Роберт Амбарцумович, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории педагогики и образовательной практики ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Говердовская Елена Валентиновна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин и биоэтики Пятигорского медико-фармацевтического института-филиала ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный медицинский университет Минздрава России»

Дударев Сергей Леонидович, доктор исторических наук, профессор, член Русского географического общества

Дьякова Елена Анатольевна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры математики, физики и методики их преподавания ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Елисеев Владимир Константинович, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии, педагогики и специального образования Института психологии и образования ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»

Зеленко Наталья Васильевна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой технологии и дизайна ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Изропуло Ирина Федоровна, доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры педагогики и психологии профессионального образования ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

Клычников Юрий Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

Коваленко Виктор Иванович, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и методики профессионального образования ГБОУ ВО «Белгородский государственный институт искусств и культуры»

Кокаева Ирина Юрьевна, доктор педагогических наук, кандидат биологических наук, доцент, профессор кафедры начального и дошкольного образования ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова»

«ВЕСТНИК
АРМАВИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА»

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

2023 г.

№ 3

*Выходит
4 раза в год
г. Армавир
Краснодарский
край*

**УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФГБОУ ВО
«Армави́рский
государственный
педагогический
университет»**

Web site:
<http://vestnik.agpu.net/>
E-mail:
vagpu@mail.ru

Свидетельство
о регистрации
средства массовой
информации
ПИ № ФС 77-72831
от 17 мая 2018 года

УДК 378
ББК 74.58
В 38

ISSN 2618-8775

© Авторы статей

Котлярова Виктория Валентиновна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Лукаш Сергей Николаевич, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры теории, истории педагогики и образовательной практики ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Матвеев Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории XX–XXI веков ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

Панарин Андрей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Панарина Елена Владимировна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Пелих Алексей Леонидович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Положенкова Елена Юрьевна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Понарина Наталья Николаевна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Похилько Александр Дмитриевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Приймак Юрий Владимирович, доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Пчелина Ольга Викторовна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социальных наук и технологий ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет»

Родионова Валентина Ивановна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Руденко Андрей Михайлович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Стирина Валентина Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры социальной, специальной педагогики и психологии ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Тер-Аракельянц Владимир Аракелович, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой православной культуры и теологии ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»

Тринитатская Ольга Гавриловна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой управления образованием ГБУ ДПО РО «Ростовский институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования»

Федоровский Александр Петрович, доктор философских наук, профессор, проректор по науке и связям с общественностью АНО «Северо-Кавказский социальный институт»

Шнайдер Владимир Геннадьевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Международные члены редакционной коллегии

Согоян Спартак Сергеевич, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры математики, физики и информационных технологий Ширакского государственного университета имени М. Налбандяна, Армения

Ответственный редактор

Лоба Всеволод Евгеньевич, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Технический редактор

Зданевич Лилия Владиславовна, редактор редакционно-издательского отдела ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Аракелян Э.С.

Функционально-технологическая готовность будущего педагога:
понятие и структура 9

Данильянц Э.И.

Педагогические условия формирования проектной активности
у старшеклассников 18

Петрова Н.П., Вязьмин А.А.

Материальная база образовательной робототехники 25

Рашина Т.О.

Сравнительный анализ развития дистанционного образования
в разных странах мира 32

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Валиев И.Н., Гапсаламов А.Р., Васильев В.Л.

Исследование генезиса основных направлений государственной
промышленной политики СССР 44

Ктиторов С.Н., Хлудова Л.Н.

Здание Армавирского государственного педагогического
университета как объект культурного наследия и свидетель
истории народов Кубани 58

Малахова А.С., Малахов С.Н.

Церковный конфликт в станице Урупской в 1924–1925 гг.
как проявление локальных особенностей обновленческого раскола 68

Матвеев В.А.

«...Для безопасности и блага России»: актуализация необходимости
изучения ее особенностей в период внешних и внутренних угроз
1914–1922 гг. 83

Панарин А.А., Панарина Е.В.

Процесс и результаты восстановления и развития школьного
образования на Дону и Северном Кавказе в 1943–1945 гг. 94

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Бакланова О.А., Нагапетова А.Г., Акоюн Г.А.

Играизация социальности в социально-философском аспекте 104

Лазовский А.И.

Детерминизм и свобода воли в биологии и философии человека
как предпосылка создания свободного сознания у искусственного
интеллекта 110

Равочкин Н.Н.

Копирование, примитивизм и симуляция как факторы
институциональных разрывов: социально-философский анализ
(часть 1) 118

Фомин В.Н.

Идентичность личности в контексте трансформации российского
общества 127

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 136

**ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО для авторов журнала
«Вестник Армавирского государственного педагогического
университета»** 140

CONTENTS

PEDAGOGICAL SCIENCES

<i>Arakelyan E.S.</i> Functional and Technological Readiness of the Future Teacher: Concept and Structure	9
<i>Danilyants E.I.</i> Pedagogical Conditions for the Formation of Project Activity in High School Students	18
<i>Petrova N.P., Vyazmin A.A.</i> Material Base of Educational Robotics	25
<i>Rashina T.O.</i> Comparative Analysis of the Development of Distance Education in Different Countries of the World	32

HISTORICAL SCIENCES

<i>Valiev I.N., Gapsalamov A.R., Vasilev V.L.</i> Study of the Genesis of the Main Directions of the State Industrial Policy of the USSR	44
<i>Ktitorov S.N., Khludova L.N.</i> Building of Armavir State Pedagogical University as an Object of Cultural Heritage and Witness of History Peoples of the Kuban	58
<i>Malakhova A.S., Malakhov S.N.</i> Church Conflict in the Stanitsa of Urupskaya in 1924–1925 as a Manifestation of Local Features of the Renovational Dissidence	68
<i>Matveev V.A.</i> "...For Russia's Safety and Well-Being": Updated Need to Study Its Features in the Period of External and Internal Threats 1914–1922	83
<i>Panarin A.A., Panarina E.V.</i> The Process and Results of the Restoration and Development of School Education in the Don and the North Caucasus in 1943–1945 ...	94

PHILOSOPHICAL SCIENCES

<i>Baklanova O.A., Nagapetova A.G., Akopyan G.A.</i> Gameization of Sociality in the Socio-Philosophical Aspect	104
<i>Lazovsky A.I.</i> Determinism and Free Will in Human Biology and Philosophy as a Prerequisite for Creating a Free Consciousness in Artificial Intelligence	110

Ravochkin N.N.

Copying, Primitivism and Simulation as Factors of Institutional Gaps:
Social and Philosophical Analysis (Part 1) 118

Fomin V.N.

Personal Identity in Context Transformations of Russian Society 127

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS 136

**NEWSLETTER to the authors of "THE BULLETIN
OF ARMAVIR STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY"** 140

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

PEDAGOGICAL SCIENCES

УДК 378.016

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА: ПОНЯТИЕ И СТРУКТУРА

Э.С. Аракелян

FUNCTIONAL AND TECHNOLOGICAL READINESS OF THE FUTURE TEACHER: CONCEPT AND STRUCTURE

E.S. Arakelyan

Аннотация. Готовность к деятельности в меняющемся социуме, как характеристика субъекта обусловлена особенностями деятельности. Системно-функциональный анализ профессиональной деятельности педагога позволил выделить основные социальные функции педагогического образования, направленные на разрешение актуальных и стратегических противоречий российского социума. Готовность к работе в новых условиях опирается на алгоритмическую структуру организации деятельности, обуславливающую наполнение структурных компонентов готовности, образуемых как актуальная целостность востребованных процессуально- и личностно-деятельностных ресурсов личности. Результаты теоретического обзора научных источников по проблеме готовности педагога к профессиональной деятельности позволили выстроить структурную модель функционально-технологической готовности будущего педагога к профессиональной деятельности в новой социальной реальности, обеспечивающую целостный, системный характер этого личностно-деятельностного образования, подчиненный закономерностям и механизмам самоорганизации и саморегуляции произвольной активности субъекта.

Abstract. Readiness for activity in a changing society, as a characteristic of the subject, is determined by the characteristics of the activity. The system-functional analysis of the teacher's professional activity made it possible to single out the main social functions of teacher education aimed at resolving the actual and strategic contradictions of the Russian society. Readiness to work in new conditions is based on the algorithmic structure of the organization of activity, which determines the filling of the structural components of readiness, formed as an actual integrity of the demanded procedural and personal-activity resources of the individual. The results of a theoretical review of scientific sources on the problem of a teacher's readiness for professional activity made it possible to build a structural functional and technological readiness of a future teacher for professional activity in a new social reality, providing a holistic, systemic nature of this personal-activity education, subject to the laws and mechanisms of self-organization and self-regulation of the subject's voluntary activity.

Ключевые слова: деятельность, готовность, функционально-технологическая готовность, социальные функции педагогического образования, новая реальность.

Keywords: activity, readiness, functional and technological readiness, social functions of teacher education, new reality.

Базовым понятием, детерминирующим системные параметры готовности, как некоего состояния субъекта к деятельности, является деятельность. Особенности деятельности предопределяют комплекс характеристик и свойств субъекта деятельности. Большая советская энциклопедия определяет понятие «деятельность» как «специфически человеческую форму активного отношения к окружающему миру, содержание которой составляет его целесообразное изменение и преобразование». Словарь системы основных понятий «Педагогика» академика РАО А.М. Новикова дает следующее определение понятия «деятельность»: «активное взаимодействие человека с окружающей действительностью, в ходе которого человек выступает как субъект, целенаправленно воздействующий на объект и удовлетворяющий таким образом свои потребности» [7, с. 28], а педагогической деятельности – «деятельность педагога по управлению образовательной деятельностью обучающегося (обучающихся)... организации образовательной деятельности обучающегося (обучающихся)» [7, с. 105].

Системно-функциональный анализ профессиональной деятельности педагога позволил выделить основные социальные функции деятельности, направленные на разрешение системой педагогического образования актуальных противоречий современного российского социума. Социально-педагогические функции в интегративном единстве с собственно-педагогическими функциями определяют содержательные и процессуальные особенности педагогической деятельности. Социально-педагогические функции являются внешними по отношению к самому процессу педагогической деятельности, выполняющими роль вектора «цель – результат». Для будущего педагога его предстоящая профессиональная деятельность представляется в форме социально значимого и личностно избранного способа деятельности. Причем этот способ является нормативно заданным. В исследуемой профессиональной деятельности педагога это нормативный функционально-технологический способ деятельности. Обучающимся, выражаясь языком психологии, в процессе подготовки способ деятельности «распредмечивается», становясь его индивидуальным способом деятельности [6].

Индивидуальный способ деятельности представляет собой особым образом организованные функциональными связями между собой психические регуляторы активности субъекта, выраженные в его внешних предметных действиях. В.Д. Шадриковым была предложена психологическая модель деятельности, построенная по аналогии с моделью функциональной физиологической системы П.К. Анохина. Функциональная система деятельности В.Д. Шадрикова строилась на 6 функциональных блоках: мотива, цели, программы, информационной основы, принятия решения, подсистемы деятельностно-важных качеств. Все эти компоненты психологической структуры деятельности включены в модель в силу их представленности во внешней активности субъекта и могут служить исходными элементами для выявления теоретических оснований изучаемой деятельности [11].

Реализация любой стратегии деятельности требует адекватной подготовленности к этому процессу непосредственного её реализатора. Об этом кратко и емко сказал А.В. Суворов: «Каждый солдат должен знать свой маневр», обучая своих воинов инициативной тактике на поле боя. Как показали результаты пилотажного исследования, выпускники педагогических вузов с легкостью перечисляют педагогические технологии, которые они знают и, по их мнению, хорошо освоили, но при этом, большинство из опрошенных испытывают значительные трудности при разработке собственной технологии решения несложной педагогической задачи. Объяснением этому служит репродуктивный характер обучения будущих педагогов, сформированность их профессиональной установки на использование в учебном процессе проверенных и рекомендованных форм и педагогических средств обучения и воспитания.

Для работы в усложняющейся и трудно прогнозируемой педагогической реальности будущего важно уметь решать нестандартные проблемы нестандартными способами, но имеющими под собой концептуально-организационную основу решения определенного класса задач. О необходимости развития творческого начала в будущем педагоге написано немало научных трудов, но алгоритмизировать этот процесс значительно сложнее. Функционально-технологическая подготовка будущего педагога является одним из шагов в направлении решения этой научно-прикладной задачи. В этом процессе важно сформировать у будущего педагога функционально-технологический каркас модели педагогической деятельности и управления ею, на который в процессе обучения «наращивается» объем профессиональных знаний и учебно-профессионального опыта, что и составляет основу функционально-технологической готовности будущего педагога к профессиональной деятельности. Для решения этой задачи важно определить в функционально-технологической готовности будущего педагога к профессиональной деятельности в новой социальной реальности её сущностную природу, структуру, содержание структурных компонентов, способы и инструменты мониторинга динамики их целенаправленных изменений в образовательном процессе.

Понятие «готовность» широко представлено в педагогических исследованиях в контексте компетентностного подхода к решению проблем образовательного результата педагогического процесса. Результативные конструкты «компетентность» и «компетенция» содержат в себе «готовность» в качестве функционального компонента наряду со способностью субъекта к выполнению какой-либо деятельности. С позиций авторов учебного пособия «Педагогика» И.Ф. Исаева, А.И. Мищенко, В.А. Слостенина, Е.Н. Шиянова готовность к педагогической деятельности является комплексной мотивационной характеристикой профессионализма педагога, выражающей его профессионального становления [10, с. 40]. Авторы делают акцент на мотивах выбора профессии, побуждающих будущих учителей к выбору этой профессии и вызывающих у них стремление лучше к ней подготовиться, на познавательных потребностях, чувстве долга и ответственности, стремлении к самореализации, подчеркивая,

что в современном педагогическом образовании углубляется противоречие между уровнем требований к личности и деятельности педагога и фактически недостаточным для педагогической деятельности уровнем готовности выпускников педагогических вузов. Это, по мнению авторитетных ученых, «требует решения актуальных проблем нового целеполагания и структуры образования, обновления организационных форм и методов» [10, с. 43].

Все эти проблемы лежат в плоскости функционально-технологических оснований педагогической деятельности. По В.А. Сластенину, теоретическая и практическая готовность педагога к профессиональной деятельности содержит в себе требования к уровню его педагогических умений, таких как: перевод содержания образовательного процесса в систему педагогических задач; определение уровня подготовленности обучающихся к активной учебной деятельности; выстраивания иерархической структуры и последовательности решения педагогических задач; проектирования и реализации логически завершенных педагогических систем (образовательно-воспитательные задачи, обоснованное содержание образования, оптимальные формы, методы, средства организации педагогического процесса); определение взаимосвязей компонентов и факторов в обучении и воспитании и задействовать их в учебном процессе; обеспечение субъектной позиции обучающегося и активизация его индивидуальной и совместной деятельности; обеспечение продуктивного и развивающего взаимодействия с внешней средой; оценивание и педагогический анализ образовательного результата и педагогической деятельности; обеспечение непрерывности и цикличности педагогического процесса. Все приведенные профессиональные умения педагога, как и множество иных, составляющих операциональную основу педагогической деятельности, для системного усвоения будущими педагогами требуют функциональной «привязки» к их имеющимся уже когнитивным конструктам и жизненному опыту, но нуждающимся в структурном переформатировании и обогащении.

В.А. Сластенин дифференцирует профессиональную компетентность педагога на теоретическую и практическую готовность, выделяя их интегрирующее основание – деятельность, содержание которой составляют педагогическое мышление, предполагающее владение аналитическими, прогностическими, проективными, организаторскими, коммуникативными и рефлексивными умениями. Эта рамочная модель готовности педагога к профессиональной деятельности в полной мере применима для определения структурных компонентов готовности и их особенностей в меняющейся социальной среде.

Н.В. Кузьмина и её петербургская педагогическая школа в рамках разработки социокультурного подхода к профессиональной деятельности педагога в составе готовности рассматривают личностно-гуманную ориентацию; системное восприятие педагогической реальности и системные действия в ней; свободную ориентацию в своей предметно-профессиональной области; владение современными педагогическими технологиями.

Г.В. Воронцова готовность в составе компетентности дополняет тремя группами профессиональных умений: а) умение интегрировать свой имеющийся опыт деятельности с уже накопленным социальным опытом всех уровней происхождения (социально-культурным, обобщенным профессиональным опытом, опытом коллег и т. д.); б) умение и стремление в меняющихся условиях проявлять творчество и креативность как «способ бытия в профессии, желание и умение создавать новую педагогическую реальность на уровне ценностей (целей), содержания, форм и методов многообразных образовательных процессов и систем»; в) рефлексивные умения, составляющие способность педагога объективно, с выходом за свою субъективную позицию, анализировать, понимать и оценивать педагогическую реальность, её социально-культурное содержание, место и роль своей профессиональной деятельности в преобразовании этой реальности [3].

В.Н. Введенский, представляя свою модель готовности к профессиональной деятельности педагога, опираясь на структуру способностей С.Л. Рубинштейна, выделяет в структуре готовности ядерный и операциональный компоненты, выполняющие, соответственно, функции направленности деятельности и способов её осуществления [2].

Е.И. Рогов, анализируя описательные модели профессиональной деятельности учителя, приводит типы профиограмм деятельности, вроде бы, преодолевающие барьер бессистемности, но, одновременно перегруженных дополнительной информацией, за которой теряются структурные компоненты самой деятельности (комплексная профиограмма, психологически ориентированная, задачно-личностная и др.), что не способствует решению проблемы профессиональной готовности будущего педагога [8]. При наличии множества теорий и научных концепций содержания структурных компонентов готовности педагога к профессиональной деятельности необходим системный подход к отбору необходимых элементов готовности педагога к работе в изменяющейся социальной реальности, являющейся не только внешней средой, но и концентрированным содержанием педагогической деятельности. В качестве отправного принципа решения проблемы моделирования готовности следует обратить внимание на мнение одного из отечественных основателей системного подхода академика П.К. Анохина: «Системой можно назвать только такой комплекс избирательно-вовлеченных компонентов, у которых взаимодействие и взаимоотношение приобретает характер взаимодействия компонентов на получения фокусированного полезного результата» [1, с. 5].

М.И. Лукьянова в структуре профессиональной готовности педагога выделяет мотивационно-целевую, аксиологическую, аутопсихологическую, когнитивную, конструктивно-технологическую и рефлексивную составляющую. Исследуя профессиональную готовность учителя к личностно-ориентированной педагогической деятельности, автор обращается к работам В.В. Серикова, первым начавшего исследовать этот вид готовности, обратившись в определении

сущности готовности к двум её параметрам – «овладение на личностном уровне предметом, который он преподаёт и сформированности личностной парадигмы в педагогическом мышлении учителя» [9].

Личностная парадигма создает в деятельности педагога субъективный смысл, включает в неё личные переживания происходящего в педагогическом процессе, субъективируя его. Это задача методологического уровня требует технологического решения в образовании будущего педагога. Педагогическая техника образовательной деятельности, обретая личностно-смысловую основу, по мнению С.В. Кульневича, «становится завершённым средством самореализации внутреннего, субъективного мира педагога» [4, с. 25].

Но эту завершённость средства самореализации необходимо сформировать в процессе его вузовской подготовки. Спонтанное её становление, без целенаправленно создаваемых педагогических условий представляется проблематичным. Для исследования проблемы функционально-технологической подготовки будущего педагога к профессиональной деятельности в новой социальной реальности важным положением подхода В.В. Серикова к исследованию готовности учителя является целенаправленное формирование личностной парадигмы в педагогическом мышлении будущего учителя. Это повлекло за собой появление предположения о том, что формирование функционально-технологической готовности будущего педагога возможно на концептуальной основе организации педагогической деятельности – индивидуальной концепции организации деятельности, имеющей инвариантное функционально-технологическое основание управления деятельностью, применимое для организации любого вида деятельности и, являющееся, по сути, освоенной универсальной моделью самоорганизации деятельности субъектом. На необходимость формирования опыта организации деятельности указывает Д.Г. Левитес, рассматривая в качестве фактора успешности педагога его методологическую культуру, представляющую собой, по его мнению, систему знаний и способов грамотного и осознанного выстраивания своей деятельности в условиях неопределённости [5].

Определяя структурные компоненты функционально-технологической готовности будущего педагога к профессиональной деятельности, следует помнить, что это деление носит условный характер на уровне моделирования реальной готовности и способности обучающегося на нормативно заданном уровне выполнять педагогическую деятельность. Готовность к деятельности носит целостный, системный характер, подчиненный закономерностям и механизмам самоорганизации и саморегуляции произвольной активности личности. Моделирование структуры готовности позволяет сосредоточить исследовательское внимание на содержании и функциональных связях её отдельных частей и элементов, абстрагируясь одновременно от менее значимых для решения задач исследования её параметров.

Ниже представлена структурная модель функционально-технологической готовности будущего педагога к профессиональной деятельности в новой социальной реальности. Основу готовности к профессионально-педагогической

деятельности составляет жизненный и учебно-профессиональный опыт обучающегося в интегративной целостности всех его элементов, в том числе и эмоционально-волевого опыта переживания событий и ситуаций. В одном исследовании невозможно охватить всю многогранность знаний и опыта, необходимого для эффективной работы будущего педагога в современном сложном и напряженном социуме.

Исходя из собственной исследовательской и мировоззренческой позиции функционально-технологическая готовность будущего педагога к профессиональной деятельности в новой социальной реальности нами понимается как системное личностно-деятельностное образование, целенаправленно формируемое в педагогическом процессе вуза, интегрирующее в себе: ценностно-смысловые характеристики его профессиональной направленности; индивидуальную функционально-технологическую концепцию самоорганизации профессионально-педагогической деятельности; навыки саморегуляции и рефлексии деятельности, обеспечивающие социально-преобразовательную направленность предстоящей профессиональной деятельности с учетом особенностей образовательных запросов в развитии российского общества. Выделены те личностно-деятельностные конструкты, которые составляют её организационно-деятельностную основу, необходимую для продуктивной самоорганизации студентом предстоящей профессионально-педагогической деятельности и которые, по нашим предположениям, формируются в образовательном процессе педагогического вуза.

Таким образом, функционально-технологическая готовность будущего педагога к профессиональной деятельности в условиях динамично меняющегося социума определяется нами как системное личностно-деятельностное образование, целенаправленно формируемое в педагогическом процессе вуза, интегрирующее в себе: ценностно-смысловые характеристики его профессиональной направленности; индивидуальную функционально-технологическую концепцию самоорганизации профессионально-педагогической деятельности; навыки самоорганизации, саморегуляции и рефлексии деятельности, обеспечивающие социально-преобразовательную направленность предстоящей профессиональной деятельности с учетом особенностей образовательных запросов российского общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анохин, П. К. Функциональная система как методологический принцип биологического и физиологического исследования / П. К. Анохин. – Текст : непосредственный // Системная организация физиологических функций. – М., 1968. – С. 5–7.
2. Введенский, В. Н. Моделирование профессиональной компетентности педагога / В. Н. Введенский. – Текст : непосредственный // Педагогика. – 2003. – № 10. – С. 51–55.
3. Воронцова, В. Г. Гуманитарно-аксиологические основы постдипломного образования педагога : монография / В. Г. Воронцова. – Псков : ПОИПКРО, 1997. – 421 с. – Текст : непосредственный.

4. Кульневич, С. В. Концепция личностно ориентированного воспитания / С. В. Кульневич. – Текст : непосредственный // Развитие педагогических систем в регионе: личностно ориентированное образование. – Волгоград, 1994. – С. 23–30.
5. Левитес, Д. Г. Практика обучения: современные образовательные технологии / Д. Г. Левитес. – М. : Институт практической психологии ; Воронеж : МОДЭК, 1998. – 288 с. – Текст : непосредственный.
6. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – М. : Смысл, 2005. – 431 с. – Текст : непосредственный.
7. Новиков, А. М. Педагогика : словарь системы основных понятий / А. М. Новиков. – М. : Издательский центр ИЭТ, 2013. – 268 с. – Текст : непосредственный.
8. Рогов, Е. И. Психология становления профессионализма (в соционOMICеских профессиях) : монография / Е. И. Рогов. – Ростов н/Д. : Издательство Южного федерального университета, 2016. – 340 с. – Текст : непосредственный.
9. Сериков, В. В. Личностный подход в образовании: концепция и технологии : монография / В. В. Сериков. – Волгоград : Перемена, 1994. – 152 с. – Текст : непосредственный.
10. Слостенин, В. А. Педагогика : учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений / В. А. Слостенин, И. Ф. Исаев, Е. Н. Шиянов ; под редакцией В. А. Слостенина. – М. : Академия, 2013. – 576 с. – Текст : непосредственный.
11. Шадриков, В. Д. Психология деятельности человека / В. Д. Шадриков. – М. : Институт психологии РАН, 2013. – 463 с. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Anohin P. K. Functional system as a methodological principle of biological and physiological research. *Sistemnaya organizaciya fiziologicheskikh funkcij = System organization of physiological functions*. M., 1968, pp. 5–7. (In Russian).
2. Vvedenskij V. N. Modeling the professional competence of a teacher. *Pedagogika = Pedagogy*, 2003, no. 10, pp. 51–55. (In Russian).
3. Voroncova V. G. *Gumanitarno-aksiologicheskie osnovy postdiplomnogo obrazovaniya pedagoga* [Humanitarian and axiological foundations of postgraduate education of a teacher]. Pskov, POIPKRO, 1997. 421 p. (In Russian).
4. Kul'nevich S. V. The concept of personality-oriented education. *Razvitie pedagogicheskikh sistem v regione: lichnostno orientirovannoe obrazovanie = Development of pedagogical systems in the region: student-centered education*. Volgograd, 1994, pp. 23–30. (In Russian).
5. Levites D. G. *Praktika obucheniya: sovremennye obrazovatel'nye tekhnologii* [Learning Practice: Modern Educational Technologies]. M., Institut prakticheskoy psihologii ; Voronezh, MODEK, 1998. 288 p. (In Russian).
6. Leont'ev A. N. *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. M., Smysl, 2005. 431 p. (In Russian).
7. Novikov A. M. *Pedagogika: slovar' sistemy osnovnyh ponyatij* [Pedagogy: a dictionary of the system of basic concepts]. M., Izdatel'skij centr IET, 2013. 268 p. (In Russian).
8. Rogov E. I. *Psihologiya stanovleniya professionalizma (v socionomicheskikh professiyah)* [Psychology of the formation of professionalism (in socionomic professions)]. Rostov-na-Donu, Izdatel'stvo Yuzhnogo federal'nogo universiteta, 2016. 340 p. (In Russian).

9. Serikov V. V. *Lichnostnyj podhod v obrazovanii: koncepciya i tekhnologii* [Personal approach in education: concept and technologies]. Volgograd, Peremena, 1994. 152 p. (In Russian).

10. Slastenin V. A., Isaev I. F., Shiyanov E. N. *Pedagogika* [Pedagogy]. M., Akademiya, 2013. 576 p. (In Russian).

11. Shadrikov V. D. *Psihologiya deyatel'nosti cheloveka* [Psychology of human activity]. M., Institut psihologii RAN, 2013. 463 p. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Аракелян, Э. С. Функционально-технологическая готовность будущего педагога: понятие и структура / Э. С. Аракелян. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2023. – № 3. – С. 9–17.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Arakelyan E. S. Functional and Technological Readiness of the Future Teacher: Concept and Structure // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2023, no. 3, pp. 9–17. (In Russian).

УДК 373+37.043

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОЕКТНОЙ АКТИВНОСТИ У СТАРШЕКЛАССНИКОВ

Э.И. Данильянц

PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR THE FORMATION OF PROJECT ACTIVITY IN HIGH SCHOOL STUDENTS

E.I. Danilyants

Аннотация. Широкий диапазон научных трактовок понятия «педагогические условия» в научной литературе приводит к определенным трудностям при разработке экспериментальной части исследования. В связи с этим автор данной статьи проводит теоретический анализ представленной дефиниции, исходя из различных позиций отечественных ученых-педагогов. Осуществляя попытку синтеза основных интерпретаций, автор дает свое уникальное определение понятию «педагогические условия»: внешние обстоятельства, опирающиеся на внутренние (индивидуальные) способности и возможности субъектов образовательного процесса, в совокупности оказывающие существенное влияние на протекание педагогического процесса, в той или иной мере сознательно сконструированного педагогом, направленные на определенный результат и дающие возможность проверить и повторить при необходимости результаты опытно-экспериментальной работы. Также автор уточняет организационно-педагогические и психолого-педагогические аспекты понятия «педагогические условия», исходя из основного посыла исследования – формирования проектной активности старшеклассников.

Abstract. A wide range of scientific interpretations of the concept of "pedagogical conditions" in the scientific literature leads to certain difficulties in the development of the experimental part of the study. In this regard, the author of this article conducts a theoretical analysis of the presented definition, based on various positions of domestic scientists and teachers. Making an attempt to synthesize the main interpretations, the author gives his unique definition of the concept of "pedagogical conditions" as external circumstances based on the internal (individual) abilities and abilities of the subjects of the educational process, collectively having a significant impact on the flow of the pedagogical process, more or less consciously developed by the teacher, aimed at a certain result and giving the opportunity to check and repeat, if necessary, the results of the experimental work, and also its organizational-pedagogical and psychological-pedagogical aspects are being clarified, based on the main message of the study – the formation of project activities of high school students.

Ключевые слова: педагогические условия, проектная активность, процесс обучения, старшеклассники.

Keywords: pedagogical conditions, project activity, learning process, high school students.

Современная средняя школа ориентирует молодежь на выбор и реализацию своего профессионального выбора уже в период обучения. Начиная с 2015 года профильное образование становится обязательным для старшеклассников. Целевая идея профильного обучения заключается том, что, трансформируя структуру и организацию процесса обучения, система образования становится

способной учитывать интересы и склонности каждого обучающегося, что позволяет реализовать индивидуальный подход и отобрать после девятого класса обучающихся, способных к обучению в системе высшего образования. Профиль, по которому будут обучаться старшеклассники, также подбирается индивидуально, исходя из интересов, способностей и приоритетов обучающихся.

Современная концепция образования, представленная в ФГОС ОО и государственной программе Российской Федерации «Развитие образования» до 2030 года, декларирует необходимость обучения школьников навыкам проектирования и проектной деятельности, активного вовлечения их в профильную проектную деятельность. Отвечая на данные вызовы в рамках авторского научного исследования, мы направили научный фокус на решение проблемы формирования проектной активности старшеклассников как системного качества личности, отражающего ее состояние перед началом проектной деятельности.

Ключевым моментом формирования проектной активности старшеклассников считаем создание определенных условий, которые будут обеспечивать данный педагогический процесс. Для целостности теоретической картины изучаемого процесса необходимо уточнить понятие «педагогические условия».

Теоретический анализ термина «педагогические условия» показал, что его понимание неоднозначно. Исследователи демонстрируют широкий спектр научных позиций:

- совокупность мер педагогического воздействия, обеспечивающихся возможностями материальной среды и способствующих росту эффективности педагогического процесса (О.А. Мосина [1], С.А. Хазова [2] и др.);

- составной элемент педагогической системы, в совокупности представляющий собой комплекс внутренних и внешних условий, гарантирующих функционирование и развитие системы в целом (А.А. Володин [3], О.В. Галкина [4] и др.);

- связующее звено образовательного процесса, дающее возможность проверить и повторить при необходимости результаты опытно-экспериментальной работы (Н.М. Борытко [5], А.А. Рыбакова [6] и др.).

Не вступая в противоречие с озвученными позициями, но расширяя и объединяя каждую из них одновременно, трактовка термина «педагогические условия» может звучать следующим образом: «это внешние обстоятельства, опирающиеся на внутренние (индивидуальные) способности и возможности субъектов образовательного процесса, в совокупности оказывающие существенное влияние на протекание педагогического процесса, в той или иной мере сознательно сконструированного педагогом, направленные на определенный результат и дающее возможность проверить и повторить при необходимости результаты опытно-экспериментальной работы».

Проведенный анализ работ отечественных ученых позволил уточнить педагогические условия, актуальные для данного исследования.

1. Условие фундаментальности связывает между собой содержание всех учебных дисциплин и служит основой для будущей проектной деятельности обучающихся [7].

2. Условие вариативности ориентирует в рамках образовательного процесса на возможность выбора старшеклассниками и их родителями образовательных программ, содержания образования, методов самореализации и пр. [8].

3. Условие открытости позволяет использовать различные способы познания и объяснения явлений мира, а также культурную и профессионально-социальную среды [9].

4. Условие интерактивности диктует необходимость постановки перспективных и краткосрочных целей в соответствии с поставленными задачами развития субъекта образовательного процесса [10].

5. Условие самореализации обеспечивает раскрытие внутреннего потенциала личности при использовании индивидуальных ресурсов и ресурсов образовательной организации с целью реализации индивидуальных потребностей, способностей и возможностей [11].

Исходя из заявленных позиций, мы считаем возможным сегментировать педагогические условия формирования проектной активности старшеклассников на организационно-педагогическую составляющую, отражающую процессуальную сторону проектной активности, и психолого-педагогическую составляющую, обуславливающую личностное развитие субъектов проектной деятельности (Таблица 1).

Таблица 1

Педагогические условия формирования проектной активности старшеклассников

Педагогические условия	Организационно-педагогическая составляющая	Психолого-педагогическая составляющая
Фундаментальность	Ориентация на ФГОС основного общего образования, дифференцирующее образование старшеклассников по профилям, а также предполагающий вариативность индивидуальных программ	Использование системно-деятельностного подхода к формированию проектной активности старшеклассников в профильном обучении
Вариативность	Разработаны образовательные программы в рамках учебного плана одного или нескольких профилей, содержащие проектные технологии, конкретизирующие способы передачи обучающимся профессионально значимых знаний	Разработка содержания программ социально-экономического профиля, соответствующих потребностям старшеклассников

Педагогические условия	Организационно-педагогическая составляющая	Психолого-педагогическая составляющая
Открытость	Обоснованность межпредметной интеграции по смежным областям наук, необходимой для взаимосвязи профильного обучения с основной образовательной программой	Разработка индивидуально-групповых траекторий проектной деятельности
Интерактивность	Организация совместной проектной деятельности, выработка тактики и стратегии педагогического взаимодействия	Структурирование режима диалога между субъектами образования, реализация форм и методов проектного обучения
Самореализация	Обеспечение активного включения педагогов и старшеклассников в проектную деятельность	Стимулирование определения и принятие старшеклассниками целей и задач проектной деятельности

Представленные в табличном виде педагогические условия позволяют сделать вывод о том, что они обладают, с одной стороны, относительно независимыми характеристиками, а с другой – взаимодополняющими, что обеспечивает их совокупность и комплексность.

Организационно-педагогическая составляющая:

1. Ориентация на ФГОС основного общего образования, дифференцирующий образование старшеклассников по профилям, а также предполагающий вариативность индивидуальных программ. В соответствии с требованиями ФГОС процесс обучения может ориентироваться как на один из установленных профилей, так и совмещать два и более профиля.

2. Разработаны образовательные программы в рамках учебного плана одного или нескольких профилей, содержащие проектные технологии, конкретизирующие способы передачи обучающимся профессионально значимых знаний. При этом программы обеспечивают интеграцию обучающегося как субъекта профильного обучения в образовательное пространство средствами проектной деятельности и превращают образование в средство, необходимое для реализации проектной деятельности, не трансформируясь при этом в самоцель.

3. Обоснованность межпредметной интеграции по смежным областям наук, необходимой для взаимосвязи профильного обучения с основной образовательной программой. В частности, так целесообразно отслеживать взаимосвязанные темы занятий по различным учебным предметам («Обществознание», «История России», «Физика» и пр.) и предлагать обучающимся разрабатывать актуальные проекты в соответствии с изучаемой проблемой.

4. Реализация совместной проектной деятельности обучающихся на основе выработки тактики и стратегии педагогического взаимодействия, направленных на формирование проектной активности в целях устранения противоречий между традиционными отношениями педагога и обучающегося, включающими дидактизм и авторитарность, с учетом актуальной и современной востребованности выстраивания креативных отношений обоюдного обучения и взаимопонимания.

5. Обеспечение активного включения педагогов и старшеклассников в процесс формирования проектной активности на основе индивидуального отбора в профильные группы и малые группы для разработки и реализации авторских проектов.

Психолого-педагогическая составляющая:

1. Использование системно-деятельностного подхода к формированию проектной активности старшеклассников в профильном обучении, обеспечивающего комплексную разработку углубленного научного содержания образовательных программ и содействующего целенаправленному отбору инновационных методов и инструментов создания разнообразных проектов школьниками в различных областях знания.

2. Разработка содержания программ профиля в соответствии с интересами и способностями старшеклассников, включение в процесс профильного обучения специальных учебных дисциплин с высоким потенциалом формирования проектной активности и профессиональных намерений школьников в форме специальных курсов, курсов по выбору, повышающих уровень элективных компетенций старшеклассников.

3. Создание индивидуально-групповых траекторий формирования проектной активности старшеклассников с учетом их интересов и способностей, на основе выявленных теоретических принципов. Траектории, направленные на разработку элективных курсов, в профильных классах школы реализуются с учетом региональной специфики и ориентированы на расширение пространства профессионально значимых представлений и навыков обучающихся.

4. Структурирование режима диалога между субъектами проектной деятельности посредством реализации форм и методов профильного обучения с применением в учебном процессе интерактивных технологий, с использованием современных технических и информационно-коммуникационных средств.

5. Стимулирование мотивации личности к участию в проектной деятельности при определении и принятии целей и задач ориентации обучающихся на приоритетные профессии средствами постоянно действующего мониторинга с диагностическими методиками сформированности уровней проектной активности старшеклассников.

Итак, в ходе теоретического исследования были выявлены педагогические условия, отражающие совокупность организационно-педагогических и психолого-педагогических аспектов формирования проектной активности старшеклассников и определяющие ход перспективного опытно-экспериментального исследования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мосина, О. А. Педагогическая медиация адаптационных конфликтов курсантов в профессиональном образовании военного вуза : монография / О. А. Мосина, Р. Г. Редун. – Краснодар ; Армавир : РИО АГПУ, 2022. – 164 с. – Текст : непосредственный.
2. Хазова, С. А. Педагогические условия подготовки курсантов к профессионально-ориентированной научно-исследовательской деятельности / С. А. Хазова, В. А. Михайлюк, Н. Н. Трунов. – Текст : непосредственный // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. – 2020. – № 3 (263). – С. 141–147.
3. Володин, А. А. Анализ содержания понятия «педагогические условия» / А. А. Володин, Н. Г. Бондаренко. – Текст : непосредственный // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2014. – № 2. – С. 143–152.
4. Галкина, О. В. Педагогические условия как категория научно-педагогического исследования / О. В. Галкина. – Текст : непосредственный // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2008. – Том 10. – Выпуск 6-2. – С. 30–36.
5. Борытко, Н. М. В пространстве воспитательной деятельности : монография / Н. М. Борытко ; научный редактор С. К. Сергеев ; Волгоградский государственный педагогический университет. – Волгоград : Перемена, 2001. – 181 с. – Текст : непосредственный.
6. Рыбакова, А. А. Педагогические условия формирования информационно-технологической компетенции лингвиста-преподавателя / А. А. Рыбакова. – Текст : непосредственный // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2012. – № 78 (1). – С. 151–157.
7. Касперович, Н. В. Педагогические задачи как средство реализации принципа фундаментальности в процессе подготовки будущих учителей : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Касперович Наталья Владимировна. – Нижний Новгород, 2005. – 269 с. – Текст : непосредственный.
8. Белозерцев, Е. П. ВУЗ: наследие, культурно-образовательная среда, диалог / Е. П. Белозерцев. – Текст : непосредственный // Наука. Искусство. Культура. – 2012. – № 1 (1). – С. 117–130.
9. Blank J. W. A guide to curriculum planning in business education / J. W. Blank, V. A. Poople. – Madison (Wis) : Wisconsin diep., 2007. – XI. – 169 p.
10. Гейхман, Л. К. Интерактивный подход как современная трактовка педагогического взаимодействия / Л. К. Гейхман. – Текст : непосредственный // Современные направления развития педагогической мысли и педагогика И.Е. Шварца : материалы международной научно-практической конференции (г. Пермь, 1–2 июня 2009 года) : в 2 частях. Часть I / ответственный редактор Л. А. Косолапова. – Пермь : ПГПУ, 2009. – С. 37–42.
11. Васильева, Е. Н. Ресурсный потенциал «пожилых»: технологии реализации / Е. Н. Васильева, О. А. Мосина. – Текст : непосредственный // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 1. – С. 458.

REFERENCES

1. Mosina O. A., Redun R. G. *Pedagogicheskaya mediatsiya adaptatsionnykh konfliktov kursantov v professional'nom obrazovanii voennogo vuza* [Pedagogical mediation of adaptation conflicts of cadets in professional education of a military university]. Krasnodar ; Armavir, RIO AGPU, 2022. 164 p. (In Russian).

2. Khazova S. A., Mikhailyuk V. A., Trunov N. N. Pedagogical conditions of training cadets for professionally oriented research activities. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Pedagogika i psihologiya = Bulletin of the Adygea State University. Series 3: Pedagogy and Psychology*, 2020, no. 3 (263), pp. 141–147. (In Russian).
3. Volodin A. A., Bondarenko N. G. Analysis of the content of the concept of "pedagogical conditions". *Izvestiya TulGU. Gumanitarnye nauki = News of Tula State University. Humanitarian sciences*, 2014, no. 2, pp. 143–152. (In Russian).
4. Galkina O. V. Pedagogical conditions as a category of scientific and pedagogical research. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk = News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 2008, vol. 10, iss. 6-2, pp. 30–36. (In Russian).
5. Borytko N. M. *V prostranstve vospitatel'noj deyatel'nosti* [In the space of educational activity]. Volgograd, Peremena, 2001. 181 p. (In Russian).
6. Rybakova A. A. Pedagogical conditions for the formation of pedagogical and technological competence of a linguist-teacher. *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Stavropol State University*, 2012, no. 78 (1), pp. 151–157. (In Russian).
7. Kasperovich N. V. *Pedagogicheskie zadachi kak sredstvo realizacii principa fundamental'nosti v processe podgotovki budushchih uchitelej* [Pedagogical tasks as a means of implementing the principle of fundamentality in the process of training future teachers]. Nizhny Novgorod, 2005. 269 p. (In Russian).
8. Belozertsev E. P. University: heritage, cultural and educational environment, dialogue. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura = Nauka. Art. Culture*, 2012, no. 1 (1), pp. 117–130. (In Russian).
9. Blank Joan W. A guide to curriculum planning in business education. Madison, 2007, XI. 169 p.
10. Geikhman L. K. Interactive approach as a modern interpretation of pedagogical interaction. *Sovremennye napravleniya razvitiya pedagogicheskoy mysli i pedagogika I.E. Shvarca = Modern trends in the development of pedagogical thought and pedagogy of I.E. Schwartz*. Perm, PGPU, 2009, pp. 37–42. (In Russian).
11. Vasilyeva E. N., Mosina O. A. Resource potential of the "elderly": implementation technologies. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya = Modern problems of science and education*, 2014, no. 1, p. 458. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Данильянц, Э. И. Педагогические условия формирования проектной активности у старшеклассников / Э. И. Данильянц. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2023. – № 3. – С. 18–24.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Danilyants E. I. Pedagogical Conditions for the Formation of Project Activity in High School Students / E. I. Danilyants // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2023, no. 3, pp. 18–24. (In Russian).

УДК 372.8

МАТЕРИАЛЬНАЯ БАЗА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ РОБОТОТЕХНИКИ

Н.П. Петрова, А.А. Вязьмин

MATERIAL BASE OF EDUCATIONAL ROBOTICS

N.P. Petrova, A.A. Vyazmin

Аннотация. Развитие современного общества на данный момент напрямую связано с применением и эволюцией современных электронных приборов, включая роботов. Роботы и их производные проникли во все сферы жизни современного общества, включая медицину, космонавтику, промышленность, военное дело и образование. Отечественные исследователи рассматривают образовательную робототехнику как междисциплинарный предмет или инновационную технологию обучения. Обучение проектированию, анализу, применению и эксплуатации роботов предполагает наличие определенной материальной базы. Анализ отечественных и зарубежных источников относительно используемой материальной базы образовательной робототехники, выявил приоритеты конструкторских наборов и тенденцию роста применения платформ с открытым исходным кодом. Наиболее популярной на сегодняшний день признана платформа Ардуино, она может применяться для обучения детей практически всех возрастов. Среда TRIK Studio ориентирована на изучение логики работы мобильных роботов и обучение решению соревновательных задач. Применение ROS в образовательной робототехнике рекомендуется для выполнения проектов повышенной сложности.

Abstract. The development of modern society at the moment is directly related to the application and evolution of modern electronic devices, including robots. Robots and their derivatives have penetrated all spheres of life in modern society, including medicine, astronautics, industry, military and education. Domestic researchers consider educational robotics as an interdisciplinary subject or an innovative teaching technology. Learning to design, analyse, apply and operate robots presupposes a certain material base. The analysis of domestic and foreign sources regarding the used material base of educational robotics has revealed the priorities of design kits and the tendency of growth in the use of open source platforms. The Arduino platform is recognised as the most popular today; it can be used for teaching children of almost all ages. The TRIK Studio environment is oriented towards studying the logic of mobile robots and learning to solve competitive tasks. The use of ROS in educational robotics is recommended for projects of increased complexity.

Ключевые слова: робототехника, образование, educational robotics, робототехника с открытым исходным кодом.

Keywords: robotics, education, educational robotics, open source robotics.

Современная робототехника проникла во все сферы жизни общества, в том числе и в образование. Англоязычный термин Educational robotics означает обучение проектированию, анализу, применению и эксплуатации роботов. Отечественные исследователи рассматривают образовательную робототехнику как инновационную технологию и/или междисциплинарный предмет, целью которого является обучение студентов на основе сборки и программирования роботов.

Так, Я.А. Ваграменко, О.М. Карпенко, Г.Ю. Яламов и др. определяют образовательную робототехнику как многогранную образовательную технологию, основу которой составляет творчество обучающихся, основанное на интеграции инновационных отраслей знаний, направленное на осуществление поиска, подготовки и методического содействия обучающимся [3, с. 8].

Истоки образовательной робототехники мы можем увидеть еще в 1960-х годах, американский математик Сеймур Пеперт применял для обучения детей робототехнике «Робота-черепаху». Данный робот представлял собой, платформу с двумя колёсами на шаговых двигателях. Программирование производилось на языке «Logo». Согласно, алгоритму робот вырисовывал траектории движения. Этот робот предназначался для обучения математическим понятиям, в частности геометрии и пространственному восприятию [11]. В дальнейшем на основе сотрудничества Пеперта и компании Лего появились наборы LEGO TC Logo. В данных наборах добавили команды включения моторов и получения информации с сенсоров, таких как датчик освещенности, который вкуне со специальным полосатым диском можно было использовать как энкодер, а также датчик касания. Так на примере набора Lego TC Logo Teaching the turtle, обучающиеся собирали робота-черепаху и программировали его на движение по траектории, вдоль линии, настраивали «зрение» робота через оптические датчики [7, с. 3].

Следующим шагом стало создание блока Grey Brick в рамках лаборатории MIT, который стал прототипом для будущих наборов линеек Lego RCX, NXT, EV3. Конструктор Lego Mindstorms был представлен в 1998 г. Первую версию комплектовали микрокомпьютером RCX. В 2006 г. вышла вторая версия конструктора – NXT, в начале 2013 г. появился EV3). Именно после выхода образовательного набора Lego Mindstorms в начале 2000-х годов стала развиваться робототехника для детей школьного возраста.

Современная образовательная робототехника, характерна обилием коммерческих наборов таких брендов, как Lego, Huna, Fischertechnik. В основе концепции применения робототехнических образовательных наборов лежит применение готовых конструкционных деталей, инструкций и специального программного обеспечения. Прямыми недостатками применения таких наборов можно назвать отсутствие доступности по финансовым и региональным показателям, ограниченность в рамках собственного бренда.

Относительно новым направлением в образовательной робототехнике можно назвать применение Open-source robotics (OSR), где используется открытое аппаратное обеспечение и бесплатное программное обеспечение с открытым исходным кодом. Развитие данной робототехники стало возможным благодаря движению энтузиастов в рамках DIY. Одной из вех развития DIY и в частности развития образовательной робототехники можно назвать создание платы Ардуино. Платформа Ардуино, изначально, являясь платой разработки электронных устройств, произвела настоящий переворот в изучении электроники и робототехники [2]. Ардуино является маркой аппаратно-программных

платформ с открытой архитектурой, которая позволяет копировать и дополнять линейку продукции. Главной особенностью платы Ардуино можно назвать возможность программирования с помощью компьютера и наличие открытой среды программирования Arduino IDE, до создания платформы, устройства на основе микроконтроллеров приходилось прошивать через программаторы. Данная аппаратно-программная платформа является динамично-развивающейся на сегодняшний день.

Также усилиями энтузиастов разработана блочная среда программирования Ardublock, которая позволяет приобщить к азам программирования детей младшего школьного возраста. Немаловажным в развитии OSR является применение 3D-печати. 3D-печать как средство обучения позволяет обучающимся изучить аддитивные технологии, программы 3D-моделирования и создавать на их основе детали для роботов.

Анализ тенденций, связанных с темой применения открытых платформ в проектах интернета вещей (Trends for Low-Cost and Open-Source IoT Solutions Development for Industry 4.0), показывает, что к настоящему времени наиболее актуальными являются четыре аппаратные платформы – это Arduino, Raspberry, ESP8266 и ESP32 [1; 4; 5; 6].

На рисунке 1 представлен график, демонстрирующий актуальность данных платформ, начиная с 2007 года.

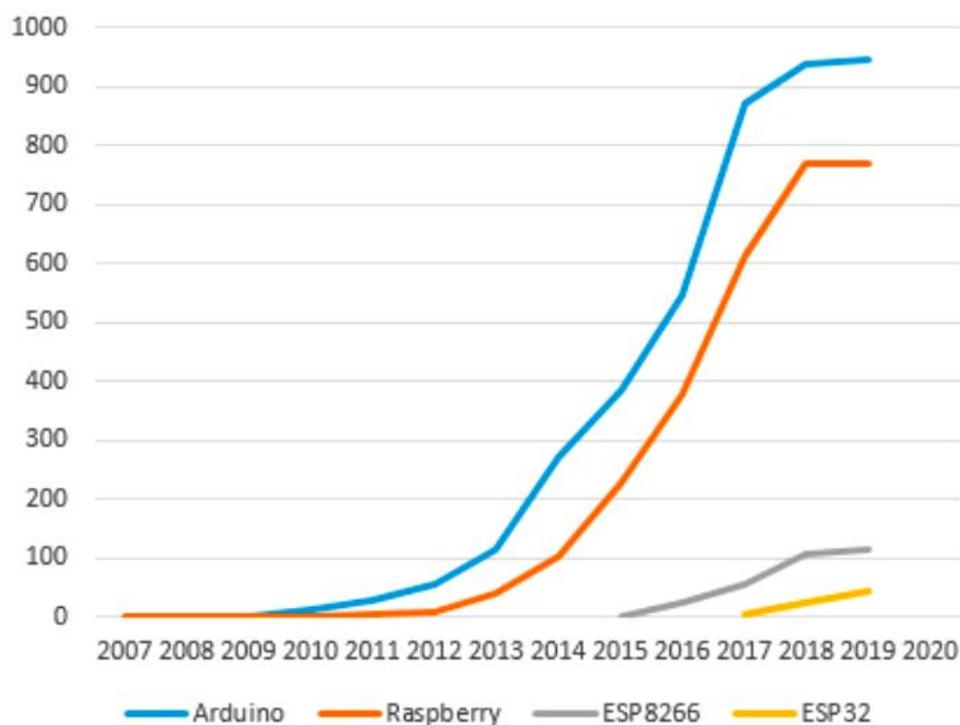

Рис. 1 – График количества публикаций из исследования "Trends for Low-Cost and Open-Source IoT Solutions Development for Industry 4.0"

На графике показано количество публикаций в IEEE Explorer, связанных с четырьмя наиболее часто используемыми аппаратными платформами в проектах с открытым исходным кодом. По мнению авторов исследования, плавные кривые для Arduino и Raspberry в последние годы могут указывать на то, что количество публикаций по использованию этих платформ, возможно, достигло своего пика. Тем не менее, нет никаких признаков уменьшения числа публикаций по этим темам в год [8, с. 302].

В рамках данной статьи нами рассматриваются аппаратные платформы Ардуино (робот Отто и Ардупилот), а также программные платформы с открытой архитектурой (операционные системы ROS, Gazebo, ТРИК-студии).

Платформа Ардуино и проекты на её основе является открытой аппаратно-программной платформой на базе микроконтроллера AVR Atmega 328p. Семейство плат Ардуино включает в себя платы Ардуино УНО, НАНО, МЕГА и др. В среде программирования Arduino IDE, разработчик создаёт программу управления и прошивает плату. Основные элементы платы Ардуино составляют порты ввода-вывода, которые можно программировать на восприятие или выдачу информации в виде цифровых и аналоговых сигналов [1]. Как сказано выше, Ардуино является открытой платформой, разработчик может сам собрать данную плату и прошить предварительно микроконтроллером установщиком с помощью программатора и затем уже использовать USB для загрузки прошивки. Список робототехнических проектов на основе платы довольно обширен: автоматические системы, роботы различного назначения, проекты Интернета вещей.

Также для работы с платой Ардуино подходят программы-симуляторы, находящиеся в свободном доступе. Среди них выделим Tinkercad и Ardulock.

Сервис Tinkercad – это бесплатная коллекция программных онлайн-инструментов, которая позволяет создавать 3D-модели и моделировать работу электронных цепей. Преподаватель имеет возможность создавать классы и добавлять учащихся, для этого достаточно придумать для ученика логин и пароль. После появляется возможность следить за активностью и проектами учеников. Сервис позволяет моделировать различные схемы, от колебательного контура до программирования платформы Ардуино. Обучающиеся имеют возможность программировать как в режиме блоков, так и в режиме ввода текстовой программы. Программа Ардублок представляет собой программу блочного кодирования для платформ Ардуино УНО. В Ардублок имеются блоки циклов, счётчиков и переменных, также блоки для отдельных модулей, например RGB-светодиода.

Робот Отто представляет собой открытый проект конструктора двуного шагающего робота. Конструкционные детали для печати в формате stl можно найти на официальном сайте проекта или в Thingiverse.com – огромной базе моделей для печати. На официальном сайте мы можем найти инструкции по сборке, учебные пособия по программированию и примеры программ. Робот Отто поддерживает дистанционное управление, проекты интернета вещей. Применяя робот Отто, преподаватель может поэтапно обучить детей практическому

3D-моделированию, программированию шагающего робота с многофункциональной элементарной базой, открытые ремиксы робота Отто позволяют продолжить обучение робототехнике на основе данного проекта. Робототехника на основе Отто подходит для введения и обучения робототехнике детей младшего школьного возраста, а затем и подростков.

ArduPilot – это программа автопилота с открытым исходным кодом на базе которого можно управлять дронами, подводными лодками и т. д. Программный пакет ArduPilot состоит из навигационного программного обеспечения (обычно называемого встроенным программным обеспечением, когда оно скомпилировано в двоичную форму для аппаратных целей микроконтроллера), работающего на транспортном средстве (будь то вертолет, самолет, ровер, антенный трекер или подводная лодка), наряду с программным обеспечением для управления наземной станцией, включая Mission Planner, APM Planner, QGroundControl, MAVProxy, Tower и другие. Так в Mission Planner мы можем прошить полётный контроллер и настроить траекторию полёта дрона.

TRIK Studio – это свободная среда программирования, в которой присутствует интерактивный режим имитационного моделирования. В среде реализовано программирование квадрокоптеров Геоскан Пионер, роботов LEGO Mindstorms NXT 2.0 и EV3. TRIK Studio разрабатывается с учетом уровня материального обеспечения большинства школ, не требует особых ресурсов и установки дополнительных компонентов. Диаграммы хорошо видны на всех мониторах и проекторах [9; 10]. Применения данного симулятора, рассчитано на ознакомление обучающихся с базовыми элементами мобильных роботов на основе наборов ТРИК и Лего. Несмотря, на ориентацию программы на фирменных роботов, с её помощью можно изучить решение базовых соревновательных задач мобильных роботов: работа с энкодерами, движение по линии, инверсная линия, кельгеринг и др.

Система ROS – это метаоперационная система с открытым исходным кодом, разработанная для робота. В службы данной системы включены средства визуализации, низкоуровневое управление устройством, инструменты и библиотеки для получения, построения, написания и выполнения кода на нескольких компьютерах. ROS устанавливается в ведущей операционной системе (host-системе). ROS полностью поддерживается такой операционной системой, как Linux Ubuntu.

Gazebo – это программа с открытым исходным кодом, моделирующая работу робота. С помощью данного симулятора мы можем не только проверить конструкцию и алгоритмы разрабатываемого робота, но и выполнить тестирование с использованием реалистичных сценариев. Gazebo может точно и эффективно имитировать работу робота в помещении и вне его. Gazebo создана на движке с высоким качеством графики и удобным программно-графическим интерфейсом. Gazebo имеет возможность подключения к платформе ROS, что делает процесс проектирования робота довольно удобным. Применение ROS в учебном процессе способствует высочайшему уровню подготовки, как учащихся, так и преподавателя. Применение данных ресурсов,

целесообразно при подготовке к олимпиадам или к выполнению проектов довольно высокого уровня.

Таким образом, на основе анализа аппаратных и программных средств, которые применяются на занятиях по образовательной робототехнике, сделан вывод, что наиболее популярной платформой образовательной робототехники на сегодняшний день является платформа Ардуино с открытым исходным кодом и проекты на её базе. Данная платформа может применяться как для обучения детей практически всех возрастов, так и студентов.

Среда TRIK Studio ориентирована как на изучение обучающимися логики работы мобильных роботов с помощью блочного программирования, так и на обучение решению элементарных соревновательных задач. Применение ROS в образовательной робототехнике ориентировано на разработку проектов повышенной сложности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Армстронг, Л. История робототехники и последствия для образования K-12 STEM / Л. Армстронг, А. Тауфик. – Текст : электронный // Технологические тенденции. – 2023. – № 67. – С. 14–16. – URL: <https://doi.org/10.1007/s11528-022-00816-8> (дата обращения: 20.04.2023).
2. Блум, Дж. Изучаем Arduino: инструменты и методы технического волшебства / Дж. Блум ; перевод с английского. – СПб. : БХВ-Петербург, 2015. – 336 с. – Текст : непосредственный.
3. Образовательная робототехника как инновационная технология обучения : монография / Я. А. Ваграменко, О. М. Карпенко, Г. Ю. Яламов [и др.]. – М. : Изд-во СГУ, 2019. – 105 с. – Текст : непосредственный.
4. Тарапата, В. В. Робототехника в школе: методика, программы, проекты / В. В. Тарапата, Н. Н. Самылкина. – М. : Лаборатория знаний, 2017. – 112 с. – Текст : непосредственный.
5. Образовательная робототехника : учебное пособие / Д. Ю. Чупин, А. А. Ступин, Е. Е. Ступина, А. Б. Классов. – Новосибирск : Сибпринт, 2019. – 114 с. – Текст : непосредственный.
6. Шостак, Е. В. Робототехника в stem-образовании в области естественных и инженерных наук / Е. В. Шостак, Р. Э. Гшиянц. – Текст : непосредственный // Образовательная робототехника в научно-техническом творчестве школьников и студенческой молодёжи: опыт, проблемы, перспективы : материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / научный редактор А. Р. Галустов ; ответственный редактор Н. В. Зеленко ; технический редактор И. В. Герлах. – Армавир, 2021. – С. 30–33.
7. Antti Martikkala, Joe David, Andrei Lobov, Minna Lanz, Iñigo Flores Ituarte. Trends for Low-Cost and Open-Source IoT Solutions Development for Industry 4.0, *Procedia Manufacturing*, Volume 55, 2021, Pages 298–305. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.promfg.2021.10.042>.
8. Damith Herath, David St-Onge. Foundations of Robotics: A Multidisciplinary Approach with Python and ROS. 2022. – URL: <https://doi.org/10.1007/978-981-19-1983-1>.
9. Lego TC logo teaches Turtle. – URL: https://archive.org/details/lego-tc-logo-teaching-the-turtle_202012/page/n1/mode/2up.
10. TRIK Studio. – URL: <https://trikset.com/products/trik-studio>.
11. What is Arduino? – URL: <https://docs.arduino.cc/learn/starting-guide/whats-arduino>.

REFERENCES

1. Armstrong L., Taufik A. The history of robotics and implications to K-12 STEM education. *Tekhnologicheskie tendencii = TechTrends*, 2023, no. 67, pp. 14–16. – URL: <https://doi.org/10.1007/s11528-022-00816-8>. (In Russian).
2. Blum Dzheremi. *Izuchaem Arduino: instrumenty i metody tekhnicheskogo volshebstva* [Learning Arduino: tools and methods of technical magic]. St. Petersburg, BHV-Peterburg, 2015. 336 p. (In Russian).
3. Vagramenko Ya. A., Karpenko O. M., Yalamov G. Yu., Kaziahmedov T. B., Shihnabieva T. Sh., Borisova N. V., Safonova S. V. *Obrazovatel'naya robototekhnika kak innovacionnaya tekhnologiya obucheniya* [Educational robotics as an innovative teaching technology]. Moscow, SSU Publishing House, 2019. 105 p. (In Russian).
4. Tarapata V. V., Samylkina N. N. *Robototekhnika v shkole: metodika, programmy, proekty* [Robotics at school: methods, programs, projects]. M., Laboratory of Knowledge, 2017. 112 p. (In Russian).
5. Chupin D. Yu., Stupin A. A., Stupina E. E., Klassov A. B. *Obrazovatel'naya robototekhnika* [Educational robotics]. Novosibirsk, Sibprint, 2019. 114 p. (In Russian).
6. Shostak E. V., Gshiyanc R. E. Robotics in stem-education in the field of natural and engineering sciences. *Obrazovatel'naya robototekhnika v nauchno-tekhnicheskom tvorchestve shkol'nikov i studencheskoj molodyozhi: opyt, problemy, perspektivy = Educational robotics in the scientific and technical creativity of schoolchildren and students: experience, problems, prospects*. Armavir, 2021, pp. 30–33. (In Russian).
7. Antti Martikkala, Joe David, Andrei Lobov, Minna Lanz, Iñigo Flores Ituarte. Trends for Low-Cost and Open-Source IoT Solutions Development for Industry 4.0, *Procedia Manufacturing*, Volume 55, 2021, Pages 298–305. URL: <https://doi.org/10.1016/j.promfg.2021.10.042>.
8. Damith Herath, David St-Onge. Foundations of Robotics: A Multidisciplinary Approach with Python and ROS. 2022. URL: <https://doi.org/10.1007/978-981-19-1983-1>.
9. Lego TC logo teaches Turtle. URL: https://archive.org/details/lego-tc-logo-teaching-the-turtle_202012/page/n1/mode/2up.
10. TRIK Studio. URL: <https://trikset.com/products/trik-studio>.
11. What is Arduino? URL: <https://docs.arduino.cc/learn/starting-guide/whats-arduino>.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Петрова, Н. П. Материальная база образовательной робототехники / Н. П. Петрова, А. А. Вязьмин. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2023. – № 3. – С. 25–31.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Petrova N. P., Vyazmin A. A. Material Base of Educational Robotics / N. P. Petrova, A. A. Vyazmin // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2023, no. 3, pp. 25–31. (In Russian).

УДК 371.315

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
РАЗВИТИЯ ДИСТАНЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В РАЗНЫХ СТРАНАХ МИРА**

Т.О. Рашина

**COMPARATIVE ANALYSIS
OF THE DEVELOPMENT OF DISTANCE EDUCATION
IN DIFFERENT COUNTRIES OF THE WORLD**

T.O. Rashina

Аннотация. В статье рассматривается становление и генезис дистанционного обучения в России, европейских странах, США, Канаде, Латинской Америке, Австралии, странах Азии и Африки, выявляются причины его возникновения, определяются недостатки и преимущества дистанционного обучения как формы образования и уровень его развития в разных странах.

Abstract. The article examines the formation and genesis of distance learning in Russia, European countries, the USA, Canada, Latin America, Australia, Asia and Africa, identifies the causes of its occurrence, identifies the disadvantages and advantages of distance learning as a form of education and the level of its development in different countries.

Ключевые слова: дистанционное обучение, интерактивные платформы, образование, обучение на расстоянии, онлайн-обучение, телекоммуникационные технологии, удаленное обучение.

Keywords: distance learning, interactive platforms, education, online learning, telecommunication technologies, remote learning.

XXI век, по праву называемый веком компьютерных технологий, вносит существенные перемены в жизнь мирового сообщества, не обходя при этом и сферу образования. Наибольшему изменению в течение последних десятилетий и особенно за минувшие три года подверглось дистанционное образование, все более приобретающее черты глобального феномена мировой образовательной и информационной культуры, тем самым существенно влияя на профессиональное мировоззрение, темпы аккультурации, социальную жизнь и специфику образования практически во всех странах мира. Существенное расширение информационной образовательной среды и возможностей обучения на расстоянии на фоне современных вызовов и угроз национальной, экологической, информационной, эпидемиологической, военно-политической безопасности значительно актуализируют проблематику онлайн-образования в мире.

Исследование проведено на основе анализа историко-культурной, методической литературы по данной проблематике, а также на основе анализа научно-исследовательских работ современных преподавателей разных стран мира, ознакомления с нормативно-правовой базой в сфере образования.

Несмотря на то, что вплотную с дистанционным обучением система образования столкнулась лишь в 2020 году, вопросы обучения с применением информационных технологий рассматриваются в научном сообществе с прошлого столетия, а в целом обучение на расстоянии является насущной темой в образовании с середины XVIII века. Так, созданию моделей концептуального представления об обучении на расстоянии посвящена диссертационная работа доцента, кандидата педагогических работ Ю.В. Григорьева (2012 г.). Применение инновационных информационных технологий как одной из форм теоретической и практической профессионально-ориентированной подготовки рассматривается в работах профессора, доктора педагогических наук Т.А. Дмитренко (2003 г.), доктора физико-математических наук, профессора Г.С. Жуковой, кандидата экономических наук, доцента Н.И. Никитиной, кандидата физико-математических наук, доктора педагогических наук, доцента Е.В. Комаровой (2023 г.). Анализ генезиса мобильного обучения проводится в работах доктора педагогических наук, доцента В.А. Куклева (2010 г.) и кандидата педагогических наук, доцента Е.С. Маслаковой (2015 г.). Вопросы оценки качества дистанционного обучения поднимаются в работах кандидата педагогических наук, доцента Г.В. Курицыной (2015 г.).

Теоретическим основам организации учебного процесса в условиях дистанционного образования посвящены работы академика отраслевой академии наук, профессора, доцента А.Н. Хузиахметова и кандидата педагогических наук, доцента Р.Р. Насибуллова (2012 г.). Методология применения дистанционных технологий в образовании рассматривается американскими исследователями Д. Колдуэна, М. Моргана, преподавателем и председателем редакционного совета журнала *Science & Society* Дэвидом Голдуэем, бакалавром искусств, преподавателем Кентского университета Гревилем Рамблом (1988–1996 гг.). Приемы организации виртуальных семинаров раскрыты профессором психологического факультета Университета штата Флорида, специалистом по социальной психологии Х.П. Баумайстером (1999 г.).

По сообщению ТАСС от 22 августа 2021 года, президент Российской Федерации В.В. Путин на встрече с депутатами партии «Единая Россия» выразил свою убежденность в необходимости использования всех возможных ресурсов для развития дистанционной формы образования, которое, по его мнению, должно дополнять традиционное обучение [14]. А 24 сентября 2021 года В.В. Путиным был утвержден перечень поручений по итогам заседания Президиума Государственного Совета Российской Федерации, среди которых с 1 января 2023 года предусмотрено применение только государственных информресурсов при реализации методов дистанционного образования [13]. При этом, говоря о перспективах развития системы образования, президент еще в декабре 2020 года подчеркивал, что дистанционное образование прочно вошло в жизнь современного российского общества [17]. В июне 2023 года в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» внесены изменения о применении дистанционных образовательных технологий [15].

Механизмы реализации дистанционного обучения в мире регламентированы документом ООН от 1997 года (с изменениями от 2002 года) «Открытое и дистанционное обучение: тенденции, политика и стратегии», в котором рассматриваются изменения требований к образованию в мире, устанавливаются компоненты и задачи дистанционного образования, дается направление его глобального распространения и определение его роли в строительстве единого мирового сообщества [6, с. 75].

На основании анализа научных и нормативных источников можно сделать вывод о том, что вопросы обучения на расстоянии не новы и поднимаются в новейшей истории человечества не впервые. Однако столь широкое распространение онлайн-технологий в образовании, вызванное, прежде всего, адаптацией общества к пандемии, наблюдается в мире именно с начала 2020 года и в настоящее время требует комплексного междисциплинарного исследования.

Для фундаментализации представлений об объекте исследования – дистанционном обучении, по нашему мнению, необходимо конкретизировать основные понятия и дать им определения.

Так, под образованием в педагогике понимают организованный процесс воспитания и обучения личности [7]. При этом обучение – вид педагогической деятельности, организованный при взаимодействии педагога с учениками с целью передачи и усвоения знаний, формирования навыков и умений [7].

Под дистанционным обучением, согласно определению доктора педагогических наук, заведующей лабораторией дистанционного обучения Института стратегии и теории образования Российской академии образования Е.С. Полат, понимается коммуникация преподавателя с обучающимся на расстоянии как целенаправленная деятельность, включающая все элементы учебного процесса (цели, задачи, методы их достижения, формы и средства обучения) [6, с. 17].

На современном этапе система образования стремится к тому, чтобы коммуникация преподавателя со студентом была интерактивной, то есть представляла собой динамичный двусторонний поток информации [22]. Достигается такой вид взаимодействия посредством интернета, цифровых и мобильных устройств при общем развитии информационной архитектоники в мире. Согласно прогнозам ЮНЕСКО, высокая скорость передачи информации при сотрудничестве педагога с учеником все более будет способствовать минимизации различий между традиционной и дистанционной формами обучения [18].

Однако коммуникация между преподавателем и учеником на расстоянии, правда, при низкой скорости потока информации, существовала и до развития телекоммуникационных технологий (от латинского *tele* – «вдаль», «далеко»), поэтому в настоящее время уже можно говорить о мировой истории развития дистанционного образования в разных странах. И основоположником этой истории принято считать учителя английского языка Сэра Исаака Питмана, создавшего в 1840 году первый дистанционный образовательный курс обучения стенографии (Британская образовательная организация *Pitman Training*), в рамках которого он рассылал студентам образовательные материалы по почте [19].

Между тем Питман всего лишь повторил опыт Калеба Филлипса, который еще в 1728 году в США открыл курсы обучения быстрому письму и бухгалтерии, реализуемого посредством почтовой связи. Организация дистанционного обучения уже тогда предусматривала обратную связь между студентами и преподавателями: обучающиеся также посредством почты отправляли преподавателям выполненные домашние задания.

Существовая сначала как способ получения дополнительного образования, дистанционное обучение постепенно стало применяться высшей школой в качестве средства получения основного образования. С этой целью, например, еще в 1858 году при Лондонском университете была организована «Внешняя программа» по подготовке выпускников, уровень квалификации которых соответствовал уровню студентов-очников. Квинслендский университет с этой же целью в 1911 году создал департамент дистанционного обучения посредством почтовых отправок. В некоторых случаях, исходя из принципа целесообразности, дистанционно преподавалась лишь допустимая для этого часть основного курса, например, материал по технике безопасности в горном деле в США с 1891 года могла преподаваться удаленно посредством почты. С 1904 года дистанционное обучение посредством корреспонденции приобретает черты наднационального общественного института с момента организации сети Международных заочных школ [18].

Пионером заочной формы образования как разновидности самообразования на расстоянии в 1850 году стала Российская Империя, благодаря созданию Института заочного обучения. Спустя шесть лет подобная практика была повторена преподавателями иностранных языков Ч. Тусеном и Г. Ланченштейдтом, основавшими в берлинском университете заочную форму обучения, и поддержана в других странах мира [2, с. 172]. Однако лидером здесь оставалась, по-прежнему, Россия (СССР), где с 90-х годов XIX века московская Комиссия по организации домашнего чтения и петербургский Отдел содействия самообразованию осуществляли рассылку учебных материалов своим студентам, в 1908 году на государственном уровне заочное образование было признано наиболее эффективным способом повышения грамотности в стране, а уже в конце 20-х годов прошлого века в СССР насчитывалось более тридцати высших учебных заведений, реализующих заочную форму обучения, наряду с очной, в целях обучения будущих специалистов «без отрыва от производства» [12, с. 37]. Кроме того, молодое советское государство, ставившее целью ликвидацию безграмотности и обучение высококвалифицированных специалистов, выпускало периодические издания по подписке, такие как «Школа на дому», «Народный университет на дому», «Учись сам».

Очевидно, что возможности удаленного обучения открылись с появлением первой устойчивой системы связи – обменом почтовой корреспонденцией. И неудивительно, что дальнейшее развитие средств связи и телекоммуникации неуклонно расширяло возможности передачи и получения знаний, что, безусловно, провоцировало формирование и трансформацию форм осуществления образовательного процесса на расстоянии.

Так, внедрение в повседневную жизнь общества звуковоспроизводящих устройств, развитие радио и технологий, воспроизводящих движущиеся изображения, обусловило появление таких форм заочного (удаленного) обучения как, например, рассылка грампластинок и далее видео-уроков. Висконсинский университет (США) с 1906 года ввел в свою педагогическую практику отправку почтой обучающих аудиоматериалов, чему способствовало изобретение прочных виниловых пластинок, которые смогли заменить ломкие шеллаковые аналоги. Лекции по радиосвязи в 1922 году впервые стали читать преподаватели публичного исследовательского университета в Пенсильвании (США). В 1951 году опыт радио-уроков прочно вошел в жизнь австралийских школьников, живущих на большом удалении от школ, при этом каждому учащемуся выделялась отдельная радиоволна, а высшая школа применяла эту технологию обучения на расстоянии для студентов-заочников с целью «начитки лекций». В 1979 году в Китае стали применяться методы радио-лекций при организации удаленного обучения. Общественный Айовский университет (США) в 1950 году создал свой образовательный телеканал в качестве средства дистанционного обучения. А в 1976 году все доступные к этому моменту средства передачи информации (теле- и радиовещание, магнитофонные записи, телефонная связь) использовал в своей образовательной деятельности общественный колледж береговой линии (США), став полностью дистанционным [5, с. 69–74].

Аналогичные процессы совершенствования дистанционного обучения происходили и в других странах мира, в том числе и в России, где уже в семидесятых годах прошлого века существовало 16 вузов и 46 училищ, обучающих студентов только удаленно. Помимо этого, очные вузы, как правило, имели отделения, обучающие на расстоянии. Таким образом, в стране ежегодно выпускниками заочных отделений становились порядка 215 000 студентов. В 1993 году в России был открыт филиал Европейской школы корреспондентского обучения ЕШКО по изучению иностранных языков с помощью кассет. Принятая в 1995 году в России концепция по развитию дистанционного обучения ставила целью расширение возможности доступа к получению образования. В 1997 году Правительством РФ и ЮНЕСКО в России был открыт Московский технологический институт, студенты которого получают дистанционное высшее образование. Созданная российскими университетами в 2015 году Ассоциация развития онлайн-обучения – «Российская национальная платформа открытого образования» – отвечает за качество дистанционных программ обучения. С 2014 года методы дистанционного обучения применяются в Луганской и Донецкой народных республиках, а с 2022 года – в приграничных областях, что связано с нестабильной военно-политической обстановкой. И даже в 2023 году вместе с вышеупомянутыми регионами на дистанционное обучение вновь переходили образовательные учреждения Читы, Свердловской области, Тольятти, Тюмени, Ижевска, Омска, Самары, Оренбурга, Саратова, Ульяновска, Уфы и Бурятии в связи с сильными морозами, а также некоторые регионы в связи с распространением гриппа.

Сегодня около четверти всех российских студентов получают дистанционное образование [11].

Достигнув наивысшего, по сегодняшним меркам, уровня распространенности, технологии дистанционного обучения прочно вошли в жизнь современного мирового сообщества в 2020–2021 годах, что связано с пандемией ковид-19. Стоит отметить, что вспышки вирусных и инфекционных заболеваний являлись катализатором развития дистанционного обучения и ранее, но прежде они не носили глобальный характер. Так, в 1937 году все школы Чикаго (США) были закрыты на карантин по полиомиелиту, в связи с чем был проведен первый масштабный эксперимент в сфере дистанционного обучения «по медицинским показаниям»: образовательный процесс для всех учащихся 3–8-х классов был организован посредством радиуроков. В то же время ввиду нехватки медицинского персонала педагогические эксперименты проводились и в сфере обучения медиков. Так, в СССР с 1931 по 1934 годы действовало заочное врачебное образование, в рамках которого студенты самостоятельно осваивали различные дисциплины, выполненные по ним задания, отправляли преподавателям почтой, а консультации опытных врачей-практиков получали в опорных пунктах разных регионов страны. Таким образом, приоритетность дистанционного обучения в условиях неблагоприятной санитарной и эпидемиологической обстановки уже не раз рассматривалась в разных странах мира. Но характерной чертой массового внедрения онлайн-технологий в 2020 году, прежде всего, стала масштабность этого явления и тот факт, что на дистанционное обучение переходили, в том числе, такие учебные заведения всего мира, которые ранее не предусматривали такую форму организации образовательного процесса.

В настоящее время ведущим (часто единственным, ввиду своей достаточности) средством реализации дистанционного обучения является интернет. Вместе с ним научное, педагогическое и студенческое сообщество во всем мире в разной степени освоило такие средства коммуникации, как форумы (лат. *forum* – рыночная или центральная площадь) – приложения для организации виртуального общения, чаты (англ. *to chat* – болтать) – средства обмена сообщениями в реальном времени [21], электронную почту – средства рассылки электронных писем, видеоконференции – средство обеспечения видеосвязи в реальном времени, группы в социальных сетях – организуемое в интернет-пространстве открытое или закрытое сообщество, виртуальную реальность (*virtual reality*, VR, искусственная действительность) – средства имитации реальности, передающие человеку сигналы, способные вызывать комплекс реакций. Современные исследования в области применения искусственного интеллекта (университет Мериленда, Сиракузский университет, США) при организации образовательного процесса подтверждают факт гораздо более основательного и быстрого усвоения знаний при применении виртуальной реальности, нежели это происходит при традиционном академическом методе обучения студентов [20].

В мировой практике дистанционного обучения сегодня получили распространение такие новые технологии предоставления информации, как инфографика (от лат. *informatio* – преподношение, разъяснение, изложение) – графический способ передачи данных с помощью интернета, скрайбинг (от англ. *scribe* – набрасывать эскизы или рисунки) – способ визуального упрощения передаваемой информации с помощью спецэффектов, интеллект-карты – способ электронного структурирования учебного материала в виде круговой диаграммы, заполняемой от центра, дополненная реальность (англ. *augmented reality*, AR – дополненная реальность) – способ дополнения информации к реально существующим объектам. Мировой опыт организации дистанционного обучения сегодня располагает такими образовательными ресурсами, как веб-квесты (англ. *webquest* – веб-запрос) – проблемное задание с элементами игры, решая которое, учащийся выполняет учебное задание, ситуационный анализ – дискуссия преподавателя со студентами по поводу конкретной научной проблемы, проект (от лат. *projectus*, букв. «брошенный вперед») – способ исследования сложного материала с разных сторон, в разных контекстах. Современные учебные задания и способы их решения при организации дистанционного обучения в настоящее время в разных странах мира в форме чат-консультаций, круглых столов в режиме веб-конференций, резюме в блогах, веб-лекции, вебинары. Современные информационные технологии, применяемые в разных странах мира, позволяют значительно расширять образовательную среду, в связи с чем понятийный аппарат студентов и преподавателей пополнился такими новыми понятиями, как «институт без стен», «виртуальные классы, лаборатории и аудитории», «онлайн-экскурсии», «онлайн-реконструкции». В целом дистанционное обучение в настоящий момент может быть организовано в таких формах, как индивидуальное, групповое и коллективное обучение. То есть можно с уверенностью говорить о значительном расширении технических возможностей осуществления обучения на расстоянии, чем это было в прошлом [1, с. 62–119].

Согласно данным современной мировой статистики, 75 % людей, работающих удаленно, выполняют свою работу более продуктивно. Такие же ожидания нередки и в образовательной среде, хотя массовое «переключение на дистанционные рельсы» в 2020 году в мире происходило спонтанно и распространялось как вынужденная мера. Однако уже в марте 2021 года генеральный директор Агентства стратегических инициатив С.В. Чупшева мировыми чемпионами в дистанционном образовании назвала ряд российских образовательных онлайн-платформ, таких как Учи.ру, Яндекс-школа, Skyeng. Толчком для их развития, по мнению С.В. Чупшевой, явилась сложная эпидемиологическая ситуация в мире [8].

В сфере высшего образования эталонами «дистанта» в 2021–2023 годах обычно признают Массачусетский технологический институт (США), институт Джонса Хопкинса (США), предоставляющие студентам участвовать онлайн в научных разработках и исследованиях в области социальных и медицинских

наук, инженерии, компьютерных технологий, частный Северо-Западный университет (США), сосредотачивающий свое внимание на создании инклюзивной образовательной среды (англ. inclusion – «включающее образование, совместное обучение»), то есть среды, учитывающей индивидуальные особенности каждого студента. Бостонский университет (США), получивший премию Консорциума Слоуна за выдающиеся достижения в области онлайн-образования. Также к лидерам дистанционного обучения в последние годы относят высшую школу Индии и Китая. При этом Китай широко использует технологии 5G – наиболее высокоскоростные беспроводные интернет-технологии – при организации дистанционного обучения, чем обеспечивается непрерывный процесс обучения [4, с. 404].

Значительный рост числа программ дистанционного обучения в странах Азии, как, например, Малайзия, связан как с физической удаленностью студентов и отсутствием университетов в регионах их проживания, так и с сотрудничеством малазийских университетов с различными международными высшими онлайн-школами. А также высокие темпы роста дистанционного образования в азиатских странах, почти в три раза превышающие темпы роста онлайн-обучения в европейских странах и в четыре раза – в США и Канаде, обусловлены тем, что страны Северной Америки и Западной Европы преодолели пик «шквального» роста ранее [3, с. 184].

Африканские страны (особенно юг Африки), значительно отличающиеся друг от друга по уровню начальной подготовки студентов и нуждающиеся в стандартизации образования, в настоящее время в качестве инструмента дистанционного обучения используют преимущественно почтовую рассылку, ввиду низкого уровня информатизации. Шестидесяти процентам онлайн-студентов Африки доступны радиоуроки, интерактивная связь обучающихся с преподавателями (телефон, интернет) на сегодняшний день остается редкостью, что в целом характеризует континент как наиболее проблемный с точки зрения развития технологий дистанционного обучения.

Деструктивные процессы отмечаются также в системе образования Аргентины, Коста-Рики, Гватемалы, где методы и средства дистанционного обучения могли бы стабилизировать состояние системы образования латиноамериканских стран. Практически не используя возможности дистанционного обучения в течение 57 недель карантина, вызванного распространением новой вирусной инфекции, эти страны в мае 2022 года охарактеризовали положение дел в образовании как чрезвычайную ситуацию [9].

Значительно лучше дистанционное обучение организовано в странах арабского мира. Так, например, в Сирии методы виртуального обучения реализуются еще с 2002 года, в Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратах – с 2007 года, в Ливане – с 2009 года. Как правило, образовательный процесс в этих странах строится в сотрудничестве с американскими и индийскими вузами. Актуализация этой формы обучения здесь связывается, прежде всего, с возможностью минимизации рисков для жизни в условиях военных конфликтов, продолжающихся в регионе.

По мнению экспертов, Россия в 2020–2021 годах, как и остальные страны мира, оказалась не готова к экстремному масштабному переходу на дистанционное обучение. Однако уже к 2023 году в стране внедрены отечественные интерактивные системы, прогнозируется использование «электронных преподавателей» для автоматической проверки части выполненных заданий и искусственного интеллекта для онлайн-фиксации внутреннего психологического и эмоционального состояния обучающихся [10].

В целом дистанционное обучение в последние годы достигло беспрецедентного уровня распространения, и, согласно прогнозу экспертов ассоциации онлайн-образования Германии – европейского лидера дистанционного образования, количество студентов в мире, обучающихся удаленно, к 2025 году превысит 650 000 000 человек, более чем в два раза превзойдя количество студентов традиционной формы обучения, при этом около 70 % из них, по-прежнему, будут являться студентами вузов США и Западной Европы [16].

Проведенный анализ становления, развития и современного состояния дистанционного обучения в разных странах мира позволяет сделать следующие выводы:

- возникновение дистанционного обучения как педагогического процесса, осуществляемого на расстоянии, находится в непосредственной зависимости от уровня развития технологий, обеспечивающих связь студентов с преподавателями;

- основными факторами, влияющими на распространение онлайн-образования, являются невозможность физического присутствия студентов на занятиях, организованных традиционным способом, в связи со вспышками вирусных заболеваний, ухудшением климатических условий, техногенными катастрофами, ростом военных и террористических угроз, отсутствием образовательных учреждений в местах проживания студентов, а также желание обучающихся получать образование в таком формате, увеличение доходности платных образовательных курсов за счет увеличения количества онлайн-студентов, снижение затрат на создание инфраструктуры традиционного образования и содержание образовательной сферы.

При этом преимуществами дистанционного обучения являются его доступность, рост общемирового уровня образования, увеличение массовости и непрерывности образования, межкультурный диалог, экономия времени и затрат студентов на дорогу и проживание по месту обучения, увеличение уровня индивидуализации образовательного процесса.

К недостаткам можно отнести слабое правовое развитие данной сферы, дефицит живой коммуникации между студентами и преподавателями, сложность обучения студентов с несформированным навыком самоорганизации и самодисциплины, отсутствие опыта и нехватка профессиональных компетенций преподавателей творческих дисциплин, требующих активного личностного взаимодействия, при организации обучения на расстоянии.

Лидерами в сфере онлайн-обучения являются страны Северной Америки и Западной Европы. Отдельно, пожалуй, стоит отметить и то, что Россия идет в фарватере общемировых тенденций развития дистанционного обучения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жилкин, В. В. Инфосоциализация в образовании / В. В. Жилкин. – М. : Наука, 2020. – 192 с. – Текст : непосредственный.
2. История педагогики и образования : учебник для вузов / А. И. Пискунов [и др.] ; под общей редакцией А. И. Пискунова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2023. – 452 с. – (Высшее образование). – Текст : непосредственный.
3. Карпенко, О. М. Высшее образование в странах мира: анализ данных образовательной статистики и глобальных рейтингов в сфере образования : монография / О. М. Карпенко, М. Д. Бершадская. – М. : Современный гуманитарный университет, 2020. – 244 с. – Текст : непосредственный.
4. Лю Цзея. Анализ понятий «дистанционное образование» и «дистанционное обучение». История возникновения и развития дистанционного образования в мире / Лю Цзея. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2020. – № 49 (339). – С. 402–406.
5. Никуличева, Н. В. Дистанционное обучение в образовании: организация и реализация / Н. В. Никуличева. – М. : LAP Lambert Academic Publishing, 2021. – 220 с. – Текст : непосредственный.
6. Теория и практика дистанционного обучения : учебное пособие для вузов / Е. С. Полат [и др.] ; под редакцией Е. С. Полат. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2023. – 434 с. – (Высшее образование). – Текст : непосредственный.
7. Большой энциклопедический словарь. – URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/enc3p/> (дата обращения: 17.05.2023). – Текст : электронный.
8. АСИ назвало лидеров дистанционного образования за период пандемии. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/11008715> (дата обращения: 17.06.2023). – Текст : электронный.
9. В Латинской Америке могут объявить о чрезвычайной ситуации в образовании. – URL: <https://rossaprimavera.ru/news/07035ecd> (дата обращения: 16.06.2023). – Текст : электронный.
10. Дистанционное обучение 2023 в России. – URL: <https://fozo.info/552-distancionnoe-obuchenie-v-rossii-poslednie-novosti.html> (дата обращения: 17.05.2023). – Текст : электронный.
11. Кудинова, Т. В. Этапы развития дистанционного обучения в России / Т. В. Кудинова. – Текст : электронный // Студенческий научный форум : материалы XII Международной студенческой научной конференции. – URL: <https://scienceforum.ru/2020/article/2018022063> (дата обращения: 17.05.2023).
12. Народное образование по данным текущей статистики на 1 января 1924 года : бюллетень Центрального статистического управления Союза ССР. 1924. – М. : Центральное статистическое управление Союза ССР, 1924. – 220 с. – URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=450300> (дата обращения: 17.05.2023). – Текст : электронный.
13. Перечень поручений по итогам заседания Президиума Государственного Совета. – URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/66780> (дата обращения: 12.06.2023). – Текст : электронный.
14. Путин: дистанционное обучение должно только дополнять традиционный формат образования. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/12191277> (дата обращения: 12.06.2023). – Текст : электронный.

15. Статья 16. Реализация образовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий. – Текст : электронный // Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/9ab9b85e5291f25d6986b5301ab79c23f0055ca4/ (дата обращения: 12.06.2023).

16. Эмерсон, А. Последняя статистика онлайн-обучения за 2023 год: нужно знать факты и цифры / А. Эмерсон. – URL: <https://www.bloggersideas.com/ru/online-learning-statistics/> (дата обращения: 12.06.2023). – Текст : электронный.

17. Ячина, Е. Путин о дистанционном обучении: «Оно стало частью нашей жизни» / Е. Ячин. – Текст : электронный. – URL: <https://postupi.online/journal/novosti-obrazovaniya/putin-o-distantsionnom-obuchenii-ono-stalo-chastyu-nashey-zhizni/> (дата обращения: 12.06.2023).

18. ICS учатся (международные заочные школы). – URL: <https://ru.knowledgr.com/18497176> (дата обращения: 16.06.2023). – Текст : электронный.

19. Образовательный центр английского языка Pitman Training. – URL: <https://publishernews.ru/PressRelease/PressReleaseShow.asp?id=714778> (дата обращения: 14.06.2023). – Текст : электронный.

20. Anderson M. VR in Education: Goals, Use Cases and Success Stories. – URL: <https://www.itransition.com/blog/vr-in-education>.

21. Arruda W. The history of the webinar and why the webinar should become history. – URL: <https://www.forbes.com/sites/williamarruda/2021/12/29/the-history-of-the-webinar-and-why-the-webinar-should-be-history/?sh=1e3aa74e59fb>.

22. Sus V. Interactive Model Of Communication: Examples And Definition. – URL: <https://helpfulprofessor.com/interactive-model-of-communication/>.

REFERENCES

1. Zhilkin V. V. *Infosocializaciya v obrazovanii* [Infosocialization in education]. M., Nauka, 2020. 192 p. (In Russian).

2. Piskunov A. I., Vendrovskaya R. B., Klarin V. M., Plohova M. G., Blinov V. I., Petrov V. M., Rgalenkova L. V., Savina S. L., Steckaya T. S. *Istoriya pedagogiki i obrazovaniya* [History of pedagogy and education]. M., Yurayt, 2023. 452 p. (In Russian).

3. Karpenko O. M., Bershadskaya M. D. *Vysshee obrazovanie v stranah mira: analiz dannyh obrazovatel'noj statistiki i global'nyh rejtingov v sfere obrazovaniya* [Higher education in the countries of the world: analysis of educational statistics and global rankings in the field of education]. M., Modern Humanitarian University, 2020. 244 p. (In Russian).

4. Lyu Czeya. Analysis of the concepts of "distance education" and "distance learning". The history of the emergence and development of distance education in the world. *Molodoj uchenyj = Young scientist*, 2020, no. 49, pp. 402–406. (In Russian).

5. Nikulicheva N. V. *Distancionnoe obuchenie v obrazovanii: organizaciya i realizaciya* [Distance learning in education: organization and implementation]. M., LAP Lambert Academic Publishing, 2021. 220 p. (In Russian).

6. Polat E. S., Beshenkov S. A., Buharkina M. Yu., Gospodarik Yu. P., Zhurim A. A., Kalashnikova S. A. *Teoriya i praktika distancionnogo obucheniya* [Theory and practice of distance learning]. M., Yurayt, 2023. 434 p. (In Russian).

7. *Bol'shoj enciklopedicheskij slovar'* [A large encyclopedic dictionary]. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/enc3p/>. (In Russian).

8. *ASI nazvalo liderov distancionnogo obrazovaniya za period pandemii* [ASI named the leaders of distance education during the pandemic]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/11008715>. (In Russian).

9. *V Latinskoj Amerike mogut ob'yavit' o chrezvychajnoj situacii v obrazovanii* [An education emergency may be declared in Latin America]. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/07035ecd>. (In Russian).
10. *Distancionnoe obuchenie 2023 v Rossii* [Distance learning 2023 in Russia]. URL: <https://fozo.info/552-distancionnoe-obuchenie-v-rossii-poslednie-novosti.html>. (In Russian).
11. Kudinova T. V. Stages of development of distance learning in Russia. *Studencheskij nauchnyj forum = Student scientific forum*. URL: <https://scienceforum.ru/2020/article/2018022063>. (In Russian).
12. *Narodnoe obrazovanie po dannym tekushchej statistiki na 1 yanvarya 1924 goda* [Public education according to current statistics as of January 1, 1924]. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=450300>. (In Russian).
13. *Perechen' poruchenij po itogam zasedaniya Prezidiuma Gosudarstvennogo Soveta* [List of instructions following the meeting of the Presidium of the State Council]. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/66780>. (In Russian).
14. *Putin: distancionnoe obuchenie dolzhno tol'ko dopolnyat' tradicionnyj format obrazovaniya* [Putin: distance learning should only complement the traditional format of education]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/12191277>. (In Russian).
15. Article 16. Implementation of educational programs using e-learning and distance learning technologies. *Federal'nyj zakon "Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii" = Federal Law "On Education in the Russian Federation"*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/9ab9b85e5291f25d6986b5301ab79c23f0055ca4/. (In Russian).
16. Emerson A. *Poslednyaya statistika onlajn-obucheniya za 2023 god: nuzhno znat' fakty i cifry* [The latest online learning statistics for 2023: you need to know facts and figures]. URL: <https://www.bloggersideas.com/ru/online-learning-statistics/>. (In Russian).
17. Yachina E. *Putin o distancionnom obuchenii: "Ono stalo chast'yu nashey zhizni"* [Putin about distance learning: "It has become a part of our life"]. URL: <https://postupi.online/journal/novosti-obrazovaniya/putin-o-distantsionnom-obuchenii-ono-stalo-chastyu-nashey-zhizni/>. (In Russian).
18. *ICS uchatsya (mezhdunarodnye zaochnye shkoly)* [ICS study (international correspondence schools)]. URL: <https://ru.knowledgr.com/18497176>. (In Russian).
19. *Obrazovatel'nyj centr anglijskogo yazyka Pitman Training* [Pitman Training English Language Education Center]. URL: <https://publishernews.ru/PressRelease/PressReleaseShow.asp?id=714778>. (In Russian).
20. Anderson M. *VR in Education: Goals, Use Cases and Success Stories*. URL: <https://www.itransition.com/blog/vr-in-education>.
21. Arruda W. *The history of the webinar and why the webinar should become history*. URL: <https://www.forbes.com/sites/williamarruda/2021/12/29/the-history-of-the-webinar-and-why-the-webinar-should-be-history/?sh=1e3aa74e59fb>.
22. Sus V. *Interactive Model Of Communication: Examples And Definition*. URL: <https://helpfulprofessor.com/interactive-model-of-communication/>.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Рашина, Т. О. Сравнительный анализ развития дистанционного образования в разных странах мира / Т. О. Рашина. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2023. – № 3. – С. 32–43.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Rashina T. O. Comparative Analysis of the Development of Distance Education in Different Countries of the World / T. O. Rashina // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2023, no. 3, pp. 32–43. (In Russian).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCES

УДК 93/94

ИССЛЕДОВАНИЕ ГЕНЕЗИСА ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ СССР

И.Н. Валиев, А.Р. Гансаламов, В.Л. Васильев

STUDY OF THE GENESIS OF THE MAIN DIRECTIONS OF THE STATE INDUSTRIAL POLICY OF THE USSR

I.N. Valiev, A.R. Gapsalamatov, V.L. Vasilev

*Исследование выполнено при финансовой поддержке
Программы стратегического академического лидерства
Казанского (Приволжского) федерального университета*

Аннотация. Статья посвящена анализу основных направлений государственной промышленной политики СССР в предвоенный, военный и послевоенный периоды развития СССР, трансформации ее целей и задач в соответствии с требованиями времени. Авторы рассматривают влияние политических и идеологических факторов на изменение и совершенствование модели управления экономикой, что в конечном итоге отражалось на показателях экономического роста. Особое место в статье отведено исследованию государственной политики в области военно-промышленного комплекса, ставшей неотъемлемой частью стратегического планирования промышленного развития в рассматриваемый исторический период. Методологической основой исследования стали историографический анализ, множественные тематические сравнения, поиск причинно-следственных связей, взаимосвязь логического и исторического процессов, статистическая обработка данных, графический подход. Результатом исследования по рассмотренным временным периодам, стало обнаружение внутренней логики управления народным хозяйством в СССР, которая, исходя из воздействия внутренних и внешних факторов, приводила к различным количественным и качественным изменениям. Эта логика была всегда направлена на решение важнейших народнохозяйственных задач – на индустриализацию, на Победу, на послевоенное восстановление хозяйства.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the main directions of the state industrial policy of the USSR in the pre-war, war and post-war periods of the development of the USSR, the transformation of its goals and objectives in accordance with the requirements of the time. The authors consider the influence of political and ideological factors on the change and improvement of the economic management model, which ultimately affected the indicators of economic growth. A special place in the article is given to the study of state policy in the field of the military-industrial complex, which has become an integral part of the strategic planning of industrial development in the historical

period under consideration. The methodological basis of the study was historiographic analysis, multiple thematic comparisons, the search for cause-and-effect relationships, the relationship between logical and historical processes, statistical data processing, and a graphical approach. The result of the study for the considered time periods was the discovery of the internal logic of the management of the national economy in the USSR, which, based on the impact of internal and external factors, led to various quantitative and qualitative changes. This logic has always been aimed at solving the most important national economic problems – at industrialization, at Victory, at the post-war restoration of the economy.

Ключевые слова: промышленность, стратегия, промышленное развитие, экономика, индустриализация, планирование, СССР.

Keywords: industry, strategy, industrial development, economics, industrialization, planning, USSR.

В индустриальном обществе промышленность является основополагающим фактором развития экономики и государства. Для СССР промышленное развитие стало основой для подъёма государства после октябрьского переворота первой трети XX века. В представленной статье рассмотрены условия и факторы, влияющие на государственную промышленную политику советского государства в разные периоды своего развития. Целью исследования является изучение стратегий и идей, которым следовало правительство для достижения высоких экономических показателей как внутри страны, так и на мировой арене. Актуальность данной статьи обуславливается тем, что анализ прежних ошибок позволяет не допустить их повторения в будущем.

Результаты исследования

1. Довоенный период

Исследование генезиса государственной промышленной политики следует начать не с событий революционного периода, а с окончанием новой экономической политики. Это не случайно. Во время революции, а затем гражданской войны и постепенной стабилизации экономической ситуации, перед советской властью главным стоял вопрос сохранения власти, а не проведения целенаправленной промышленной политики.

В период назревшего кризиса НЭПа середины 1920-х гг. руководство СССР стало искать новые пути урегулирования сложившейся хозяйственной ситуации. В связи с этим возникла острая дискуссионная борьба на государственном уровне, которая выявила все недостатки бывшей экономической программы и поставила перед руководством новые цели и задачи. На XIV съезде ВКП(б) был взят курс на превращение аграрной страны в индустриальную. В этом смысле начала очерчиваться новая стратегия экономического развития. Окончательный ее облик был принят после ряда дискуссий на пленумах ЦК ВКП(б) 1926–1929 гг., в результате которых твердую позицию заняла идея форсированной индустриализации, предполагавшая приоритетное развитие отраслей тяжёлой индустрии: металлургической, топливной промышленности

и машиностроения за счет активного импорта западной техники и экспорта сырьевой базы.

Споры, относительно выхода из кризиса, можно разделить на несколько групп. Первая из них, считала необходимым сосредоточение капиталовложений в сельскохозяйственной отрасли, увеличение экспорта аграрной продукции, что в дальнейшем позволило бы инвестировать накопленные средства в промышленное строительство. Эта идея подверглась критике, поскольку по решению XIV съезда 1925 г. был взят курс на ускоренную индустриализацию. В связи с этим, данные заявления казались неким отступничеством от принятой траектории будущего развития, которая, по мнению советского руководства, позволила бы лишь усилить аграрный характер, и поставить СССР в еще большую зависимость от капиталистических стран, вследствие чего планы по строительству социалистического государства потерпели бы крах [20, с. 79]. Вторая точка зрения основывалась на мнении о необходимости комплексного развития промышленности и сельского хозяйства без допущения диспропорций между ними. Сторонники этого взгляда считали, что именно так можно достичь экономической независимости [11, с. 93]. Наиболее общепринятое мнение ставило во главенство идею развития промышленного строительства ускоренными темпами. Их аргументом и идеологическим оправданием выбранного пути становилось следующее утверждение: «В условиях окружения капиталистическими странами, развивающихся быстрыми темпами, идти по пути медленного накопления средств, путем развития аграрного сектора, просто недопустимо» [14, с. 84]. Это мнение оказалось решающим, и следующие несколько десятилетий советская экономика развивалась согласно плану ускоренной индустриализации. Выбор стратегии промышленного развития не был случайным, и в этом смысле, интересны цели руководства и их обоснованность. Опираясь на позицию Ленина и Маркса, руководство четко заявляло свою позицию о том, что «индустриализация есть предпосылка и основа социализма» [13, с. 88]. Важнейшей целью становилось доказать всему миру эффективность социалистической системы, ее превосходство над капитализмом. Достичь этого можно было только в случае полной финансовой и экономической самостоятельности. Это стало весомым аргументом в пользу выбора стратегии форсированной индустриализации.

Одновременно с развитием тяжелой индустрии значительная часть капиталовложений шла на расширение и укрепление военно-промышленного комплекса СССР, который, в случае угрозы внешнего вторжения, в полной мере должен обеспечить обороноспособность страны [11, с. 93]. Переживания по поводу возможного военного конфликта не были беспочвенны, поскольку в условиях диаметрально разных экономических и идеологических системах, угроза столкновения не прекращала существовать. Ставка на отрасли тяжелой индустрии была сделана с убеждением, что она создаст надежную базу для выпуска продукции военного назначения, строительства мощного ВПК, которому уделялось

первостепенное значение в условиях окружения «недружественными странами» [25, с. 96]. Таким образом, на XVI конференции ВКП(б) 1929 г. был принят первый пятилетний план. Для его реализации был утвержден директивный метод, что означало безоговорочное, обязательное исполнение и позволяло сконцентрировать внутренние материальные, людские и финансовые ресурсы на решение экономических задач [25, с. 97].

Активную роль при реализации планов, особенно в первой половине 1930-х гг., играл импорт промышленных товаров, привлечение иностранных займов, специалистов, технологий и создание концессий [23, с. 202]. Принятие столь широкой иностранной помощи советское руководство аргументировало следующим образом: «Концессии используются в качестве фактора, стимулирующего технических прогресс и усиливающего конкурентоспособность наших госорганизаций с заграничными», «Необходимость привлечения иностранного капитала определяются степенью технической отсталости отдельных отраслей промышленности» [23, с. 215]. Таким образом, несмотря на идеологическую антизападную риторику, руководство СССР применяло лавирующую тактику по отношению к Западу исходя из экономических соображений в конкретный исторический период.

В конце 1932 г. были объявлено о досрочном выполнении первой пятилетки. По официальным данным, план был перевыполнен на 108 % [22, с. 4]. Во второй и особенно в третьей пятилетке акцент на развитии военно-промышленного комплекса стал все более очевиден, поскольку после прихода к власти в Германии Гитлера, и с учетом агрессивных устремлений Японии на Дальнем Востоке, угроза войны возросла в разы. Поэтому на XVII съезде партии в 1934 г. было заявлено о необходимости «...окончательно обеспечить технико-экономическую независимость страны и укрепить должным образом обороноспособность СССР» [21, с. 154].

В следующей пятилетке (1933–1937 гг.) было принято решение о размещении крупных промышленных предприятий на востоке страны. Причины этому были следующие: во-первых, данная мера способствовала развитию отстающих регионов, во-вторых, нахождение предприятий вблизи с источником сырья позволяло провести быструю мобилизацию ресурсов в случае военной угрозы, в-третьих, для противостояния возможному военному столкновению на Дальнем Востоке. Все вышеперечисленные меры дают нам основание утверждать о неразрывности двух стратегий: экономической и военной, поскольку от результатов, достигнутых в тяжелой индустрии, зависело обеспечение обороноспособности государства. В пятилетке 1938–1942 гг. угроза войны поставила перед руководством безальтернативное решение: скорейший перевод народного хозяйства на военные рельсы. Разумеется, перераспределение ресурсов в пользу оборонной промышленности шло в ущерб гражданских отраслей и негативно сказывалось на уровне, качестве жизни населения [25, с. 98].

Таким образом, идея о потенциальной военной угрозе, о необходимости обеспечения обороноспособности была заложена уже в первый пятилетний

и последующие планы. С 1930-х гг. это было неким стратегическим ответом на возрастающую военную агрессию со стороны Германии и Японии. В целом советское руководство с самого начала своего существования отдавало себе отчет в том, что в условиях двух противоборствующих экономических, политических и идеологических системах, война неизбежна, именно поэтому политика ускоренного строительства индустриального фундамента, стратегия военной безопасности и как следствие строительство мощного ВПК, обозначалась как первостепенная [10, с. 11].

Так, в условиях подготовки к оборонительной войне, в 1930-е годы формировался новый хозяйственный механизм, основанный на едином экономическом управлении и едином хозяйственном плане. Однако необходимо отметить и реальные просчёты руководства в реализации экономических планов. Глава Госплана В.В. Куйбышев, осознавая низкую эффективность производства (основной капитал промышленности в процентном соотношении был вдвое больше количества валовой продукции), в погоне за показателями, настаивал на постоянном увеличении темпов производства [7, с. 182]. Идеологическая риторика высшего руководства сводилась к мнению о промышленном, техническом отставании от западных стран, необходимости перегнать их по всем показателям за самый короткий срок, обозначенный в 10 лет. Именно поэтому первоочередной задачей ставилось строительство оборонных заводов, металлургических предприятий, машиностроения, авиации, объектов энергетики и др. Централизованное управление хозяйством осуществлялось за счет государственной собственности, единого органа управления, административного давления и идеологической гонки с капиталистическими странами за экономические показатели. В конце 1930-х гг. на пленуме ЦК ВКП(б) В.В. Куйбышев, после констатации факта о низкой эффективности капиталовложений в промышленность, рассмотрел единственный выход из ситуации: «Для нас, большевиков, может быть только один вывод: драться еще больше за те темпы строительства социализма, которые мы уже взяли» [7, с. 186]. Фактически же, это означало преобладание административных волевых решений в ущерб теоретической научности экономического планирования, игнорированию очевидных экономических проблем и просчетов, таких как скрытая инфляция, снижение производительности труда, дисбаланс между отраслями тяжелой и легкой промышленности, что приводило к дефициту, карточной системе и в целом к обнищанию населения.

2. Военное время

Рассматривая военно-промышленный комплекс первой половины XX века, стоит учитывать тот факт, что в связи с начавшейся Великой Отечественной войной, многие предприятия попали под чрезвычайные мобилизационные планы советского государства. Вследствие этого предприятия, которые удовлетворяли общественно-бытовые потребности, были перепрофилированы под военные нужды, что означало полную передачу производств в военные ведомства [24, с. 31].

Развитие военно-промышленного комплекса в условиях Великой Отечественной войны происходило по трем основным направлениям:

- увеличение военных производственных сил путем расширения производящих предприятий гражданского типа;
- реорганизация гражданской промышленности в военную;
- строительство новых предприятий военной промышленности [21, с. 42].

Перевод сектора гражданской промышленности на «военные рельсы» был крупнейшим в истории человечества. Так, не только крупные специализированные машиностроительные заводы занялись производством вооружения и боеприпасов, но и предприятия легкой промышленности, такие как предприятия пищевой, текстильной промышленности и др. Для осуществления перевода экономики на военные нужды производилась подготовительная работа. Это касалось, как документации, так и оснащения предприятий необходимыми ресурсами для производства. Несмотря на широкомасштабные изменения в гражданской промышленности, и ее перепрофилирование на военные нужды, основой военно-промышленной силы Советского Союза оставались предприятия, специализировавшиеся непосредственно на производстве военной продукции.

Во время войны продолжилось форсированное строительство авиационных, танковых заводов, промышленности боеприпасов, стрелкового вооружения и других. Необходимость в передовом оружии также вынудило военное производство выйти на совершенно новый уровень. Благодаря чему советские солдаты достаточно быстро оснащались современным вооружением. К концу войны военная инфраструктура перетерпела колоссальные качественные и количественные изменения, что привело к почти полной его смене. Все это достигалось большими затратами: более половины национального дохода шло на военные цели. Полностью изменялась и общая структура производственных сил, по подсчетам, около $\frac{2}{3}$ всех производимых продуктов составляла продукция для удовлетворения военных потребностей [21, с. 152].

Важным направлением в стратегическом планировании стало перемещение крупных предприятий в восточные регионы. Из 1 300 мобилизованных предприятий – 80 % обслуживали фронтовые нужды [5, с. 1]. Бесперебойная работа предприятий восточной части страны стала одним из факторов достижения победы над фашистской Германией.

В ходе военных лет производство в отраслях военной промышленности достигли небывалых результатов. Динамику развития объемов производства в военных отраслях демонстрирует таблица 1.

Таблица 1

Динамика развития объемов производства в военных отраслях

Отрасль промышленности	1941 год	1942 год	1943 год	1944 год	1945 год
Авиационная	126	178	223	239	177
Танковая	112	184	234	296	276
Вооружение	145	191	200	206	156
Боеприпасы	152	218	264	310	171

Советский Союз благодаря собственным ресурсам, героическому труду рабочих и помощи союзных государств обеспечил фронт современным и эффективным вооружением. Кроме того, благодаря невероятным производительным способностям, Красная Армия смогла передать часть своего вооружения войскам других государств, которые помогли в дальнейшем обеспечить победу над Германией [16, с. 27].

Таким образом, стратегия промышленного развития в годы войны претерпела количественные и качественные изменения. Если в довоенный период основной целью являлось достижение экономической независимости государства путем наращивания производств, выпускающих средства производства, то с наступлением войны, главный упор ставился на наращивание мощностей военной промышленности, на ее техническое переоснащение. Изменился и характер административного регулирования экономикой, став более жестким и централизованным. Планы, спускавшиеся «сверху», подлежали немедленной реализации в тех объемах, в которых нуждался фронт. Идеологическим обоснованием новой стратегии стало, не «перегнать Запад», как это было в 1930-е гг., а «все для фронта, все для победы». Таким образом, форсированная индустриализация, активно проводимая в довоенное время, смогла испытать свои плоды на практике, доказав собственную жизнеспособность в условиях военного времени.

3. Послевоенный период

Война стала для советского общества трагедией не только в плане человеческих потерь, но и по причине разрушенного хозяйства. После войны экономика СССР находилась в очень тяжелом состоянии. Промышленность в ключевых отраслях была отброшена на 10–15 лет назад. С мая 1945 года началась ускоренная трансформация экономики из военной направленности в гражданскую. Стоит сказать о том, что восстановление экономики началось еще в 1943 г: освобождённые территории постепенно приводились в порядок. Конечно, главным образом, это должно было произойти после победы, но и здесь не обошлось без некоторого рывка.

Руководство страны стало искать оптимальные пути выхода из кризиса, но мнения в партии по методам восстановления экономики разошлись. Наиболее вероятными стали два варианта развития и восстановления экономики (см. таблицу 2) [3, с. 75].

Таблица 2

Пути развития экономики СССР после войны

Программа	Автор	Основные идеи
Демократизация	Н.А. Вознесенский	Использовать идеи НЭПа
Военная мобилизация	И.В. Сталин	Мобилизация всех ресурсов. Использование военных методов для восстановления

Председатель Совета Министров СССР Н.А. Вознесенский высказал мнение о восстановлении экономики методами, апробированными в 1920-е гг. В частности, к ним относились: возрождение НЭПа, ставка на частное предпринимательство [2 с. 128]. Но в центре внимания была особая точка зрения И.В. Сталина, который настаивал на военных мерах восстановления. Как итог, Верховный совет СССР утвердил план восстановления и развития народного хозяйства на 1946–1950 гг. и поставил следующие задачи [15, с. 67]:

- демилитаризовать экономику и построить ее на мирное производство;
- восстановить поврежденные во время боевых действий районы страны;
- восстановить прежний уровень производства, а также восстановление в сельском хозяйстве.

Основной акцент был поставлен на рост производства металлов, топлива и промышленного сырья. За короткий период времени был осуществлен перевод производства на выпуск мирной продукции. Был ликвидирован ряд наркоматов военной промышленности (танковой, минометной артиллерии и боеприпасов), а вместо них с 1946 года были созданы министерства гражданского производства. С этого момента, восстановление экономического положения СССР шло быстрыми темпами [17, с. 261].

Для реализации утвержденного плана широко использовался бесплатный труд военнопленных (к 1946 году общая численность заключенных в лагерях составила около 3,5 млн человек). Одновременно с ними, на протяжении всего этого времени и само общество, одухотворенное победой, пребывало в стадии духовного подъема. В работе участвовали миллионы людей. «Скоростники» – новое движение, которое организовала коммунистическая партия, целью которого являлось повышение производительности труда и выполнение планов по развитию экономики страны на ближайшее будущее.

По-прежнему важное место в послевоенный период государство уделяло развитию оборонной промышленности, в первую очередь созданию атомного оружия. На это были направлены огромные материальные средства в ущерб производству предметов потребления, сельскому хозяйству, социально-культурной сфере. В 1948 г. в Челябинской области был построен реактор по производству плутония, а к осени 1949 г. в СССР было создано атомное оружие. Через четыре года (в 1953 г.) в Советском Союзе была испытана первая водородная бомба. США и СССР начал разрабатывать стратегию наращивания ядерного потенциала, ставился упор на разработку новых видов вооружения. В военную отрасль стали вновь вкладывать большие капиталовложения.

К концу 1946 года были подготовлен проект новой Конституции СССР. Он допускал существование небольших частных хозяйств крестьян и кулаков, основанных на личном труде, но исключало использование чужого труда в личных целях. Во время дискуссии по этому проекту высказывались идеи о большей самостоятельности министерств в регионах. Все чаще звучали призывы к ликвидации колхозов. Они напомнили, что относительное снижение

государственного давления на производителя во время войны дало положительный результат [19, с. 84].

С начала 1946 года был официально продолжен взятый перед войной курс на окончание строительства социализма и переход к коммунизму. Но на самом деле речь шла о возвращении к довоенной модели сверхцентрализации в планировании и управлении экономикой с целью решения противоречий между различными отраслями экономики. Советское руководство было убеждено, что только развитая промышленность может обеспечить организацию и развитие сельского хозяйства, вследствие чего приоритет был отдан вновь промышленной отрасли.

Усилиями рабочих и организационного таланта послевоенных руководителей, которые стремились как можно скорее преодолеть войну, в течение четвёртой пятилетки (1946–1950 гг.) удалось полностью восстановить основные промышленные предприятия, включая ДнепрогЭС, Сталинградский тракторный завод, Кировскую фабрику Ленинграда [6, с. 147].

Страна фактически полностью достигла стадии экономической самостоятельности. На государственном уровне была создана эффективно действующая система планирования труда. Первый послевоенный народнохозяйственный пятилетний план 1946–1950 гг. включал в себя восстановление народного хозяйства и социальных учреждений на территории города или края. Таким образом, к концу 1950 г. советская экономика практически полностью была восстановлена после войны. Производство продуктов легкой промышленности возросло более чем на 73 %. Общий объем капиталовложений в промышленное производство за стройки вырос в 3,5 раза. Все эти показатели наглядно свидетельствуют о том, что начало индустриализации в СССР, несмотря на множество трудностей, было осуществлено успешно. Одновременно со стремительным ростом промышленного комплекса, развивалась и военная мощь Советского Союза. За годы первой пятилетки были созданы громадные заводы, где производились все современные виды вооружения (о чем свидетельствуют и зарубежные ученые [27; 28]). Значительно увеличились объемы капитальных вложений по военным и оборонным ведомствам. Это было особенно заметно на фоне других отраслей. По сути, с 1953 года началась реализация военно-промышленной революции. Она началась резкой революцией военных расходов, расширение оборонных программ и усиление влияния профессионального военного сообщества на принятие решений по вопросам обороны.

Опыт промышленного развития СССР – уникальная часть истории в мировой экономике. Всего за 10 лет советское руководство сумело вывести страну из аграрного состояния, создав мощный индустриальный сектор, стоящий наравне с другими мировыми экономическими «гигантами». Стратегия промышленного строительства начала очерчиваться в конце 1920-х гг., и в последующем десятилетии заняла устойчивое положение, определив экономическое развитие государства на долгие годы. Однако с течением времени цели и задачи принятой стратегии претерпевали изменения, которые выразились в следующем:

1. В довоенный период основным направлением развития являлось преодоление технической отсталости, с целью создания собственного индустриально развитого сектора, который бы позволил обрести экономическую независимость, и в дальнейшем «перегнать капиталистические страны», доказав преимущество социалистического устройства государства. В этот же период происходило тесное сближение стратегии промышленного развития с военными целями, вследствие чего капиталовложения в оборонно-промышленный комплекс, с каждым годом неуклонно увеличивались. Идеологическим обоснованием таких действий становится мнение о неизбежности военного столкновения в условиях существования диаметрально разных экономических, политических системах.

2. В военное время происходило изменение целей стратегического развития в сторону приоритетности военно-промышленной области. Если в довоенный период основной целью было преодоление технической отсталости, то главной задачей, на начальном этапе войны, стал перевод всех отраслей гражданской промышленности на военные рельсы, и бесперебойное обеспечение фронта военными изделиями в последующие годы. Помимо этого, особое внимание уделялось техническому перевооружению, создавались новые виды вооружения, что с 1950-х гг. стало основным направлением в стратегии промышленного развития.

3. В послевоенный период (с 1945 по 1950 годы) на передний план выдвигалось восстановление разрушенного войной хозяйства, перевод экономики на преимущественное развитие отраслей гражданского сектора. После полного восстановления народного хозяйства, намечался переход к коммунизму, достичь который планировалось все теми же методами, разработанными в 1930-х годах, то есть путем сверхцентрализации в планировании и управлении экономикой.

Таким образом, несмотря на различие задач в стратегии промышленного развития в разные исторические периоды, основные вехи этой политики были неизменными: государственное планирование, ставящее цели и задачи на ближайшие пять лет, единый хозяйственный и управленческий механизм, директивный характер плановой экономики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аврамова, Н. С. Промышленность СССР в послевоенное время / Н. С. Аврамов. – М. : Флинта, 2013. – 495 с. – Текст : непосредственный.
2. Анисимов, Е. История России от Рюрика до Путина. Люди, события, даты / Е. Анисимов. – СПб. : Питер, 2013. – 592 с. – Текст : непосредственный.
3. Балязин, В. Н. Неофициальная история России / В. Н. Балязин. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2013. – 447 с. – Текст : непосредственный.
4. Брудковская, П. Р. Развитие промышленности в СССР / П. Р. Брудковская. – М. : Проспект, 2013. – 394 с. – Текст : непосредственный.
5. Быстрова, И. В. Военно-промышленный комплекс СССР в годы холодной войны, 1945–1964 гг.: Стратегические программы, институты, руководители : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Быстрова Ирина Владимировна. – М., 2001. – 555 с. – Текст : непосредственный.

6. Гоганова, В. А. Восстановление народного хозяйства в СССР после завершения второй мировой войны (40-е – 50-е гг.) / В. А. Гоганова. – Текст : непосредственный // Россия и мир в новое и новейшее время – из прошлого в будущее. – М., 2019. – С. 146–148.
7. Грик, Н. А. Проблемы эффективности советской промышленности в 1920 – начале 1930-х гг. / Н. А. Грик. – Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. – 2005. – № 288. – С. 182–188.
8. Ершов, Б. А. Развитие промышленного производства СССР в послевоенный период (1950–1960) / Б. А. Ершов. – Текст : непосредственный // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2016. – № 3. – С. 7–25.
9. Зотова, Н. С. Развитие промышленности в СССР в послевоенное время / Н. С. Зотова. – СПб., 2013. – С. 122–125. – Текст : непосредственный.
10. Иванченко, В. Мобилизационная модель индустриализации СССР как стратегический ответ на подготовку Второй мировой войны / В. Иванченко. – Текст : непосредственный // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2012. – № 2. – С. 7–24.
11. Из выступления Г. Я. Сокольникова. – Текст : непосредственный // Индустриализация Советского Союза: Новые документы. Новые факты. Новые подходы : в 2 частях. Часть 2. – М., 1997. – С. 93.
12. Исаев, И. А. История отечественного государства и права России в вопросах и ответах : учебное пособие / И. А. Исаев. – М. : Проспект, 2013. – 246 с. – Текст : непосредственный.
13. Из выступления Л. Б. Каменева. – Текст : непосредственный // Индустриализация Советского Союза: Новые документы. Новые факты. Новые подходы : в 2 частях. Часть 2. – М., 1997. – С. 88.
14. Из выступления Л. Д. Троцкого. – Текст : непосредственный // Индустриализация Советского Союза: Новые документы. Новые факты. Новые подходы : в 2 частях. Часть 2. – М., 1997. – С. 84.
15. Коняхин, А. С. Восстановление народного хозяйства в Европейской части России в 1945–1953 гг.: социальные аспекты : монография / А. С. Коняхин. – Армавир : АГПА, 2010. – 159 с. – Текст : непосредственный.
16. Лаговский, А. Н. Экономика и военная мощь государства / А. Н. Лаговский. – Текст : непосредственный // Красная звезда. – 1969.
17. Муллоджонов, А. К. Процесс реконструкции и развития народного хозяйства (1946–1950) / А. К. Муллоджонов. – Текст : непосредственный // Вестник Педагогического университета. – 2021. – № 4 (93). – С. 259–264.
18. Рогова, А. А. СССР в послевоенное время / А. А. Рогова. – М. : Дашков и К^о, 2015. – 390 с. – Текст : непосредственный.
19. Рыбников, В. В. Отечественная история. От древней Руси до XXI века / В. В. Рыбников. – М. : Щит-М, 2014. – 592 с. – Текст : непосредственный.
20. Рыков, А. И. О хозяйственном положении и хозяйственной политике / А. И. Рыков. – Текст : непосредственный // Из стенограммы пленума ЦК ВКП(б). – М., 1926. – С. 73–79.
21. Симонов, Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление / Н. С. Симонов. – М., 1996. – 333 с. – Текст : непосредственный.

22. Устинов, Г. Д. Экономика СССР в 1945–1953 годах / Г. Д. Устинов. – М. : Флинта, 2015. – 203 с. – Текст : непосредственный.
23. Индустриализация Советского Союза. Новые документы. Новые факты. Новые подходы : в 2 частях. Часть 2 / ответственный редактор и составитель С. С. Храмов. – М., 1997. – 304 с. – Текст : непосредственный.
24. Чадаев, Я. Е. Экономика СССР в период Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. / Я. Е. Чадаев. – М., 1985. – 494 с. – Текст : непосредственный.
25. Шепова, Н. Я. Был ли готов СССР к ведению Великой Отечественной войны? / Н. Я. Шепова. – Текст : непосредственный // Вестник МГИМО-Университета. – 2011. – № 2 (17). – С. 96–107.
26. Яшина, Д. З. Восстановление и развитие промышленности СССР в послевоенные годы / Д. З. Яшина. – М. : Инфра-М, 2014. – 405 с. – Текст : непосредственный.
27. Hosking G. A History of the Soviet Union. – London, 1985.
28. Husband W. Revolution in the Factory: the Birth of the Soviet Textile Industry, 1917–1920. – New York, 1990.

REFERENCES

1. Avramova N. S. *Promyshlennost' SSSR v poslevoennoe vremya* [Industry of the USSR in the post-war period]. М., Flinta, 2013. 495 p. (In Russian).
2. Anisimov E. *Istoriya Rossii ot Ryurika do Putina. Lyudi, sobytiya, daty* [History of Russia from Rurik to Putin. People, events, dates]. SPb., Piter, 2013. 592 p. (In Russian).
3. Balyazin V. N. *Neoficial'naya istoriya Rossii* [Unofficial history of Russia]. М., OLMA Media Grupp, 2013. 447 p. (In Russian).
4. Brudkovskaya P. R. *Razvitie promyshlennosti v SSSR* [Development of industry in the USSR]. М., Prospekt, 2013. 394 p. (In Russian).
5. Bystrova I. V. *Voенно-promyshlennyj kompleks SSSR v gody holodnoj vojny, 1945–1964 gg.: Strategicheskie programmy, instituty, rukovoditeli* [Military-industrial complex of the USSR during the Cold War, 1945–1964: Strategic programs, institutions, leaders]. М., 2001. 555 p. (In Russian).
6. Goganova V. A. Restoration of the national economy in the USSR after the end of the Second World War (40s–50s). *Rossiya i mir v novoe i novejshee vremya – iz proshlogo v budushchee = Russia and the world in modern and contemporary times – from the past to the future*. М., 2019, pp. 146–148. (In Russian).
7. Grik N. A. Problems of the efficiency of Soviet industry in the 1920s and early 1930s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*, 2005, no. 288, pp. 182–188. (In Russian).
8. Ershov B. A. The development of industrial production in the USSR in the post-war period (1950–1960). *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2016, no. 3, pp. 7–25. (In Russian).
9. Zotova N. S. *Razvitie promyshlennosti v SSSR v poslevoennoe vremya* [Development of industry in the USSR in the post-war period]. SPb., 2013, pp. 122–125. (In Russian).
10. Ivanchenko V. Mobilization model of industrialization of the USSR as a strategic response to the preparation of the Second World War. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossijskoj akademii nauk = Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, 2012, no. 2, pp. 7–24. (In Russian).

11. From the speech of G.Ya. Sokolnikov. *Industrializaciya Sovetskogo Soyuza: Novye dokumenty. Novye fakty. Novye podhody = Industrialization of the Soviet Union: New documents. New facts. New approaches*, part 2. M., 1997, p. 93. (In Russian).
12. Isaev I. A. *Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava Rossii v voprosah i otvetah* [History of the domestic state and law of Russia in questions and answers]. M., Prospekt, 2013. 246 p. (In Russian).
13. From the speech of L.B. Kameneva. *Industrializaciya Sovetskogo Soyuza: Novye dokumenty. Novye fakty. Novye podhody = Industrialization of the Soviet Union: New documents. New facts. New approaches*, part 2. M., 1997, p. 88. (In Russian).
14. From the speech of L.D. Trotsky. *Industrializaciya Sovetskogo Soyuza: Novye dokumenty. Novye fakty. Novye podhody = Industrialization of the Soviet Union: New documents. New facts. New approaches*, part 2. M., 1997, p. 84. (In Russian).
15. Konyahin A. S. *Vosstanovlenie narodnogo hozyajstva v Evropejskoj chasti Rossii v 1945–1953 gg.: social'nye aspekty* [Restoration of the national economy in the European part of Russia in 1945–1953: social aspects]. Armavir, AGPA, 2010. 159 p. (In Russian).
16. Lagovskij A. N. *Ekonomika i voennaya moshch' gosudarstva* [Economy and military power of the state]. Krasnaya Zvezda, 1969. (In Russian).
17. Mullodzhonov A. K. The process of reconstruction and development of the national economy (1946–1950). *Vestnik Pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of the Pedagogical University*, 2021, no. 4 (93), pp. 259–264. (In Russian).
18. Rogova A. A. *SSSR v poslevoennoe vremya* [USSR in the post-war period]. M., Dashkov and Co., 2015, pp. 177–178. (In Russian).
19. Rybnikov V. V. *Otechestvennaya istoriya. Ot drevnej Rusi do XXI veka* [National history. From ancient Rus' to the XXI century]. M., Shchit-M, 2014. 592 p. (In Russian).
20. Rykov A. I. On the economic situation and economic policy. *Iz stenogrammy plenuma CK VKP(b) = From the transcript of the plenum of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks*, 1926, pp. 73–79. (In Russian).
21. Simonov N. S. *Voенно-promyshlennyy kompleks SSSR v 1920–1950-e gody: tempy ekonomicheskogo rosta, struktura, organizaciya proizvodstva i upravlenie* [Military-industrial complex of the USSR in the 1920–1950s: economic growth rates, structure, organization of production and management]. M., 1996. 333 p. (In Russian).
22. Ustinov G. D. *Ekonomika SSSR v 1945–1953 godah* [Economy of the USSR in 1945–1953]. M., Flinta, 2015, p. 105. (In Russian).
23. *Industrializaciya Sovetskogo Soyuza. Novye dokumenty. Novye fakty. Novye podhody* [Industrialization of the Soviet Union. New documents. New facts. New approaches], in 2 parts, part 2, executive editor and compiler S. S. Khramov. M., 1997. 304 p. (In Russian).
24. Chadaev Y. E. *Ekonomika SSSR v period Velikoj Otechestvennoj vojny, 1941–1945 gg.* [Economy of the USSR during the Great Patriotic War, 1941–1945]. M., 1985. 494 p. (In Russian).
25. Shepova N. Ya. Was the USSR ready to conduct the Great Patriotic War? *Vestnik MGIMO-Universiteta = Bulletin of MGIMO-University*, 2011, p. 96–107. (In Russian).
26. Yashina D. Z. *Vosstanovlenie i razvitie promyshlennosti SSSR v poslevoennye gody* [Restoration and development of industry in the USSR in the post-war years]. M., Infra-M, 2014. 405 p. (In Russian).

27. Hosking G. A. *History of the Soviet Union*. London, 1985.
28. Husband W. *Revolution in the Factory: the Birth of the Soviet Textile Industry, 1917–1920*. New York, 1990.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Валиев, И. Н. Исследование генезиса основных направлений государственной промышленной политики СССР / И. Н. Валиев, А. Р. Гапсаламов, В. Л. Васильев. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2023. – № 3. – С. 44–57.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Valiev I. N., Gapsalamov A. R., Vasilev V. L. Study of the Genesis of the Main Directions of the State Industrial Policy of the USSR / I. N. Valiev, A. R. Gapsalamov, V. L. Vasilev // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2023, no. 3, pp. 44–57. (In Russian).

УДК 930.85:39(470.62)

**ЗДАНИЕ АРМАВИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
КАК ОБЪЕКТ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
И СВИДЕТЕЛЬ ИСТОРИИ НАРОДОВ КУБАНИ**

С.Н. Ктиторов, Л.Н. Хлудова

**BUILDING OF ARMAVIR STATE
PEDAGOGICAL UNIVERSITY
AS AN OBJECT OF CULTURAL HERITAGE
AND WITNESS OF HISTORY PEOPLES OF THE KUBAN**

S.N. Ktitorov, L.N. Khludova

Статья подготовлена при финансовой поддержке Кубанского научного фонда в рамках научного проекта «Историко-культурное партнерство народов Кубани как основа формирования духовных ценностей, патриотизма и гражданской ответственности в образовательном пространстве Краснодарского края» № ППН-21.1/26

Аннотация. В статье освещается историческое прошлое главного корпуса Армавирского государственного педагогического университета, который является одним из самых ярких архитектурных памятников города. Это здание было возведено в 1899 г. для двухклассного Александровского училища, сыгравшего заметную роль в сохранении и развитии национальной культуры субэтнического сообщества черкесо-гаев (черкесских армян). С опорой на различные источники авторы подробно раскрывают строительно-технические параметры здания, которые определяют его значимость в качестве памятника архитектуры. Подробно освещена история этого памятника культурного наследия на фоне бурных событий первой половины XX века. В свое время с учебным заведением, располагавшимся в стенах здания, были связаны судьбы известных личностей города – В.И. Лунина, С.П. Басария, У.А. Бедроева, Д.Ф. Лавриненко.

Abstract. The article highlights the historical past of the main building of the Armavir State Pedagogical University, which is one of the most striking architectural monuments of the city. This building was erected in 1899 for the two-class Alexander School, which played a significant role in the preservation and development of the national culture of the subethnic community of Circassian-Gai (Circassian Armenians). Based on various sources, the authors reveal in detail the construction and technical parameters of the building, which determine its significance as an architectural monument. The history of this monument of cultural heritage is covered in detail against the backdrop of the turbulent events of the first half of the 20th century. At one time, the fate of famous personalities of the city, V.I. Lunina, S.P. Basaria, U.A. Bedroeva, D.F. Lavrinenko.

Ключевые слова: черкесо-гаи, памятник архитектуры, Александровское училище, педагогическое училище, педагогический институт, реконструкция, исторический облик.

Keywords: Circassians, architectural monument, Alexander College, Pedagogical College, Pedagogical Institute, reconstruction, historical appearance.

Одной из самых ярких достопримечательностей Армавира, настоящей визитной карточкой нашего города справедливо считается главный корпус Армавирского государственного педагогического университета, расположенный на углу улиц Р. Люксембург, 159 и Кирова, 44. Эта крупная старинная постройка с рядом высоких арочных окон и выразительными куполами под острыми шпилями, которые играют роль главного архитектурного акцента оживленного центрального перекрестка, имеет насыщенную и интересную судьбу, тесно связанную с историко-культурным прошлым народов Кубани. Здание находится под государственной охраной в качестве памятника архитектуры (категория: выявленный объект культурного наследия).

Рассматриваемый объект является частью ансамбля старинной застройки главной улицы Армавира – им. С.М. Кирова. Эта улица неоднократно меняла свое имя. С 1880-х гг. улица называлась Большая, позже – Красная, с 1900-х гг. – Николаевский проспект, с 1917 г. – ул. Свободы, с 1922 г. – ул. Первомайская, с середины 1930-х гг. – ул. Кирова [1]. Улица Люксембург ограничивает с юга наиболее старую, еще аульскую часть Армавира. В 1853–1860 гг. на ее месте этой улицы находилась оборонительная ограда аула, защищавшая его от набегов горцев. После засыпки рва и срытия земляного вала здесь возникла новая просторная улица. В конце XIX в. она получает официальное наименование Широкой. Однако коренные жители села черкесо-гаи (черкесские армяне) в обиходе называли ее Къэлэчеор зытетыгэр сукъакъ. Этот адыго-тюркский топоним переводился как «улица (где) стоял крепостной забор» [2, с. 18–19]. В первые годы XX в., после разбивки здесь небольшого бульвара, улица переименовывается в Бульварную, сохраняя это название вплоть до установления советской власти. В 1920 г. улица получает имя Розы Люксембург [3].

В 1865 г. на месте современного главного корпуса АГПУ было возведено одноэтажное здание мужской начальной школы, где обучались сыновья коренных жителей аула черкесо-гаев [2, с. 135]. В Армавире она являлась вторым по времени возникновения учебным заведением. Содержалась школа на средства аульского правления. В 1877 г. это училище было преобразовано из одноклассного в двухклассное начальное. Тогда здесь обучалось всего 67 человек [4]. В 1880 г. «в память благополучного двадцатипятилетнего царствования Государя Императора Александра II» училище получает название «Александровское» [5]. В конце XIX в. по количеству учащихся оно было самым большим в Армавире.

К 1889 г. здесь обучалось уже более 400 мальчиков [6]. При наличии свободных мест за плату сюда начинают принимать и детей иногородних. В связи с появлением русских школьников в 1895 г. в училище учреждается должность законоучителя православного исповедания [7, с. 1]. В подавляющем большинстве контингент Александровского училища по-прежнему состоял из сыновей коренных жителей черкесо-гаев, обучавшихся тут бесплатно.

Поскольку коренные армавиры говорили преимущественно по-черкесски, этот язык широко применялся в учебном процессе. Наиболее упорно над разработкой уроков на адыгском языке трудился преподаватель армянского языка

Александровского училища Бабасин (Борис) Александрович Твелов. В письме от 26 октября 1887 г. смотритель училища Иосиф Уманцев сообщил Б.А. Твелову, что «Г. Попечитель Кавказского учебного округа... просит выразить Вам благодарность Его превосходительства за участие в составлении уроков на адыгском языке. При этом Его превосходительство, выражая надежду, что вы и впредь будете относиться с тем же рвением к несомненно полезному делу – собиранию данных о языке армавирцев, указывает, что туземным языком следует непременно пользоваться при начальном обучении, а потому надеется, что Вы примените, пополните и проверите вновь те примерные уроки, кои были представлены: таким путем легко может составиться в будущем книга, весьма полезная при начальном обучении» [8]. Ранее, 7 июня того же года, распоряжением инспектора народных училищ Кубанской области Б.А. Твелову было поручено «написать существующие в Армавирском обществе сказки, предания, рассказы и проч. абхазско-абазинской азбукой» [9].

Таким образом, уже в конце XIX в. преподаватели армавирского Александровского училища вели очень важную работу по собиранию и изучению произведений черкесского фольклора, применяли в учебном процессе адыгский язык, то есть занимались таким благородным делом, как сохранение и развитие национальной культуры горцев северо-Западного Кавказа. Показательно, что этому не только не препятствовала, но способствовала российская администрация. Изучая армянский язык и постулаты национальной религии, дети знакомились с традициями и духовными ценностями далекой исторической родины. Благодаря урокам русского языка и истории молодые армавирцы приобщались к великой русской культуре.

И позднее, вплоть до революции 1917 г., проходившие в Александровском училище внеклассные досуговые мероприятия отличались этнокультурной полифонией. Так, например, во время праздничных утренников здесь регулярно пелись русские, армянские и черкесские песни.

Учитывая вышесказанное, вполне объяснимо, что тут не было места духу вражды и нетерпимости. В этом отношении весьма показательна история, случившаяся 25 марта 1907 г. с уполномоченным Главного совета «Союза русского народа» А.В. Чмелевым, попытавшемся прочесть лекцию в актовом зале Александровского училища. Сразу же после начала мероприятия сюда прорвались местные рабочие, прогнавшие выступавшего. На улице быстро собралась трехтысячная толпа, которая провожала А.В. Чмелева и его сподвижника В. Осипова гиканьем и свистом. Несколько человек набросились на «союзников», избивали их палками и камнями. Только благодаря подоспевшей полиции и казакам, пострадавшие отделались легкими ранами и ушибами [10].

Несмотря на постоянно увеличивавшийся контингент школьников, Александровское училище более 30 лет ютилось в тесном деревянном доме и остро нуждалось в новых удобных площадях. В феврале 1895 г. Армавир посетил католикос всех армян Мкртич I. Осмотрев армянские школы селения,

патриарх был неприятно удивлен их жалким внешним видом. Пастырь бросил местным армянам упрек: «Что это за маленькие хижинки, сами живете в огромных дворцах, а дети ваши учатся в этих убогих школах. Старайтесь строить ваши школы такими же большими, как и ваши дома» [11, с. 164]. Это замечание не прошло даром.

Работу по возведению новых учебных зданий с большим энтузиазмом возглавил сельский старшина черкесо-гай Борис Карпович Кусиков [11, с. 164] – отец известного поэта Александра Кусикова, входившего в самый близкий круг друзей Сергея Есенина. Любопытно, что дом старшины располагался по соседству от главного корпуса АГПУ на месте нынешнего Детского сада № 1 по ул. Р. Люксембург, 155. Именно здесь 10 сентября 1896 г. и родился талантливый литератор-имажинист, в мистификациях о своем происхождении скрывавший свои армянские корни и именовавший себя то черкесом, то горцем [12, с. 10, 13]. В это же время начинается и строительство нового здания Александровского училища, которое лично контролировал глава общины коренных армавирцев Борис Кусиков.

Возведение двухэтажного учебного кирпичного корпуса завершается в 1899 г. (ныне ул. Р. Люксембург, 159, лит. «А»). Строительство осуществлялось на средства сельского общества и стоило 70 тыс. руб. [13, с. 38]. Вплоть до революции училище и плановый участок под ним находились в собственности Армавирского сельского общества [14].

Александровское двухклассное училище стало настоящим украшением Армавира. Декоративное решение фасадов здания эклектично с преобладанием стилистического набора классицизма. Угловое расположение акцентировано выступающим ризалитом, завершающимся по углам зонтичными куполами (были демонтированы и вновь восстановлены в 2006 году), объединенными парапетом. Профилированный венчающий карниз ризалита поддерживают стилизованные кронштейны, проходящие по высоте через фриз и опирающиеся на архитрав. Карниз фасадов декорирован зубцами, фриз – филенками. Плоскости стен раскрепованы лопатками: во втором этаже филенчатыми, в первом рустованными. Арочные перемычки оконных проемов второго этажа ризалита опираются на стилизованные пилястры, остальные оконные проемы с лучковой перемычкой, на втором этаже обрамлены наличниками. На замковые камни оконных проемов первого этажа опирается междуэтажный профилированный карниз.

В вестибюле здания была смонтирована ведущая на второй этаж металлическая парадная лестница, изготовленная на чугунно-литейном заводе «Джон-Мартын и Ко» в Ростове-на-Дону. Вверху находился актовый зал со сценой. Все учебные помещения были просторные и светлые.

Эффектный внешний облик и интерьеры Александровского училища были описаны в романе современного армянского писателя Саркиса Кантарджяна «Разные судьбы. Хроника жизни одной семьи» (Ереван: «Тигран Мец», 2006). Главный герой произведения Вардан Бояджян побывал тут в самом начале 1900 г., где его встретил смотритель учебного заведения Иосиф Осипович

Уфимцев. «Они совершили экскурсию по училищу, которое очень понравилось Вардану. Над угловым фасадом здания, прорезанным рядами высоких арочных окон, поднимались три высоких купола со шпилями и чешуйчатой кровлей. Из вестибюля на второй этаж вела металлическая парадная лестница. Классы, кабинеты и учительская были просторными и светлыми. На втором этаже находился большой актовый зал со сценой. Двор украшали уютный сад и декоративный цветник» [15].

Учебный корпус имел следующие строительные-технические параметры: стены и фундамент – кирпичные; полы деревянные; межэтажные перекрытия погребя и первого этажа железобетонные; потолок второго этажа – деревянный оштукатуренный; крыша железная; общая полезная площадь – 2 713 кв. м; высота – 10,4 м; объем по наружным очертаниям – 16 055 куб. м. Система отопления состояла из 11-ти голландских и 13 утермарковских печей. В помещении были проведены водопровод, электричество и телефон [16]. Во дворе имелась бульжная мостовая и кирпичные тротуары, был разбит декоративный сад и цветник. На входе во двор с улицы Бульварной и Николаевского проспекта стояли металлические ворота.

Чтобы покрыть расходы на строительство, сельское правление сдавало первый этаж здания в аренду под учреждения Армавирского судебно-мирового округа. Здесь же несколько лет (до 1913 г.) действовала электро-типография и литография М.С. Мурадова. Аудитории и кабинеты Александровского училища располагались на втором этаже.

Как и раньше, в училище поступали в основном дети коренных жителей черкесских армян. Судьбы выпускников Александровского училища обычно были похожими. Юноши поступали на службу в магазины, склады и конторы (чаще всего к своим родственникам), исполняя обязанности продавцов, упаковщиков или просто «мальчиков» для различных поручений. Многим потом удавалось дослужиться до приказчиков, управляющих, а если повезет, то и открыть собственное дело [17, с. 11].

В сентябре 1917 г. Александровское двухклассное училище было преобразовано в высшее начальное [18]. Этот тип образовательных учреждений представлял собой промежуточное звено между начальной и средней школой. В них принимались дети, окончившие начальную школу. Высшие начальные училища состояли из четырёх классов с годичным курсом в каждом. Прошедшие курс 1-го и 2-го классов, имели право поступить соответственно во 2-й и 3-й классы гимназий и реальных училищ.

После утверждения в Армавире советской власти, на основании постановления Главного управления коммунального хозяйства НКВД от 10 августа 1922 г., здание бывшего высшего начального Александровского училища было муниципализировано [16]. С 21 января 1921 г. здесь уже действовала Советская партийная школа [17, с. 24].

13 августа 1923 г. было принято постановление Коллегии областного отдела народного образования Кубано-Черноморского исполкома о переводе

в Армавир из станицы Бесскорбной педагогического техникума и наименования его Армавирским [19]. Новое учебное заведение расположилось в одном здании вместе с Совпартшколой. 7 января 1937 г. Армавирский педагогический техникум был переименован в педагогическое училище [20]. 17 июня 1948 г. на его базе открывается двухгодичный учительский институт, который 3 июля 1954 г. был реорганизован в педагогический институт [21], ставший первым высшим учебным заведением в городе.

В октябре 2003 г. решением коллегии по аккредитации Министерства образования и науки Российской Федерации педагогический институт был преобразован в Армавирский государственный педагогический университет (АГПУ) [17, с. 3]. В период с 2010 до 2015 г. вуз назывался Армавирской государственной педагогической академией. С начала нового 2015–2016 учебного года по решению Министерства образования и науки РФ вузу был возвращен статус педагогического университета.

С историческим зданием АГПУ оказались связаны судьбы целого ряда замечательных людей. В конце XIX – начале XX в. в Александровском училище и в находящемся на первом этаже мировом суде неоднократно бывал председатель Армавирского общества попечения о детях, депутат Первой государственной думы, частный поверенный Виктор Игнатьевич Лунин, справедливо считавшийся непререкаемым лидером и душой всего армавирского общества.

С 1903 до 1917 г. в Александровском училище преподавал видный исследователь истории и этнографии абхазского народа Симон Петрович Басария. Впоследствии, в период революции и гражданской войны, переехав в Сухум, он стал одним из основателей фактически независимой Абхазской республики, был избран первым председателем Абхазского народного совета, участвовал в написании его конституции [22, с. 4–5].

Стены главного корпуса АГПУ хранят память о легендарном советском воине-танкисте Дмитрие Федоровиче Лавриненко (1914–1941). В сражениях Великой Отечественной войны он за два с половиной месяца боев уничтожил 52 танка противника, став самым результативным танкистом не только Красной Армии, но и всей антигитлеровской коалиции. Уроженец станицы Бесстрашной, Д.Ф. Лавриненко к 1931 г. окончил краткосрочные учительских курсы при Армавирском педагогическом техникуме [23, с. 206]. Ныне на фасаде Армавирского государственного педагогического университета висит посвященная танкисту мемориальная доска.

В 1932–1938 гг. при Педагогическом техникуме функционировало ассирийское отделение. Кроме Армавира преподавателей для национальных ассирийских школ в СССР готовили только в Ленинграде. При педтехникуме это отделение было открыто стараниями видного культурного и общественного деятеля советских ассирийцев Ушаны Авдеевича Бедроева, до 1938 г. возглавлявшего армавирскую Ассирийскую школу-интернат. Первый выпуск указанного национального отделения состоялся в 1936 г. [24, с. 150–151]. Несколько ранее, до августа 1933 г., при педагогическом техникуме действовало также немецкое отделение [25].

В 1920-е гг. внешний облик и интерьеры бывшего Александровского училища практически не изменились. К концу 1930-х гг. на здании были демонтированы купола и ограждающий кровлю каменный парапет с балясинами. На месте углового купола была возведена сужающаяся кверху трапециевидная башня с огороженной перилами открытой смотровой площадкой. Один из входов на первый этаж с улицы Люксембург был частично заложен кирпичом и переделан в окно.

В годы Великой Отечественной войны угловая часть корпуса педучилища пострадала от пожара и лишилась кровли. С 5 мая 1943 г. до 1 ноября 1945 г. в здании располагался Эвакогоспиталь № 1458 [26, с. 854].

В послевоенный период внешний облик учебного корпуса подвергся ряду изменений: были демонтированы все аттики; частично заложены кирпичом и превращены в окна наружные входы, за исключением одного – по ул. Р. Люксембург; разобрана высокая шестигранная кирпичная дымогарная труба. Фасад здания стали красить известкой. К южному крылу института со стороны двора примерно в 1960-е гг. была сделана двухэтажная пристройка, в которой разместились кабинеты, аудитории, учебные мастерские и санузлы. В соответствии с решением Армавирского горисполкома от 22 марта 1972 г. к дворовому фасаду восточного крыла здания был пристроен еще один двухэтажный блок с помещениями читального и спортивного залов и двух лабораторий [16]. Над главным входом со стороны ул. Р. Люксембург был закреплен кованый навес, снятый с одного из старинных особняков Армавира. На первом этаже здания производились многочисленные перепланировки. Вместе с тем в дореволюционной части второго этажа в основном сохранилась изначальная планировка с длинными широкими коридорами, рядом учебных аудиторий и актовым залом.

В 2006 г. над главным корпусом Армавирского государственного педагогического университета на основе старинных снимков были восстановлены аттики, купола и ограждающий парапет с балясинами. В значительной степени это позволило вернуть зданию исторический облик.

Историческое значение здания заключается в том, что здесь действовало второе по времени создания в Армавире учебное заведение, открывшееся еще в ауле в 1865 г. С этим местом были связаны судьбы известных личностей – В.И. Лунина, С.П. Басария, У.А. Бедроева, Д.Ф. Лавриненко. 28 марта 1920 г. здесь состоялось первое собрание комсомольской организации Армавира, о чем свидетельствует висящая на стене главного корпуса АГПУ мемориальная доска.

В январе 2012 г. в вузе случился сильный пожар, в результате которого практически полностью выгорел 2-й этаж. Восстановительные работы завершились к концу 2014 г. По их итогам исторический облик памятника удалось сохранить. Так, на кровле были воссозданы уничтоженные пожаром купола, бережно реставрирована чугунная лестница парадного входа, на первом этаже были освобождены от перегоронок и раскрыты изначальные арочные проемы. Здание АГПУ по-прежнему является одним из самых оригинальных и запоминающихся символов нашего города.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. План селения Армавир Кубанской области. Издание – август 1912 г. – Текст : непосредственный // Армавирский краеведческий музей. – ОФ. № 2822.
2. Щербина, Ф. А. История Армавира и черкесо-гаев / Ф. А. Щербина. – Екатеринодар, 1916. – Текст : непосредственный.
3. Архивный отдел администрации г. Армавира. – Ф. Р-475. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 266–267. – Текст : непосредственный.
4. Кубанские областные ведомости. – 1877. – № 41. – Текст : непосредственный.
5. Северный Кавказ. – 1891. – № 36. – Текст : непосредственный.
6. Северный Кавказ. – 1889. – № 84. – Текст : непосредственный.
7. Шамрай, В. С. Хронология достопримечательных событий, фактов и законоположений, имеющих отношение к истории Кубанской области и Кубанского казачьего войска / В. С. Шамрай. – Текст : непосредственный // Кубанский сборник на 1913 год. Том 18. – Екатеринодар, 1913. – Паг. 2.
8. Армавирский краеведческий музей. – Ф. 3. – Д. 19. – О.Ф. 1423. – Текст : непосредственный.
9. Армавирский краеведческий музей. – Ф. 3. – Д. 19. – О.Ф. 1424. – Текст : непосредственный.
10. Государственный архив Краснодарского края. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 3506. – Л. 40об., 49–49об. – Текст : непосредственный.
11. Шаган, Симон. Памятник Армавирскому четырехголосному хору : исторический очерк / Симон Шаган ; перевод с армянского Р. Тепояна. – Армавир : Армавирский государственный педагогический университет ; Краснодар : Контур, 2019. – Текст : непосредственный.
12. Поэт Александр Кусиков (1896–1977): стихи и поэмы, материалы к биографии : научный сборник. – Армавир : Полиграфпредприятие им. Г. Скорины, 2012. – 403 с. – Текст : непосредственный.
13. Извлечение из отчета начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области и войска за 1899 год // Кубанский календарь на 1901 год. – Екатеринодар, 1900. – Паг. 2. – Текст : непосредственный.
14. Государственный архив Краснодарского края. – Ф. 574. – Оп. 1. – Д. 4304. – Л. 49. – Текст : непосредственный.
15. Кантарджян, С. Разные судьбы. Хроника жизни одной семьи / С. Кантарджян. – URL: <http://www.armenianhouse.org/ghantarjyan/fates/ch1.html> (дата обращения: 03.09.2023). – Текст : электронный.
16. Архив армавирского отдела Государственного бюджетного учреждения Краснодарского края «Краевая техническая инвентаризация – Краевое БТИ». Довоенные фонды. Поквартальный журнал № 44. Подворная ведомость домовладения по ул. Р. Люксембург № 115; угол ул. Первомайской № 40/36. – Текст : непосредственный.
17. Очерки истории Армавирского государственного педагогического института. – Армавир, 2003. – Текст : непосредственный.
18. Отклики Кавказа. – 1917. – 27 сентября. – № 208. – Текст : непосредственный.
19. Государственный архив Краснодарского края. – Ф. Р-365. – Оп. 1. – Д. 1097. – Л. 20, 29, 39. – Текст : непосредственный.
20. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. А-2306. – Оп. 69. – Д. 2238. – Л. 107. – Текст : непосредственный.
21. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. А-2306. – Оп. 71. – Д. 151. – Л. 169. – Текст : непосредственный.

22. Дзидзария, Г. А. О жизни и деятельности : биографический очерк / Г. А. Дзидзария. – Текст : непосредственный // Симон Басария. Биографический очерк. Статьи. – Сухуми, 1984.

23. Пригода, В. В. Лавриненко Дмитрий Федорович / В. В. Пригода // Именитые граждане Армавира : историко-биографический словарь. – Армавир, 2000. – Текст : непосредственный.

24. Ктиторов, С. Н. Бедроев Ушана (Иван) Авдеевич. – Текст : непосредственный / С. Н. Ктиторов // Именитые граждане Армавира : историко-биографический словарь. – Армавир, 2000. – Текст : непосредственный.

25. Государственный архив Ростовской области. – Ф. Р-1485. – Оп. 1. – Д. 655. – Л. 33, 71об. – Текст : непосредственный.

26. Книга памяти Армавира. – Армавир, 2009. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Plan of the village of Armavir, Kuban region. Publication – August 1912. *Armavirskij kraevedcheskij muzej = Armavir Museum of Local Lore*, OF. no. 2822. (In Russian).

2. Shcherbina F. A. *Istoriya Armavira i cherkeso-gaev* [The history of Armavir and Circassians]. Ekaterinodar, 1916. (In Russian).

3. *Arhivnyj otdel administracii g. Armavira* [Archive Department of the Armavir City Administration], F. R-475, Op. 1, D. 11, L. 266–267. (In Russian).

4. *Kubanskie oblastnye vedomosti* [Kuban regional statements], 1877, no. 41. (In Russian).

5. *Severnyj Kavkaz* [The North Caucasus], 1891, no. 36. (In Russian).

6. *Severnyj Kavkaz* [The North Caucasus], 1891, no. 84. (In Russian).

7. Shamraj B. C. Chronology of distinguished events, facts and legal provisions related to the history of the Kuban region and the Kuban Cossack army. *Kubanskij sbornik na 1913 god. Tom 18 = Kuban collection for 1913. Volume 18*. Ekaterinodar, 1913, pag. 2. (In Russian).

8. *Armavirskij kraevedcheskij muzej* [Armavir local lore museum], F. 3, D. 19, O.F. 1423. (In Russian).

9. *Armavirskij kraevedcheskij muzej* [Armavir local lore museum], F. 3, D. 19, O.F. 1424. (In Russian).

10. *Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraya*. [The State Archive of the Krasnodar Territory], F. 454, Op. 1, D. 3506, L. 40ob., 49–49ob. (In Russian).

11. Shagan Simon. *Pamyatnik Armavirskomu chetyrekhgolosnomu horu: istoricheskij ocherk* [Monument to the Armavir four-voice Choir: a historical essay]. Armavir, Armavirskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet ; Krasnodar, Kontur, 2019. 164 p. (In Russian).

12. Poet Aleksandr Kusikov (1896–1977): stihy i poemy, materialy k biografii [Poet Aleksandr Kusikov (1896–1977): poetry and poems, materials for biography]. Armavir, Poligrafpredpriyatie im. G. Skoriny, 2012. 403 p. (In Russian).

13. Extract from the report of the head of the Kuban region and the commanding ataman of the Kuban Cossack army on the status of the region and the army for 1899 year. *Kubanskij kalendar' na 1901 god = Kuban calendar for 1901 year*. Ekaterinodar, 1900, pag. 2. (In Russian).

14. *Gosudarstvennyj Arhiv Krasnodarskogo Kraya* [The State Archive of the Krasnodar Territory], F. 574, Op. 1, D. 4304, L. 49. (In Russian).

15. Kantardzhyan S. *Raznye sud'by. Hronika zhizni odnoj sem'i* [Different destinies. A chronicle of one family's life]. URL: <http://www.armenianhouse.org/ghantarjyan/fates/ch1.html>. (In Russian).

16. *Arhiv armavirskogo otdela Gosudarstvennogo byudzhetnogo uchrezhdeniya Krasnodarskogo kraja "Kraevaya tekhnicheskaya inventarizaciya – Kraevoe BTI". Dovoennye fondy. Pokvartal'nyj zhurnal № 44. Podvornaya vedomost' domovladieniya po ul. R. Lyuksemburg № 115; ugol ul. Pervomajskoj № 40/36* [Archive of the Armavir department of the State Budgetary Institution of the Krasnodar Territory "Regional Technical Inventory – Regional BTI". Pre-war funds. Quarterly magazine No. 44. Household list of the household on the street. R. Luxembourg No. 115; street corner Pervomaiskaya No. 40/36]. (In Russian).
17. *Oчерки istorii Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta* [Essays on the history of the Armavir State Pedagogical Institute]. Armavir, 2003. (In Russian).
18. *Otkliki Kavkaza* [Responses from the Caucasus], 1917, September 27, no. 208. (In Russian).
19. *Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja* [The State Archive of the Krasnodar Territory], F. R-365, Op. 1, D. 1097, L. 20, 29, 39. (In Russian).
20. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii* [State Archive of the Russian Federation], F. A-2306, Op. 69, D. 2238, L. 107. (In Russian).
21. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii* [State Archive of the Russian Federation], F. A-2306, Op. 71, D. 151, L. 169. (In Russian).
22. Dzidzariya G. A. About life and work. Biographical sketch. *Simon Basariya. Biograficheskij oчерk. Stat'i = Simon Basaria. Biographical sketch. Articles.* Sukhumi, 1984, pp. 4–5. (In Russian).
23. Prigoda V. V. Lavrinenko Dmitrij Fedorovich. *Imenitye grazhdane Armavira: Istoriko-biograficheskij slovar' = Eminent Citizens of Armavir: Historical and Biographical Dictionary.* Armavir, 2000. 226 p. (In Russian).
24. Ktitorov S. N. Bedroev Ushana (Ivan) Avdeevich. *Imenitye grazhdane Armavira: Istoriko-biograficheskij slovar' = Eminent Citizens of Armavir: Historical and Biographical Dictionary.* Armavir, 2000. 226 p. (In Russian).
25. *Gosudarstvennyj arhiv Rostovskoj oblasti* [State Archive of the Rostov Region], F. R-1485, Op. 1, D. 655, L. 33, 71ob. (In Russian).
26. *Kniga pamyati Armavira* [Book of memory of Armavir]. Armavir, 2009. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Ктиторов, С. Н. Здание Армавирского государственного педагогического университета как объект культурного наследия и свидетель истории народов Кубани / С. Н. Ктиторов, Л. Н. Хлудова. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2023. – № 3. – С. 58–67.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Ktitorov S. N., Khludova L. N. Building of Armavir State Pedagogical University as an Object of Cultural Heritage and Witness of History Peoples of the Kuban / S. N. Ktitorov, L. N. Khludova // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2023, no. 3, pp. 58–67. (In Russian).

УДК 94(47)

**ЦЕРКОВНЫЙ КОНФЛИКТ В СТАНИЦЕ УРУПСКОЙ В 1924–1925 ГГ.
КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЛОКАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ
ОБНОВЛЕНЧЕСКОГО РАСКОЛА**

А.С. Малахова, С.Н. Малахов

**CHURCH CONFLICT IN THE STANITSA OF URUPSKAYA IN 1924–1925
AS A MANIFESTATION OF LOCAL FEATURES
OF THE RENOVATIONAL DISSIDANCE**

A.S. Malakhova, S.N. Malakhov

Аннотация. В статье изучаются события церковного конфликта, развернувшегося в 1924–1925 годах в станице Урупской Армавирского округа. Здесь сторонники патриарха Тихона и православно-канонической церкви пытались выйти из подчинения обновленческого епархиального управления, восстановив свои права на Казанский храм, переданный ранее в этой станице обновленческому клиру. Восстановление событийной канвы конфликта осуществлено на основе документов следствия, сохранившихся в фондах административного отдела Армавирского округа Северо-Кавказского края. Выявлены причины, цели и результаты совместных попыток обновленческой и тихоновской групп верующих станицы Урупской создать объединенную общину. Ее целью было воссоединение со «староправославием» и восстановление молитвенного общения с преосвященнейшим Иннокентием (Летяевым), епископом Ставропольским и Кавказским. Прослежены мотивы и действия местных властей, которые препятствовали объединительному движению верующих, последовательно осуществляя конфессиональную политику государства по углублению церковного раскола. На основе изученного материала выделены некоторые особенности развития обновленческого движения в сельских приходах Кубани в середине 1920-х гг.

Abstract. The article studies the events of the church conflict that unfolded in 1924–1925 in the stanitsa of Urupskaya, Armavir district. Here, supporters of Patriarch Tikhon and the Orthodox canonical church tried to get out of the subordination of the Renovationist diocesan administration, restoring their rights to the Kazan Church, transferred earlier in this stanitsa to the Renovationist clergy. The reconstruction of the event outline of the conflict was carried out on the basis of the documents of the investigation, preserved in the funds of the administrative department of the Armavir District of the North Caucasus Territory. The causes, goals and results of the joint attempts of the Renovationist and Tikhonovskaya groups of believers in the stanitsa of Urupskaya to create a united community are revealed. Its goal was to reunite with "Old Orthodoxy" and restore prayerful communion with His Grace Innokenty (Letyaev), Bishop of Stavropol and the Caucasus. The motives and actions of local authorities are traced, which prevented the unification movement of believers, consistently implementing the confessional policy of the state to deepen the church schism. Based on the studied material, some features of the development of the renovation movement in the rural parishes of the Kuban in the mid-1920s are highlighted.

Ключевые слова: Армавирский округ, Северо-Кавказский край, Русская Православная Церковь, обновленческий раскол, тихоновцы, станица Урупская, Казанская церковь, Николаевская церковь, протоиерей Сергей Болгаров, епархиальное управление, конфессиональная политика.

Keywords: Armavir district, North Caucasian region, Russian Orthodox Church, Renovationist schism, Tikhonovites, stanitsa Urupskaya, Kazan Church, Nicholas Church, Archpriest Sergei Bolgarov, diocesan administration, confessional policy.

После окончания Гражданской войны на Кубани и установления с марта 1920 г. советской власти на территории Кубано-Черноморской области вступает в силу Постановление Народного Комиссариата Юстиции о порядке проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Имущество церковной общины описывалось ее руководством, опись представлялась в местный совет, который затем передавал движимое (богослужбное) и недвижимое имущество церкви (храм и другие постройки) «местным жителям соответствующей религии» в бесплатное пользование. Имущества, не связанного с богослужбными целями, Церковь лишалась. Заявка на пользование «богослужбным имуществом» должна была подаваться не менее чем от 20 человек; принявшие в пользование имущество отвечали за него солидарно (по круговой поруке), обязаны были его сохранять и возмещать при сдаче все убытки. Ремонт храма или молитвенного дома также возлагался на общину. Религиозные общества лишались прав юридического лица, ведения метрических книг, преподавания в государственных, общественных и частных учебных заведениях, а также отправления религиозных церемоний и обрядов в государственных и публично-правовых общественных помещениях [11, с. 128–131].

Обновленческий период в истории Православия на Кубани только начинает изучаться специалистами, которые уделяют внимание в основном общим вопросам этой проблемы, изучению событий в городских приходах с их более яркими событиями, незаслуженно оставляя в тени церковную жизнь сельских приходов в период обновленческого раскола [5; 10]. Данная статья, посвященная рассмотрению конфликта между двумя общинами (тихоновской и обновленческой) в станице Урупской, – попытка частично восполнить на основе архивных материалов образовавшуюся лакуну.

Станичные храмы и церкви, построенные в дореволюционный период, отличались часто грандиозностью и красотой, богатым внутренним убранством и, как правило, возводились в течение многих лет на деньги приходских общин, войсковые субсидии, частные пожертвования. Изменения в формах собственности, последовавшие после 1917 г., демографические потери, понесенные в годы Первой мировой и Гражданской войн, эмиграция, антицерковная большевистская пропаганда изменили социальный состав в приходах и привели к сокращению верующих в станицах и городах. Религиозная община часто была не в состоянии не только осуществлять ремонт храма, но и содержать положенный штат церковнослужителей.

В ещё многолюдной до 1914 г. станице Урупской Лабинского отдела Кубанской области, основанной в 1841 г., были две довольно скромные церкви. Казанская церковь, деревянная, возведенная на каменном фундаменте в 1855 г. (в её приходе в 1910 г. насчитывалось 4 895 церковных душ) была довольно ветхой. Новой, построенной также из дерева в 1908–1909 гг., была Николаевская церковь. Её здание было возведено тщанием прихожан и всего общества казаков станицы вместо молитвенного дома, к ней было причислено 4 809 церковных душ; расстояние между двумя церквями – 2,5 версты [12, с. 616; 13, с. 284–285]. Казанский храм находился в центре станицы, в старожильческом районе, Николаевский – ближе к окраине.

Регистрация церквей и религиозных обществ в РСФСР в 1924 г. затянулась. Только 26 февраля 1924 г. опросом членов Политбюро был наконец утвержден окончательный текст инструкции о регистрации православных религиозных обществ [2, с. 436–443]. По документам, на 3 декабря 1924 г., в религиозной общине Казанской церкви числился 171 чел., а в Николаевской – 145 чел. [3, л. 228, 230]. Устав и община Казанской церкви были зарегистрированы 17 ноября 1924 г. [3, л. 143]. Однако в декабре 1924 г. Казанская оказалась временно закрытой, что вызвало поток жалоб в районный и окружной (отдельский) административные отделы. Причины закрытия были следующими.

В октябре–ноябре 1924 г. (после завершения сельхозработ и в связи с кампанией по перерегистрации общин) «старотолковники», т. е. тихоновцы, сторонники православно-канонической церкви, при поддержке предисполкома станицы, захватили Казанский храм и выдворили оттуда попов-обновленцев, зарегистрированных общиной этого прихода. Как особо подчеркивалось в документе, предисполкома «слишком сочувственно» относился к группам верующих старого толка и «отрицательно» к обновленцам, влиял на ход дел в Казанской церкви, оказывал помощь тихоновцам. Начальник Армавирского окружного адм.отдела тов. Петров потребовал от председателя сельского исполкома Цапкина сохранять нейтралитет, не оказывать покровительства ни одной из групп верующих, поскольку за «симпатии» к какой-либо общине может последовать наказание, предусмотренное ст. 124 УК РСФСР [3, л. 215]. Следует отметить, что позднее с тов. Цапкина были сняты подозрения в том, что он скрытно поддерживает тихоновцев, но тем не менее ему было поставлено на вид, что он «не нейтрален ко всем участникам конфликта» [3, л. 304].

Центр требовал от местных органов власти из тактических соображений паритетного отношения к тихоновцам и обновленцам, чтобы не обострять внутрицерковную борьбу и избегать обвинений в симпатиях к представителям обновленческой («красной церкви»). На заседании Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП 2 января 1924 г. посчитали возможным передавать церкви тем группам, «кои выражают большинство верующих данного прихода», но численность регистрируемой группы должна была быть не менее 50 человек [9, с. 113]. Особенно благожелательно к нуждам

Православной Церкви отнесся председатель Совнаркома А.И. Рыков, он пообещал помочь в уменьшении налогов с храмов и духовенства, возвращения из ссылки и заключения ряда иерархов, уменьшить административное давление на религиозные организации [14, с. 110].

Руководствуясь новыми веяниями из центра, округ потребовал открыть Казанскую церковь, временно захваченную тихоновцами, до особого распоряжения округа и не препятствовать верующим в отправлении религиозных обрядов [3, л. 352], т. е. в этот храм могли приходить и тихоновцы, и обновленцы.

Начавшиеся осенью 1924 г. стихийные попытки приходских общин выйти из-под навязываемого им руководства со стороны обновленческого Кубано-Черноморского епархиального управления, особенно в связи с перерегистрацией церковных общин, начинают принимать характер массового и открытого протеста. Каноническая церковь пытается восстановить административно-церковное управление в епархиях, вышедших из-под контроля патриарха. Обновленцы в свою очередь стремятся при негласной, но очевидной поддержке властных структур создать свое церковное управление, организовать «епископии» в округах, вытеснить из приходов священников тихоновского направления. В этих условиях центральная власть пыталась балансировать между двумя течениями в Церкви. Появившееся в феврале 1924 г. распоряжение НКЮ, запрещающее молитвенное упоминание патриарха Тихона во время богослужения («как явной политической демонстрации против рабоче-крестьянской власти»), еще остается в силе. И это было важно, поскольку за нарушение запрета храм, взятый в пользование группой верующих, мог быть закрыт [1, с. 117]. Но уже со 2 июля Антирелигиозная комиссия сочла возможным разрешить поминание за богослужением Тихона, если он согласится «на формулу вместо слов «всей России» – «Всего союза советских социалистических Республик». В случае согласия на такую формулу ОГПУ дало бы прямую директиву на места [9, с. 133]. Но эта формула не была принята Патриархом. На местах же «ненормальности» продолжались, и шел процесс непрекращающегося закрытия церквей административными мерами, что вызывало соответствующие «эксцессы» со стороны верующих [9, с. 133]. В этих условиях возникает и развивается церковный конфликт в станице Урупской.

3 сентября 1924 г. Антирелигиозная комиссия постановила продолжить линию на углубление раскола внутри Русской Православной Церкви и поручить ГПУ дать директиву на места, чтобы низовые органы власти «в работе по усилению обновленческого течения действовали наиболее тактично и совершенно конспиративно, дабы у противной этому течению стороны тихоновцев не могло создаться мнение, что Соввласть покровительствует обновленцам и по их указанию преследует Тихона» [9, с. 135].

Чтобы создать видимость, что «ни одно из религиозных обществ, групп, толков не пользуется покровительством рабоче-крестьянской власти» Крайисполком Северо-Кавказского края потребовал от Армавирского адмотдела

отменить циркуляр № 749 о порядке надзора за религиозными обществами, который нарушал ст. 13 Конституции РСФСР, и ввел в действие циркуляр № 8 от 11 октября 1924 г. Необходимость нововведения объяснялась так: ранее на основании отмененного циркуляра органы власти препятствовали попыткам «групп верующих отколоться от Епархиального Управления (обновленческого – Авт.) под влиянием пропаганды паломников, так называемого Тихоновского толка» и тем самым как будто брали под покровительство определенную религиозную группу; тихоновских «паломников» не регистрировали под предлогом «устранения возникающих в среде общины брожений и беспорядков, нарушающих общественное спокойствие». Теперь эти меры были признаны незаконными, религиозным общинам не запрещалось проводить собрания по вопросам вероисповедания, «если они не представляют опасности в контрреволюционном отношении» [3, л. 43, 44]. Местные власти должны были занять позицию наблюдателей, не вмешиваться во внутриобщинные споры между тихоновцами и обновленцами, пресекая только открытые контрреволюционные выпады.

Иного мнения, правда, придерживался начальник Армавирского окружного отделения ОГПУ тов. Щербак, который писал председателю Окрисполкома Петрову: «...часть группы верующих, именующихся „группой старого толка“ является политически неблагонадежным элементом, некоторые из них по несколько раз были арестованы, обвинялись в политических и уголовного характера преступлениях, почему регистрация общины дает им возможность проводить вредную Сов<етской> власти деятельность среди организованной группы темного населения...» [3, л. 13–15]. В отношении «тихоновских» религиозных общин им предлагались различные меры недопущения к регистрации.

В скрытой форме местные власти продолжали поддерживать обновленческих священников из Кубано-Черноморского епархиального управления. Попытка верующими тихоновской и обновленческой общин снизу, демократическим путем, осенью 1924 г. объединиться в единую староправославную общину при Казанской церкви, используя фактор большинства, не удалась. Предисполкому ст. Урупской, тогда же, в декабре 1924 г., поступило извещение о регистрации «устава и общины нового толка» Казанской церкви, которая и должна владеть этим храмом и церковным имуществом [3, л. 344].

Вторая попытка верующих двух церковных приходов объединиться была предпринята ровно через год. 14 ноября 1925 года в Армавирский окрисполком поступила жалоба от имени уполномоченных «староправославной общины» станицы Урупской Алейникова Карпа Семеновича и Соколова Гавриила, в которой они обвиняли священника Казанской церкви православной (обновленческой) общины С. Болгарова в том, что он отказался от акта соединения верующих старого и нового толка прихода Казанской церкви, принятого на собрании верующих 3 ноября 1925 г., и храм по-прежнему остается в распоряжении обновленческой общины. Часть верующих станицы была недовольна действиями священника, не допустившего соединения двух церковных направлений, и стала его

обвинять в том, что храму грозит «упадок» и разрушение. Численность обновленческой общины была незначительной, и провести ремонт храма за свои средства она была не в состоянии.

«Староцерковников», которые ранее ходили в этот храм и были его прихожанами, насчитывалось более 3 тысяч, но они были вынуждены посещать для отправления религиозных обрядов Николаевский храм, находящийся в отдалении. С точки зрения тихоновцев («староцерковников»), обновленческий настоятель Казанской церкви находился в слабой позиции: 1) приход был немногочисленным; 2) содержать в должном порядке храм община не могла; 3) большая часть верующих станицы, придерживавшаяся тихоновского направления была вынуждена ходить в отдаленную от центра станицы Николаевскую церковь. «Староцерковники» требовали от административного отдела окрисполкома поступить по их представлениям справедливо – передать Казанский храм тихоновцам, которых было большинство, и которые смогли бы содержать и ремонтировать храм, а священника-обновленца С. Болгарова привлечь к ответственности за «возмущение», которое произошло в начале октября, на престольный праздник иконы Казанской Божией Матери в станице.

В ходе проведенного окружными властями расследования было установлено, что на престольный праздник предполагалось совместное богослужение тихоновцев и обновленцев. 1 и 3 ноября появившиеся в ограде Казанской церкви тихоновцы призвали провести совместное собрание по вопросу «соединения» приходов. 1 ноября собрание не состоялось, а 3 ноября «во избежание скандала» был подписан «акт соединения» двух общин. Это произошло в престольный праздник Казанской церкви – 3 ноября, когда священнослужители Николаевской церкви были допущены к богослужению.

По показаниям обновленцев «храм не передавался, а от соединения (с тихоновцами. – Авт.) они отказались» [4, л. 25].

При проведении официального дознания по факту религиозных беспорядков в станице священник Сергей Болгаров, служивший в Казанской церкви, показал, что «староцерковники» обманным путем пытались получить разрешение на проведение собрания, «акт соединения» был подписан по настоянию тихоновцев (их было больше), но на другой день обновленческая община отказалась от этого акта и подала свое заявление в административный отдел округа, чтобы считали документ недействительным.

По рассказам обновленцев собрание проходило бурно. Из Казанского храма многие прихожане посещали Николаевскую церковь и раньше. Так, «пропаганду» среди тихоновцев за объединение вел бывший псаломщик Казанской церкви З. Схоменко, который пытался «разложить» обновленческую общину. Для многих прихожан причины «брожения» так и остались непонятны, но на собрании «староцерковники» и «живоцерковники» кричали друг на друга, обсыпали обвинениями (показания Ивана Козлова, члена церковного совета Казанской церкви). По признанию церковнослужителей ремонт Казанскому храму требовался незначительный, и в 1926 г. они собирались провести покраску и ремонт

крыши; община насчитывает 750 чел., «брожений» среди прихожан обновленческой общины не наблюдалось [4, л. 25–25об.].

Прихожанин Казанской церкви Андрей Монаков показал, что староцерковники потребовали допустить их священников к службе в храме и подписать акт соединения двух станичных церквей («тихоновцы угрожали и требовали соединения»). По словам другого верующего из обновленческой общины, Андрея Лещенко, тихоновцы со своими священниками пригласили Сергия Болгарова и предложили подписаться под актом соединения, но затем обновленцы от этого акта отказались. Выяснилось также, что Казанской общине более 500 чел., но многие из них посещают Николаевский храм, а многие тихоновцы ходят в храм к обновленцам, и расстояние примерно в 3 версты этому не является помехой. По словам некоторых прихожан-обновленцев, ремонт храму не требуется, а претензий к священнику Болгарову они не имеют и относятся к нему с полным доверием [4, л. 25об.].

По сути возникшего конфликта была допрошена и противоположная сторона – священники и прихожане Николаевской церкви. Они показали, что 3 ноября верующие собрались по церковному звону, узнав о готовящемся соединении, тихоновцы пришли из Николаевского в Казанский храм. Расстояние между двумя храмами, по данным сельсовета, было полторы-две версты. Численность верующих по спискам в Николаевском храме 651 чел., в Казанском – 500 чел. [4, л. 20, 26]. В Николаевском ремонт произведен, в Казанском его не было, поскольку он переходил из рук в руки; здание ветшало и, например, срочно требовалась «затяжка 3-х балок на втором этаже». Тихоновцы подтвердили, что акт был подписан «по-хорошему», насилия не было. Священник Болгаров сам пришел на подписание, «но после соединения кто-то подтрусил Болгарова, и обновленцы отказались от соединения». Прихожанин Гавриил Соколов, из Николаевской церкви, показал, что соединение происходило «исключительно по приглашению обновленцев». Священники Дубинин и Величко служили всенощную в Казанском храме по приглашению Сергия Болгарова, но после службы уехали. Свящ. Дубинину было известно, что верующие Казанского храма обращались к благочинному, чтобы им прислали староцерковного священника, так как к Болгарову «они не захотели обращаться ввиду произошедших разногласий» с ним. Отказ обновленцев в лице Болгарова от «акта соглашения» вызвал жалобу от староцерковников в округ [4, л. 26, 27].

Информация, поступившая в округ от проверяющих и из сельисполкома, была несколько иной. Сообщалось, что в Николаевский храм из Казанского прихода ходит 2 000 человек, а «большая часть граждан не посещает ни того, ни другого храма» [4, л. 26]; «конфликт между верующими произошел в силу агитации некоторых лиц из староцерковников, не без участия их священнослужителей». Но в целом разногласия произошли из-за доходов: «Священнослужители борются из-за доходов, около них имеется кучка людей, которые священнослужителями поставлены в заблуждение и борются из-за религиозных

убеждений». При этом «священник Казанской церкви не имеет особых appetitов на доход т. н. Николаевской церкви, ибо за все требы берет дешевле» [4, л. 27об.]. Видно, что характеристика о. Сергия Болгарова от сельисполкома в целом положительная.

Однако суть конфликта постепенно проясняется из заявления старо-православной общины верующих Казанской церкви станицы Урупской от 8/XI 1925 г., поступившего на имя председателя Окружного Армисполком тов. Лаврова. Первоначально, ознакомившись с документом, Лавров отреагировал резко, приказав разобраться в «бесчинствах, творимых священником Болгаровым», т. е. фактически стал на сторону тихоновцев.

«Сообщаем Вам, – писали верующие, – что свящ. Казанского храма ст. Урупской Сергей Болгаров совершенно не пользуется доверием прихода, чрез то храм пришел в упадок и грозит скорым разрушением. Обновленческая община, состоящая при этом храме крайне незначительна, фактически почти не существует, и произвести ремонт не в состоянии. Нас же, староправославных, в приходе этого храма более трех тысяч душ взрослых и мы принуждены ходить в Николаевский храм, отстоящий от нас на дальнем расстоянии. Посещение нами этого храма в настоящее зимнее ненастное время невозможно, так как ст. Урупская расположена на протяжении 8 верст.

Все это вместе взятое привело к тому, что мы, староправославные и обновленцы, после предварительного совещания единогласно решили соединиться в одну староправославную общину. Соединение это состоялось 4/XI с. г. о чем свидетельствует прилагаемое письмо свящ. С. Болгарова от 3/XI с. г. и Акт соединения советов и общин от 3/XI с.г.

На другой же день свящ. Болгаров, желая возмущения прихода, стал пропагандировать, что он таковому соединению не придает значения и храм (Казанский – Авт.) по-прежнему остается обновленческим. Заручившись поддержкой своих сообщников, овладел храмом и начал служить в нем. Религиозное чувство верующих было крайне возмущено таким поступком и его просили прекратить служение. Болгаров же дальнейшими своими действиями пытался устроить рукопашную, что и случилось бы, если бы некоторые из староправославных не сумели бы успокоить возмутившуюся толпу. Подобные провокационные выходы священника как возмутителя всего населения станицы Урупской могут даже своими действиями вызвать массовое побоище, не должны оставаться безнаказанными, а посему и в силу Инструкции НКЮ от 9 июня 1923 г. статьи 8, 11 просим Вас в срочном порядке произвести строжайшее расследование всего произошедшего и происходящего и привлечь свящ. Болгарова к законной ответственности как провокатора. Представитель от воссоединенной общины верующих Казанской церкви ст. Урупской Карп Семенович Алейников, равно за себя [дал] расписаться Г. Соколов» [4, л. 2, 2об.].

Публикуемый текст, без сомнения, составлен священником-тихоновцем, подписавшие этот документ рядовые прихожане на следствии сообщали и некоторые подробности конфликтной ситуации. Так, Карп Семенович Алейников

сообщил: «Акт соединения был подписан в сторожке по приходу священника Болгарова» [4, л. 18об.], т. е. добровольно. А Соколов Гавриил Нестерович показал: «...Никто возмущения среди верующих не делал и впредь, думаю, никто не будет делать. Я полагаю, что соединение было потому, что верующие не стали посещать Казанский храм» [4, л. 19]. Желание о воссоединении проявлял и сам протоиерей С. Болгаров. И вопрос об этом обсуждался накануне престольного праздника. В следственном деле сохранилась записка карандашом на тетрадном листочке в линейку, написанная собственноручно 21 октября и направленная Болгаровым священникам Николаевского храма Николаю Дубинину и Андрею Величко: «Многоуважаемые о. Николай и о. Андрей! Совет и община наша присоединяется к старой церкви. Мне тоже надоела эта смута и разделение. Община оставляет меня. Прошу Вас прибыть к служению всенощной. Прот. С. Болгаров». Подлинность авторства записки засвидетельствовали псаломщик Схоменко, председатель церковного совета А.П. Лещенков и член совета А. Манаков [4, л. 3].

Акт о соединении двух общин верующих в ст. Урупской был составлен и подписан 3 ноября 1925 г., в нем говорилось: «Мы, церковный совет общины обновленческого толка Казанской церкви станицы Урупской на своем заседании (собрании) 2 ноября с/г. единогласно постановили: совершенно прекратить всякое общение с обновленческим церковным управлением и совместно со своим священником Сергием Болгаровым, немедленно принеся раскаяние в своем заблуждении, воссоединиться со староправославием, войти в молитвенное общение с преосвященнейшим Иннокентием, епископом Ставропольским и Кавказским, о чем довести до сведения надлежащего начальства». Акт был подписан лично Сергием Болгаровым, псаломщиком З. Схоменко, председателем церковного совета А. Лещенковым и членами совета (всего 7 подписей от обновленческой общины и 8 подписей от староправославной общины) [4, л. 5, 5об.].

Таким образом, объединенная община намеревалась перейти в подчинение к епископу Иннокентию (Летяеву), назначенного патриархом Тихоном на Ставропольскую кафедру 5 марта 1924 г. Но поскольку владыка Иннокентий не получил разрешения на выезд из Москвы от органов ОГПУ к месту назначения, то для управления епархией святитель Тихон 26 сентября 1924 года рукоположил ему викария – епископа Александровского Рафаила (Гумилевского), который спустя полгода, 24 марта 1925 года, был арестован в Ставрополе. После кончины Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Тихона, последовавшей 7 апреля 1925 г., в конфессиональной политике государства наблюдается ослабление давления на тихоновцев. Епископ Ставропольский Иннокентий возвращается в августе 1925 г. в Ставрополь и пытается восстановить православно-канонические приходы на Ставрополье и Кубани (в ее восточных районах). В донесениях ОГПУ он именуется «главой Кубанской Тихоновщины». Однако с начала октября 1925 г. владыка уже находился на подписке о невыезде и посещать районы, в частности Армавирского округа, уже не мог [7, с. 69–72; 8, с. 204–206]. В этих условиях, сопровождавшихся активностью и «пропагандой»

тихоновцев, «старотолковцы» из Урупской предприняли повторную попытку (первая была годом ранее) вернуть в свое подчинение Казанскую церковь. Свою версию событий они и изложили в обращении к администрации Армавирского округа.

Спустя три дня после престольного праздника, в протоколе допроса священник Казанской церкви Сергей Болгаров показал совершенно иной ход событий, связанный с принятием «акта о соединении». Он заявил, что резолюция Аносова (члена староправославной общины), принятая в ограде Казанской церкви, ему была неизвестна («да, я не имел и не имею, – сказал он, – права – запрещать или разрешать какие бы то ни было собрания. Для этого есть церковный совет, члены совета в этом собрании не участвовали. Собрание проходило по инициативе тихоновцев, и, кажется, без всяких разрешений»). Тихоновские священники из Николаевской церкви были якобы допущены в храм вынужденно, «во избежание серьезной народной смуты ожесточенной фанатичной толпы», а протокол был подписан ради «умиротворения и успокоения массы, которая, в случае нашего отказа, могла устроить скандал». Подписи свои Болгаров и члены обновленческой общины сняли из акта, заявив, что они остаются в подчинении Священному Синоду Православной Российской Церкви. Причем особо было подчеркнуто, что церковь и церковное имущество они тихоновцам не сдавали [4, л. 13–13об., 15].

После того, как свящ. Болгаров уже на следующий день после подписания акта изменил свою позицию, в адрес административного отдела Армисполкома поступило заявление от уполномоченных членов соединенной общины верующих Казанской церкви от 9 ноября 1925 г. В нем говорилось, что священник Сергей Болгаров, «пользуясь уступчивостью ктитора Казанской церкви <...> самочинно завладел этим храмом». Верующие просили оградить их от «произвола» свящ. Болгарова и оказать содействие «воссоединенной общине» в пользовании Казанским храмом, поскольку община несет ответственность за содержание храма, в то время как он находится «в фактическом владении лица ничего общего с договором не имеющего», что, по мнению жалующихся, вступает в противоречие с Постановлением НКЮ об отсоединении церкви от государства [4, л. 7]. Но дело на этом не закончилось.

15 ноября 1925 г. объединенная община Казанской церкви, чтобы легализовать свой статус подала заявление на проведение общего собрания. Церковный совет православных верующих старого и нового толков Казанской церкви, соединившихся 3 ноября, сообщало о новом собрании, необходимом для перерегистрации общины. Собрание проводилось в Урупской «на старой площади около Кнышевских построек для обсуждения церковных вопросов» [4, л. 11, 12]. Обновленческая часть общины Казанской церкви свои подписи под объединительными документами отозвала, заявив 13 ноября, что на проведение собрания «церковный совет нового толка Синодальной Церкви согласия не давал, в таком собрании надобности не встречает, так как свои собрания церковный совет и община созывают по общепринятому узаконенному порядку – через уведомление райисполкома» [4, л. 12об.].

Используя различные правовые и бюрократические уловки, протоиерею-обновленцу Сергию Болгарову удалось удержать за собой и своей малочисленной обновленческой общиной Казанский храм. Уполномоченный из округа тов. Соколов, разбиравшийся в конфликте двух общин в Урупской, добился от граждан «старого толка» 4 декабря 1925 г. согласия на расторжение договора о содержании Казанского храма в станице, заключенного верующими канонической церкви еще в 1922 г. Окружной уполномоченный заявил на собрании верующих старого толка (присутствовало 250 чел.), в основном женщин, что у них, сторонников канонической (т. е. тихоновской) Церкви уже есть один храм в станице – Николаевский, а для открытия передачи им второго вопрос должен решать Президиум Армавирского окрисполкома. Претензии на второй храм не были приняты, хотя тихоновцы заявляли, что их больше, чем обновленцев. Собравшиеся не смогли преодолеть бюрократические препоны и вынуждены были отказаться от договора 1922 г., по которому они принимали имущество Казанского храма, неся обязанность по его содержанию. Храм окончательно перешел под контроль обновленцев. Часть прихожан Казанского храма, придерживавшаяся обновленческого направления, безусловно, имела основания отстаивать свои права. Председатель церковного совета Андрей Павлович Лещенков поддерживал свящ. Болгарова, и утверждал, что в день подписания акта о соединении в обновленческой общине было 500 чел., а у тихоновцев только – 250. Член обновленческого церковного совета Иван Афанасьевич Козликин (1860 г. р.) говорил: «Нам нужна церковь, и на нее не должны предъявлять свои права староцерковники» [4, л. 17об.]. Армавирская администрация пыталась разрешить конфликт с учетом интересов обеих сторон и притупить его, несмотря на то, что в начале этих событий, к очевидному неудобству власти, она приняла было сторону народного большинства, оказавшегося сторонником Патриаршей Церкви, но затем власть вовремя политически сориентировалась и в дальнейшем неукоснительно следовала инструкциям ОГПУ.

Следует отметить, что священнослужители из Николаевской церкви в период конфликта были людьми новыми, находились в станице с февраля 1925 г. В Николаевской церкви, придерживавшейся канонического направления, служил священник Николай Леонтьевич Дубинин (1883 г.р.), позднее, 5 апреля 1933 г. был арестован и приговорен к 5 годам ИТЛ; священник Андрей Иванович Величко (1881 г.р.), позднее перешел в обновленчество.

Протоиерей Сергей Иванович Болгаров (1887 г. р.), придерживавшийся обновленческой линии, был родом из с. Средне-Егорлыкского Медвеженского уезда Ставропольской губернии. В 1916 г. окончил вольнослушателем Воронежскую духовную семинарию, в священники рукоположен в 1916 г., с 1922 г. в обновленческом расколе. По сведениям личного дела с ноября 1924 по май 1930 г. служил в Армавирской епархии: с 20 ноября 1924 г. священник Николаевской церкви ст. Урупской, с 14 декабря 1925 г. в Казанской церкви станицы Курганной Армавирского округа, с 1 мая 1928 г. в Успенской церкви с. Успенского и благочинный церковью 4-го округа Армавирской епархии, с 15 августа 1928 г. священник Николаевского собора г. Армавира и член Армавирского епархиального

управления. С 15 мая 1930 г. настоятель Покровской церкви г. Шахты. Будучи в браке, был хиротонисан в Москве во епископа Шахтинского и Донского, возведен в сан архиепископа (16 марта 1936 г.). Арестован в 1937 г. и расстрелян постановлением Тройки УНКВД СССР по Азово-Черноморскому краю. Реабилитирован в 1989 г. [6, л. 499–500].

В приведенной биографической справке С.И. Болгарова указано, что в период конфликта он служил в станице Курганной (с 14 декабря 1925 г.), но это противоречит нашим архивным данным. В списке церковнослужителей ст. Урупской Армавирского района от 17 ноября 1924 г. сведения о нем отсутствуют [3, л. 141], но 29 мая 1925 г. прот. С. Болгаров уже принимает участие в съезде 38-го благочиннического округа Кубано-Черноморской епархии в Армавире от ст. Урупской [3, л. 829].

Таким образом, церковный конфликт в ст. Урупской разрешился довольно благополучно для местной власти, он не вышел за пределы округа, не сопровождался серьезными столкновениями, настоятели каждой из двух церковных общин сохранили свои полномочия. В силу близости станицы от окружного центра советская власть вовремя приняла меры по купированию попытки объединения обновленцев и тихоновцев, создала комиссию и расследовала жалобы, цели и намерения двух религиозных групп. Сохранившиеся в архиве документы следствия позволяют проследить механизм возникновения конфликта, который был довольно типичным в условиях обновленческого раскола на Кубани. Главные споры велись вокруг церковной зданий, полученных в пользование, приглашения или смены священников, перерегистрации и возвращения в лоно РПЦ.

Противоборствующие стороны придерживались тактики мирного разрешения конфликта; используя временное ослабление административного давления, тихоновское крыло внутри «казанской» общины в союзе с общиной Николаевской церкви дважды, в 1924 и 1925 гг., пыталось восстановить контроль над Казанской церковью. Этому способствовала активизация деятельности епископа Ставропольского и Кавказского Иннокентия (Летяева) на Кубани, недоверие прихожан к «живоцерковникам», назначавшимся Кубано-Черноморским епархиальным управлением и постоянное свободное «перетекание» верующих из одной общины в другую. Священнослужители материально зависели от прихожан; как правило, срок их служения в станичных храмах был небольшим, они иногда вынужденно разделяли настроения своей паствы, особенно в обострившейся ситуации, не шли на конфликт. Обновленцам часто приходилось выбирать между распоряжениями епархиального управления и консервативными настроениями казачье-крестьянской массы. Следовавшие курсу обновленческой церкви, пользовались расположением административных органов советской власти, которая в этот период хотя и показывала демонстративно свою равноудаленность от двух течений в Православной Церкви, но все же не оставляла тайных попыток в поддержке «реформаторов». Успешная карьера будущего обновленческого «епископа» Сергия Болгарова, начавшаяся в станице Урупской, свидетельствует об этом.

Анализ конфликта в Урупской показывает, что попытки сменить «ориентацию» в церковном расколе учащались в сельских приходах в период перерегистрации общин или в осенне-зимний период, когда был наибольший приток верующих в храмы. В этот период, в связи с непогодой, постоянно обострялся вопрос о вместимости храма (переполненность тихоновских церквей и незаполненность обновленческих) и его отдаленности от места жительства верующих. Центр рекомендовал местным органам власти в этот период ослабить административное давление на служителей культа и общины, не запрещать религиозные диспуты внутри общины, но и не допускать «контрреволюционных последствий» для общества, что в целом способствовало деятельности тихоновских проповедников (т. н. «паломников»).

Попытки объединенной тихоновской общины в станице Урупской в 1924–1925 гг. уйти в подчинение к православно-канонической церкви, которую представлял епископ Иннокентий (Летяев), хотя и окончились неудачей по причине недостаточного знания церковным советом и доверенными лицами юридических тонкостей регистрационных правил, тем не менее свидетельствуют о растущем недоверии сельского населения к конфессиональной политике советской власти и поддерживаемой ею «Единой Православной Обновленческой Российской Церкви». Антицерковная политика центральных, краевых и сельских органов исполнительной власти была нацелена на дальнейшее углубление и разжигание внутри Православной Церкви конфликта, который должен был неизбежно привести к ее ослаблению.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и Всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 / составитель М. Губонин. – М. : Изд-во ПСТБИ, 1994. – 1064 с. – Текст : непосредственный.
2. Архивы Кремля: Политбюро и Церковь. 1922–1925 : в 2 книгах. Книга 1. – Новосибирск – М. : РОССПЭН, Сибирский хронограф, 1997. – 586 с. – Текст : непосредственный.
3. Архивный отдел муниципального образования город Армавир. – Ф. 152. – Оп. 1. – Д. 18. – Текст : непосредственный.
4. Архивный отдел муниципального образования город Армавир. – Ф. 152. – Оп. 1. – Д. 24. – Текст : непосредственный.
5. Горожанина, М. Ю. История Православия на Кубани / М. Ю. Горожанина. – Краснодар : Кубанский государственный университет, 2021. – 483 с. – Текст : непосредственный.
6. Лавринов, Валерий, прот. Обновленческий раскол в портретах его деятелей / Валерий Лавринов, прот. – М., 2016. – С. 499–500. – Текст : непосредственный.
7. Малахов, С. Н. Новые данные к биографии епископа Ставропольского и Кавказского Иннокентия (Летяева) / С. Н. Малахов. – Текст : непосредственный // История и обществознание : научный и учебно-методический ежегодник. – Армавир : РИО АГПУ, 2019. – Выпуск XVI. – С. 69–72.

8. Пантюхин, А. М., свящ., Шишкин, Е. Н., свящ. Епископ Иннокентий (Летяев) (1923–1926 гг.) / А. М. Пантюхин, свящ., Е. Н. Шишкин, свящ. – Текст : непосредственный // Святители Кавказа. Ставропольская епархия в биографиях правящих архиереев. – Ставрополь : Изд-во Ставропольской духовной семинарии, 2019. – С. 204–206.

9. Протоколы Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б) – ВКП(б) (Антирелигиозная комиссия). 1922–1929 гг. / составитель В. В. Лобанов. – М. : Изд-во ПСТГУ, 2014. – 381 с. – Текст : непосредственный.

10. Рожков, А. Ю. Обновленцы и мученики / А. Ю. Рожков. – Текст : непосредственный // Дело мира и любви: очерки истории и культуры православия на Кубани / научный редактор О. В. Матвеев. – Краснодар : Православный Екатеринодар, Традиция, 2009. – С. 127–138.

11. Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991) : материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью : в 2 книгах. Книга 1 / составитель Г. Штриккер. – М. : ПроPILEI, 1995. – 399 с. – Текст : непосредственный.

12. Справочник по Ставропольской епархии (обзор городов, сел, станиц и хуторов Ставропольской губернии и Кубанской области) / составитель Н. Т. Михайлов. – Текст : непосредственный // Исторический обзор Терека, Ставрополя и Кубани. – М. : Надыршин, 2008. – С. 294–831.

13. Храмы и монастыри Ставропольской епархии (1843–1920 гг.) : справочник / составитель В. В. Белокоп. – Ставрополь : Бюро новостей, 2012. – 448 с. – Текст : непосредственный.

14. Шкаровский, М. В. Православная Церковь в XX веке / М. В. Шкаровский. – М. : Вече, Лепта, 2010. – 480 с. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. *Akty Svjatejshego Tihona, Patriarha Moskovskogo i Vseja Rossii, pozdnejshie dokumenty i perepiska o kanonicheskom preemstve vysshej cerkovnoj vlasti. 1917–1943* [Acts of His Holiness Tikhon, Patriarch of Moscow and All Russia, documents and correspondence on the canonical succession of the highest church authority. 1917–1943]. М., PSTBI Publ., 1994. 1064 p. (In Russian).

2. *Arhivy Kremlja: Politbjuro i Cerkov'. 1922–1925* [Kremlin Archives: Politburo and Church. 1922–1925]. Novosibirsk – Moscow, Siberian Chronograph, 1997. 586 p. (In Russian).

3. *Arhivnyj otdel municipal'nogo obrazovanija gorod Armavir. F. 152. Op. 1. D. 18* [Archival department of the municipal formation of the city of Armavir]. (In Russian).

4. *Arhivnyj otdel municipal'nogo obrazovanija gorod Armavir. F.152. Op. 1. D. 18* [Archival department of the municipal formation of the city of Armavir]. (In Russian).

5. Gorozhanina M. Ju. *Istorija Pravoslavija na Kubani* [History of Orthodoxy in the Kuban.]. Krasnodar, Kuban State University, 2021. 483 p. (In Russian).

6. Lavrinov Valerij, prot. *Obnovlencheskij raskol v portretah ego dejatelej* [Renovationist schism in the portraits of its leaders]. М., 2016, pp. 499–500. (In Russian).

7. Malahov S. N. New data for the biography of Bishop of Stavropol and the Caucasus Innokenty (Letyaev). *Istoriya i obshchestvoznaniye = History and social science*, iss. XVI. Armavir, 2019, pp. 69–72. (In Russian).

8. Pantjuhin A. M., Shishkin E. N. Bishop Innokenty (Letyaev) (1923–1926). Saints of the Caucasus. *Svyatiteli Kavkaza. Stavropol'skaya eparhiya v biografijah pravyashchih arhieriev = Stavropol diocese in the biographies of the ruling bishops*. Stavropol, Stavropol Theological Seminary Publ., 2019, pp. 204–206. (In Russian).

9. *Protokoly Komissii po provedeniju otdelenija cerkvi ot gosudarstva pri CK RKP(b). VKP(b) (Antireligioznaja komissija). 1922–1929* [Protocols of the Commission for the Separation of Church and State under the Central Committee of CP (Anti-religious Commission). 1922–1929]. M., 2014. 381 p. (In Russian).

10. Rozhkov A. Ju. Renovatists and martyrs. *Delo mira i lyubvi: ocherki istorii i kul'tury pravoslaviya na Kubani = The cause of peace and love: essays on the history and culture of Orthodoxy in the Kuban*. Krasnodar, Orthodox Yekaterinodar, Tradition, 2009, pp. 127–138. (In Russian).

11. *Russkaja Pravoslavnaja Cerkov' v sovetskoe vremja (1917–1991). Materialy i dokumenty po istorii otnoshenij mezhdur gosudarstvom i Cerkov'ju* [Russian Orthodox Church in Soviet times (1917–1991). Materials and documents on the history of relations between the state and the Church]. M., Propylaea, 1995. 399 p. (In Russian).

12. Reference book on the Stavropol diocese (overview of cities, villages, villages and farms of the Stavropol province and Kuban region). *Istoricheskij obzor Tereka, Stavropol'ya i Kubani = Historical review of the Terek, Stavropol and Kuban*. M., Nadyrshin Publ., 2008, pp. 294–831. (In Russian).

13. *Hramy i monastyri Stavropol'skoj eparhii (1843–1920): spravocchnik* [Temples and monasteries of the Stavropol diocese (1843–1920)]. Stavropol, News Bureau, 2012. 448 p. (In Russian).

14. Shkarovskij M. V. *Pravoslavnaja Cerkov' v XX veke* [The Orthodox Church in the XX century]. M., Veche, Lepta, 2010. 480 p. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Малахова, А. С. Церковный конфликт в станице Урупской в 1924–1925 гг. как проявление локальных особенностей обновленческого раскола / А. С. Малахова, С. Н. Малахов. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2023. – № 3. – С. 68–82.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Malakhova A. S., Malakhov S. N. Church Conflict in the Stanitsa of Urupskaya in 1924–1925 as a Manifestation of Local Features of the Renovational Dissidence / A. S. Malakhova, S. N. Malakhov // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2023, no. 3, pp. 68–82. (In Russian).

УДК 93.94

**«...ДЛЯ БЕЗОПАСНОСТИ И БЛАГА РОССИИ»:
АКТУАЛИЗАЦИЯ НЕОБХОДИМОСТИ ИЗУЧЕНИЯ
ЕЕ ОСОБЕННОСТЕЙ В ПЕРИОД ВНЕШНИХ И ВНУТРЕННИХ
УГРОЗ 1914–1922 ГГ.**

В.А. Матвеев

**"...FOR RUSSIA'S SAFETY AND WELL-BEING":
UPDATED NEED TO STUDY ITS FEATURES
IN THE PERIOD OF EXTERNAL AND INTERNAL
THREATS 1914–1922**

V.A. Matveev

Аннотация. В статье с использованием конкретных подтверждений исследуется значение исторических знаний в обеспечении защиты целостности российской государственности в один из переломных периодов. В основе многовекового процесса ее формирования, как устанавливалось неоднократно, в отличие от других империй была справедливость. Расширение же территории России оказывалось вынужденным. Стабилизация на сопредельных пространствах с исключением набегов достигалась лишь с введением общей юрисдикции и ответственности перед не соблюдением законов. После этого тем не менее устанавливались равные возможности для развития. Проводившаяся политика способствовала формированию российского согражданства. Но в начале XX в. неоднократно обнаруживалась недостаточность о нем объективной научной информации. Это создавало затруднения при принятии решений, определявших курс внешней и внутренней политики. Попытки же устранить пробелы предпринимались с опозданием.

Abstract. The article uses specific evidence to examine the importance of historical knowledge in ensuring the protection of the integrity of Russian statehood in one of the critical periods. Contrary to the cases of other empires, at the heart of the centuries-long process of its formation, as has been repeatedly established, was justice. The expansion of Russian territory turned out to be forced. Raid-free stabilization in adjacent areas was achieved only with the introduction of general jurisdiction and responsibility for non-compliance with laws. However, after this, equal opportunities for development were established. The policy pursued contributed to the emergence of Russian co-citizenship. Yet, the outset of the 20th century repeatedly witnessed the lack of objective scientific information about it. This created difficulties in making decisions that determined the course of foreign and domestic policy. At the same time, attempts to fill the gaps were made belatedly.

Ключевые слова: академические издания, государственная политика, исторический процесс, критерий всеобщности, Племенная комиссия, российское согражданство, солидарное взаимодействие, субъектная совместимость.

Keywords: academic publications, public policy, historical process, criterion of universality, Tribal Commission, Russian co-citizenship, solidarity interaction, subjective compatibility.

С возникновением внутренних и внешних угроз в начале XX в. неоднократно вскрывался недостаток знаний «о местной жизни, местных особенностях и национальной жизни составляющих Россию народностей». Не в последнюю очередь это вызывалось сокращением в предшествующий период объемов государственной поддержки соответствующих образовательных и исследовательских программ. Существовавшее у ряда отечественных ученых понимание того, что «лучшим спаивающим средством и лучшим источником единения» для российского согражданства является объективное отображение особенностей его складывания в прошлом, не получило тем не менее своевременного концептуального оформления [1, с. 565]. Недостаточная же осведомленность правительства сказывалась на принимаемых решениях. Обнаруживалась она в том числе при проектировании преобразований. Распространение получала и дискредитация России. Ретроспективные фальсификации создавались именно с такой направленностью.

Отражая одну из тенденций развития российской государственности, в условиях кризиса начала XX в. негативная информация зачастую стала абсолютизироваться и отрываться от исторического контекста. Прослеживается это, например, по публикациям в сборнике «Формы национального движения в современных государствах», выпущенном издательством товарищества «Общественная Польза» (1910) [2]. Составление его оппозиционно настроенными авторами происходило на протяжении нескольких лет и потребовало немалых усилий. Особые сложности, как отмечено в примечаниях, вызвали переводы на русский язык [3, с. 1, XIII].

С опорой на западные идеи оппозиционно настроенными отечественными авторами писались для сборника и специальные статьи с националистическим уклоном. Переустройство России в сопутствующих размышлениях также предполагалось на заимствованных из чуждого опыта критериях. В представленном материале В. Водовозов исходя из обретенной информированности осветил тему «Национальность и государство» [4, с. 727–744], В. Медем разместил очерк «Национальное движение и национальные социалистические партии в России» [5, с. 747–798]. В предисловии же редактора А.И. Кастелянского утверждалось, что «в России... угнетение и бесправие недержавных народностей достигает чрезвычайных пределов», а «национальный гнет принимает... угрожающий характер». Отмечалась и возрасставшая якобы «агрессивность господствующего великорусского племени» [3, с. 12]. Обвинения не имели, как можно судить по содержанию, подтверждающих доказательств. Выдвигались они в виде деклараций, противоречивших изложенным в статьях фактам.

Тенденциозно с абсолютизацией национальных особенностей отразил свои представления о российской империи в публикации «Украинцы» М. Грушевский [6, с. 152–177]. Подобная направленность изложения выдерживалась в размещенных очерках о населении западных и восточных окраин А. Новина «Белорусы» [7, с. 383–395], Л. Крживицкого «Поляки» [8, с. 331–355], А. Игельстрома «Финляндия» [9, с. 625–653], А. Букейханова

«Киргизы» [10, с. 575–600], Л. Штенберга «Буряты» [11, с. 601–624], С. Дубнова «Евреи» [12, с. 397–423] и других. Сходные оценки получали отражение и в литературе по Кавказу. На теоретических наработках австрийской школы национализма, признававшейся в свое время наиболее авторитетной, формировалась и большевистская доктрина. В ней также содержались идеи, основывавшиеся на европейском опыте и в значительной мере не соответствовавшие российской действительности.

Потребность в объективных исторических знаниях о формировании и особенностях российской государственности актуализировалась с началом в 1914 г. Первой мировой войны. Возросшие внешние и внутренние угрозы актуализировали необходимость изучения особенностей ее формирования. Тогда же в Императорскую Академию наук поступил профинансированный официальный заказ на сбор сведений о расселении и численности народов России. В составе подразделения была образована Племенная комиссия, приступившая к его выполнению. Усилия ее в соответствии с регламентацией имели направленность на подготовку необходимых пояснительных записок для ожидавшейся конференции после окончания противостояния [13, л. 27].

Состояние же исторических знаний в тот период о специфике взаимосвязанности центра и российских регионов прослеживается, в частности, по презентациям, предоставлявшимся Николаю II по пути следования «царского поезда» на Кавказский фронт в конце ноября 1914 г. [14, л. 169–169об.] Оформлялись они в виде кратких брошюр, прилагавшихся к расписанию. Отпечатанные оперативно в губернских и областных типографиях, существовавших при правлениях, подборки сведений на станциях в административных центрах подавались монарху для ознакомления. В них указывался «племенной состав», численность населения, конфессиональная принадлежность (исповедания) [14, л. 252, 253об.] и т. д. Иные данные о региональных особенностях отсутствовали. Не отражались сообщения и о межэтнических конфликтах, сепаратистских проявлениях, хотя для понимания происходившего главе государства они были необходимы. Деятельность же Племенной комиссии определялась преимущественно перспективами созыва международной конференции для выработки условий мира [15, л. 2–3].

О значении, которое придавалось ее трудам, свидетельствует то, что в состав созданного исследовательского объединения были включены лучшие отечественные ученые: председателем являлся известный востоковед, специалист по российскому и зарубежному буддизму, академик С.Ф. Ольденберг, от Кавказа в нее входил академик Н.Я. Марр и другие [15, л. 3]. Для повышения эффективности ее работы было налажено тесное взаимодействие с комиссией при Русском географическом обществе, также занимавшейся составлением этнографической карты России и располагавшей уже частью необходимой информации. Несмотря на это, упущения в изучении выделенной в повестку проблемы продолжали сказываться [15, л. 3–4]. Тем не менее обладавшие конструктивностью наработки существовали. Положения их могли при соотносимо с реальностью отборе

приниматься для практического воплощения. Формирование курса российской политики и его корректировки могли, на мой взгляд, опираться в начале XX в. на следующие отечественные интеллектуальные ресурсы.

Так, в 1915 г. Н.А. Бердяева обратил внимание на опасность того, что «русский народ не выдержал великого испытания войны» и «потерял свою идею». В противовес различным политическим проектам он предложил свое оригинальное понимание сущности России, опирающееся на признание ее в качестве великой реальности, входящей «в другую реальность, именуемую человечеством» и обогащающей ее «своими ценностями» [16, с. 4, 59–60, 83, 85–86, 168]. Размышляя об особенностях становления ее государственного пространства, Н.А. Бердяев усматривал некую предопределенность в его географическом расположении. «На русских равнинах, – считал он, – неизбежно должен был сложиться великий Востоко-Запад, объединенное и организованное целое» [16, с. 85–86, 168]. По мнению Н.А. Бердяева, «Россия призвана быть освободительницей народов», а справедливость связанных с этой миссией задач предначертана «духовными силами истории» [17, с. 297].

Позитивным обогащением бытия в его теоретических построениях признается и национальность, а космополитизм отнесен к разряду отвлеченных утопий. Вопреки представлявшим опасность для отечества идеологическим исканиям в заключении философа провозглашается, что «судьба России бесконечно дороже судьбы классов и партий, доктрин и учений» [16, с. 85–86, 168]. Из-за пробелов в науке призыв между тем не смог оказать воздействия на общественные настроения. Н.А. Бердяеву принадлежит и другое весьма важное наблюдение. В заметках о России он выделил следующее: «Национализм у нас всегда производит впечатление чего-то нерусского, наносного» [17, с. 296].

В размышлениях выдающегося русского ученого В.И. Вернадского «Задачи науки в связи с государственной политикой в России», изложенных незадолго до кризисного излома 1917 г., предложено перспективное, но не отраженное в тот промежуток времени в исторических исследованиях понимание отечественного феномена всеобщности [1, с. 553–557]. Под его воздействием сложился не имевший аналогов тип государства на широкой полиэтнической основе и самостоятельный тип цивилизации. В.И. Вернадский особо отметил значение сплошной открытости объединенного в российских имперских границах континентального пространства, «огромной непрерывности... территории», добытой «кровью и страданиями... истории». Отмечены им и преимущества, которые «дает... большое по размерам государство» [1, с. 564]. Российскую разновидность имперского образования ученый классифицировал как «государство-континент» [1, с. 564].

Выделяя противостояние сепаратистской угрозе как «одну из наиболее важных задач государственной политики» в 1917 г., В.И. Вернадский обратил внимание не только на континентальную, но и на государственную взаимосвязанность объединенной при различных обстоятельствах территории. Уменьшение центробежных сил, по его рекомендации, должно являться главным направлением в государственной политике. Отмечая, что «Сибирь, Кавказ, Туркестан

не бесправные колонии», как периферийные иноэтнические части в ряде европейских империй, В.И. Вернадский формулирует положение о существовавшем равноправном статусе российских окраин. В образовании же столь обширного по размерам государственного пространства была справедливость [1, с. 564].

Обретение объективных исторических знаний так же, как и результаты других научных исследований, согласно заключению В.И. Вернадского, необходимы «для безопасности и блага России» [1, с. 560]. По его расчетам, они явятся для объединенного в ее границах полиэтнического согражданства «могучим спаивающим средством» [1, с. 566]. Исторические исследования, предполагал В.И. Вернадский, должны перейти «в область сил», обеспечивающих «государственное единство» [1, с. 565]. Оценивая же исследования, проведенные Племенной комиссией, Министерство внутренних дел, ранее периодически производившее сбор информации о народах российских окраин и неплохо осведомленное о действительном положении на этом направлении, констатировало, что они «восполняют собою... пустое место» [15, л. 2].

О том, насколько компетентно данное заключение, можно судить хотя бы по тому, что именно при организационном содействии и непосредственном участии Министерства внутренних дел в 1897 г. была проведена первая всеобщая перепись населения Российской империи, а затем в начале XX в. его специализированное подразделение – Центральный статистический комитет – полностью опубликовало ее результаты. В составе этого министерства находился и Департамент духовных дел, занимавшийся вопросами различных конфессий [18, л. 1]. По выполнявшимся академическим заданиям Н.Я. Марр опубликовал отчет о «третьей лингвистической поездке в Дагестан» (1917) [19]. В докладе на заседании академического Отделения исторических наук и филологии 23 января 1917 г. он поделился как специалист по региону таким весьма показательным наблюдением: «...гуманитарное кавказоведение» находится «до сих пор в руках самих кавказцев» [20, с. 437]. Комиссия по изучению племенного состава населения России выпускала о своей деятельности информационные и рекомендательные материалы.

Ломка в России установившихся государственных отношений с некоторыми иноэтническими сообществами побудили комиссию в 1917 г. расширить объем решаемых задач и незамедлительно приступить к подготовке обобщающих очерков о «племенном составе» населения страны в целях преодоления кризиса [13, л. 27–27об.]. В задания комиссии вносятся поправки, учитывающие изменения: «Все эти материалы предназначаются ныне прежде всего для Учредительного собрания, которое... будет нуждаться в авторитетных данных... при решении сложных национальных вопросов и при рассмотрении различных... требований отдельных национальностей. Особенно велика потребность в научно обоснованных, точных и объективных этнографических картах... при установлении целесообразности границ территориальных областей... при выработке общегосударственных мероприятий» [15, л. 2].

Обстоятельства создавшейся революционной неопределенности в 1917 г. заставили и Министерство внутренних дел проводить сбор сведений о народах

России систематически. Но выполнение столь масштабной задачи в короткие сроки было ему одному не под силу. Поэтому возникла настоятельная необходимость согласовать мероприятия этого ведомства с деятельностью Племенной комиссии Академии наук и по возможности опираться на полученные ею результаты, тем более что их цели на этапе сбора подобных сведений во многом совпадали. Для организации же собственных мероприятий на этом направлении, в чем также существовала огромная потребность, и руководства ими Министерство внутренних дел вскоре после февральского переворота приступило к созданию особого национального отдела, в ведение которого также вменялось «собрание, систематизация и изучение материалов по национальному вопросу для Всероссийского Учредительного собрания» [21, л. 1].

Министр внутренних дел А. Никитин дал по этому поводу следующее разъяснение: «...образование национального отдела является вопросом неотложным ввиду широких размеров, которые принимает в настоящее время национальное движение среди отдельных народов, входящих в состав русского государства» [22, л. 5]. Но специализированное подразделение для изучения выдвигаемых требований в составе Министерства внутренних дел было создано лишь в сентябре [23, л. 5]. Тогда же им стал производиться сбор информации [21, л. 1]. В октябре национальный отдел Министерства внутренних дел на основе разработок Племенной комиссии Российской Академии наук приступил к подготовке издания этнографических карт и пояснительных записок к ним, куда должен был войти и материал о субъектности [15, л. 1].

Завершить эту крайне важную для будущего работу на том этапе не удалось. Полученные результаты, за редким исключением, остались без обобщения. Н.Я. Марр подготовил к изданию результаты исследований по Кавказу, осуществлявшихся в предшествующий период по государственному заказу, порученному Племенной комиссии, а также при подготовке необходимой информации для Учредительного собрания в 1917 г. Начатую ранее работу российские ученые несмотря на сложную обстановку гражданской войны продолжали. Об этом свидетельствуют, в частности, протоколы заседаний комиссии, продолжавшихся в 1918 г. Наиболее важные извлечения из них размещались в информационных бюллетенях (1919). Наряду с этим под рубрикой «Российская Академия наук. Труды Комиссии по изучению племенного состава населения России» выходила серия публикаций. Н.Я. Марром представлена систематизация под названием «Племенной состав населения Кавказа. Классификация народов... (Рабочий проект)» (1920) [24].

На продолжение соответствующих исследований указывают и формулировки других издававшихся им обобщений собранных материалов. В них отображение получала тема племенного состава населения и межнациональных отношений на Кавказе. В доведенных до завершения Н.Я. Марром книгах, как видно, отражены задания, определявшиеся по краю Российской Императорской Академией наук с началом Первой мировой войны. Их выполнение, как задумывалось тогда, должно было способствовать сохранению целостности России.

Комиссией по изучению племенного состава населения страны сбор сведений производился и по небольшим этническим группам. На трудах комиссии по изучению племенного состава населения России в тот период ставилась резолюция «Напечатано по распоряжению Российской Академии Наук» и пометка «Непременный Секретарь, академик С. Ольденбург» [25].

Подобные сопровождения размещались и на брошюрах Н.Я. Марра, отображавших различные аспекты кавказской тематики, определявшейся заказом на соответствующие исследования. Следует заметить, что такие издания оказались бы невозможными без согласия правящего режима. Востребованность их диктовалась и начавшимся государственным переустройством на основе большевистской «национальной» доктрины. К тому же труды Н.Я. Марра были сугубо фактологичны, и в них не содержалось, как и на предшествующем этапе развития исторических знаний об иноэтнической периферии, объяснительных сопровождений.

Отраженное в публицистике Ф.И. Тютчева «учение о русской империи», опиравшееся в том числе на опыт дипломатической и государственной службы, оставалось незамеченным. По его суждению, истинный «защитник России – История», способствовавшая «в течение трех столетий» разрешению «в ее пользу» всех тяжб, в которые «русский народ раз за разом ввергал все это время свои таинственные судьбы...» [26, с. 200]. Особенности же государства оставались не изученными. Прежде всего, в отличие от периферийных частей зарубежных империй, в статусе российских окраин выявлялось отсутствие колониальных признаков.

Неразделенное же границами большое по размерам евразийское пространство предоставляло всем соотечественникам независимо от этнической и конфессиональной принадлежности одинаковые преимущества. Складывалось в нем и солидарное взаимодействие при возникновении и устранении различных угроз. Однако феномен российского согражданства оставался неосмысленным. Имевшиеся исторические наработки носили характер обладавших признаками научности описаний. На таком уровне оставались и систематизации фактов. Попытки устранить пробелы в короткий промежуток времени, как показывает проведенный анализ, к изменению ситуации с недостаточностью знаний об особенностях российской государственности не привели. Исследовательская работа на данном направлении должна проводиться на постоянной основе, а не в момент актуализации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вернадский, В. И. Задачи науки в связи с государственной политикой в России / В. И. Вернадский. – Текст : непосредственный // Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. – М. : Рольф, 2002. – С. 553–567.

2. Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия. Россия. Германия / под редакцией А. И. Кастелянского. – СПб. : Общественная Польза, 1910. – 798 с. – Текст : непосредственный.

3. Кастелянский, А. Предисловие / А. Кастелянский. – Текст : непосредственный // *Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия. Россия. Германия* / под редакцией А. И. Кастелянского. – СПб. : *Общественная Польза*, 1910. – С. 1–13.
4. Водовозов, В. Национальность и государство / В. Водовозов. – Текст : непосредственный // *Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия. Россия. Германия* / под редакцией А. И. Кастелянского. – СПб. : *Общественная Польза*, 1910. – С. 727–744.
5. Медем, В. Национальное движение и национальные социалистические партии в России / В. Медем. – Текст : непосредственный // *Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия. Россия. Германия* / под редакцией А. И. Кастелянского. – СПб. : *Общественная Польза*, 1910. – С. 747–798.
6. Грушевский, М. Украинцы / М. Грушевский. – Текст : непосредственный // *Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия. Россия. Германия* / под редакцией А. И. Кастелянского. – СПб. : *Общественная Польза*, 1910. – С. 152–177.
7. Новина, А. Белорусы / А. Новина. – Текст : непосредственный // *Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия. Россия. Германия* / под редакцией А. И. Кастелянского. – СПб. : *Общественная Польза*, 1910. – С. 383–395.
8. Крживицкий, Л. Поляки / Л. Крживицкий. – Текст : непосредственный // *Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия. Россия. Германия* / под редакцией А. И. Кастелянского. – СПб. : *Общественная Польза*, 1910. – С. 331–355.
9. Игельстром, А. Финляндия / А. Игельстром. – Текст : непосредственный // *Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия. Россия. Германия* / под редакцией А. И. Кастелянского. – СПб. : *Общественная Польза*, 1910. – С. 625–653.
10. Букейханов, А. Киргизы / А. Букейханов. – Текст : непосредственный // *Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия. Россия. Германия* / под редакцией А. И. Кастелянского. – СПб. : *Общественная Польза*, 1910. – С. 575–600.
11. Штенберг, Л. Буряты / Л. Штенберг. – Текст : непосредственный // *Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия. Россия. Германия* / под редакцией А. И. Кастелянского. – СПб. : *Общественная Польза*, 1910. – С. 601–624.
12. Дубнов, С. Евреи / С. Дубнов. – Текст : непосредственный // *Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия. Россия. Германия* / под редакцией А. И. Кастелянского. – СПб. : *Общественная Польза*, 1910. – С. 397–423.
13. Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 970. – Оп. 3. – Д. 1115. – Текст : непосредственный.
14. Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 970. – Оп. 3. – Д. 1939. – Текст : непосредственный.
15. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 1779. – Оп. 1. – Д. 1303. – Текст : непосредственный.
16. Бердяев, Н. А. Судьба России / Н. А. Бердяев. – М. : Мысль, 1990. – 208 с. – Текст : непосредственный.

17. Бердяев, Н. А. Душа России (1915–1918) / Н. А. Бердяев. – Текст : непосредственный // Русская идея : сборник произведений русских мыслителей. – М. : Айрис-пресс, 2002. – С. 289–317.

18. Центральный исторический архив Грузии. – Ф. 13. – Оп. 11. – Д. 332. – Текст : непосредственный.

19. Марр, Н. Я. Непечатый источник истории Кавказского мира (из третьей лингвистической поездки в Дагестан, 24 декабря – 12 января) / Н. Я. Марр. – Петроград : Типография Академии наук, 1917. – С. 307–334. – Текст : непосредственный.

20. Марр, Н. Я. Грузинская поэма «Витязь в барсовой шкуре» Шоты из Рустава и новая культурно-историческая проблема / Н. Я. Марр. – Петроград : Типография Академии наук, 1917. – С. 415–446. – Текст : непосредственный.

21. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 1788. – Оп. 4. – Д. 2. – Текст : непосредственный.

22. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 1779. – Оп. 1. – Д. 1302. – Текст : непосредственный.

23. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 6. – Оп. 2. – Д. 434. – Текст : непосредственный.

24. Марр, Н. Я. Племенной состав населения Кавказа. Классификация народов Кавказа (Рабочий проспект) / Н. Я. Марр. – Петроград : Типография Российской академии наук, 1920. – 63 с. – Текст : непосредственный.

25. Марр, Н. Я. Тальши. Труды Комиссии по изучению племенного состава населения России. Подписано к печати в 1918 г. / Н. Я. Марр. – Петроград : Российская государственная академическая типография, 1922. – 25 с. – Текст : непосредственный.

26. Тютчев, Ф. И. Россия и Германия. Письма доктору Густаву Кольбу, редактору «Всеобщей газеты» / Ф. И. Тютчев. – Текст : непосредственный // Чаадаев П. Я., Тютчев Ф. И. Великая Россия. Что это такое? – М. : Родина, 2022. – С. 199–221.

REFERENCES

1. Vernadskii V. I. Problems of science in connection with state policy in Russia. *Biosfera i noosfera = Biosphere and noosphere*. M., Rolf, 2002, pp. 553–567. (In Russian).

2. *Formy natsional'nogo dvizheniya v sovremennykh gosudarstvakh. Avstro-Vengriya. Rossiya. Germaniya*. [Forms of the national movement in modern states. Austria-Hungary. Russia. Germany], edited by A. I. Kastelyansky. St. Petersburg, Public Benefit, 1910. 798 p. (In Russian).

3. Kastelyanskii A. Preface. *Formy nacional'nogo dvizheniya v sovremennykh gosudarstvakh. Avstro-Vengriya. Rossiya. Germaniya = Forms of national movement in modern states. Austria-Hungary. Russia. Germany*. St. Petersburg, Public Benefit, 1910, pp. 1–13. (In Russian).

4. Vodovozov V. Nationality and state. *Formy nacional'nogo dvizheniya v sovremennykh gosudarstvakh. Avstro-Vengriya. Rossiya. Germaniya = Forms of national movement in modern states. Austria-Hungary. Russia. Germany*. St. Petersburg, Public Benefit, 1910, pp. 727–744. (In Russian).

5. Medem V. National movement and national socialist parties in Russia. *Formy nacional'nogo dvizheniya v sovremennykh gosudarstvakh. Avstro-Vengriya. Rossiya. Germaniya = Forms of national movement in modern states. Austria-Hungary. Russia. Germany*. St. Petersburg, Public Benefit, 1910, pp. 747–798. (In Russian).

6. Grushevskii M. Ukrainians. *Formy nacional'nogo dvizheniya v sovremennyh gosudarstvah. Avstro-Vengriya. Rossiya. Germaniya = Forms of national movement in modern states. Austria-Hungary. Russia. Germany.* St. Petersburg, Public Benefit, 1910, pp. 152–177. (In Russian).

7. Novina A. Belarusians. *Formy nacional'nogo dvizheniya v sovremennyh gosudarstvah. Avstro-Vengriya. Rossiya. Germaniya = Forms of national movement in modern states. Austria-Hungary. Russia. Germany.* St. Petersburg, Public Benefit, 1910, pp. 383–395. (In Russian).

8. Krzhivitskii L. Poles. *Formy nacional'nogo dvizheniya v sovremennyh gosudarstvah. Avstro-Vengriya. Rossiya. Germaniya = Forms of national movement in modern states. Austria-Hungary. Russia. Germany.* St. Petersburg, Public Benefit, 1910, pp. 331–355. (In Russian).

9. Igel'strom A. Finland. *Formy nacional'nogo dvizheniya v sovremennyh gosudarstvah. Avstro-Vengriya. Rossiya. Germaniya = Forms of national movement in modern states. Austria-Hungary. Russia. Germany.* St. Petersburg, Public Benefit, 1910, pp. 625–653. (In Russian).

10. Bukeikhanov A. Kirghiz. *Formy nacional'nogo dvizheniya v sovremennyh gosudarstvah. Avstro-Vengriya. Rossiya. Germaniya = Forms of national movement in modern states. Austria-Hungary. Russia. Germany.* St. Petersburg, Public Benefit, 1910, pp. 575–600. (In Russian).

11. Shtenberg L. Buryats. *Formy nacional'nogo dvizheniya v sovremennyh gosudarstvah. Avstro-Vengriya. Rossiya. Germaniya = Forms of national movement in modern states. Austria-Hungary. Russia. Germany.* St. Petersburg, Public Benefit, 1910, pp. 601–624. (In Russian).

12. Dubnov S. Jews. *Formy nacional'nogo dvizheniya v sovremennyh gosudarstvah. Avstro-Vengriya. Rossiya. Germaniya = Forms of national movement in modern states. Austria-Hungary. Russia. Germany.* St. Petersburg, Public Benefit, 1910, pp. 397–423. (In Russian).

13. *Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv* [Russian State Military Historical Archive], F. 970, Op. 3, D. 1115. (In Russian).

14. *Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv* [Russian State Military Historical Archive], F. 970, Op. 3, D. 1939. (In Russian).

15. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State Archive of the Russian Federation], F. 1779, Op. 1, D. 1303. (In Russian).

16. Berdyaev N. A. *Sud'ba Rossii* [The fate of Russia]. M., Mysl, 1990. 208 p. (In Russian).

17. Berdyaev N. A. Soul of Russia. *Russkaya ideya = Russian idea.* M., Iris-press, 2002, pp. 289–317. (In Russian).

18. *Tsentral'nyi istoricheskii arkhiv Gruzii* [Central Historical Archive of Georgia], F. 13, Op. 11, D. 332. (In Russian).

19. Marr N. Ya. *Nepochatyj istochnik istorii Kavkazskogo mira (iz tret'ej lingvisticheskoi poezdki v Dagestan, 24 dekabrya – 12 yanvarya)* [An endless source of the history of the Caucasian world (from the third linguistic trip to Dagestan, December 24 – January 12)]. Petrograd, Printing house of the Academy of Sciences, 1917, pp. 307–334. (In Russian).

20. Marr N. Ya. *Gruzinskaya poema "Vityaz' v barsovoi shkure" Shoty iz Rustava i novaya kul'turno-istoricheskaya problema.* [Georgian poem "The Knight in the Leopard's Skin" by Shota from Rustav and a new cultural and historical problem]. Petrograd, Printing house of the Academy of Sciences, 1917, pp. 415–446. (In Russian).

21. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii* [State Archive of the Russian Federation], F. 1788, Op. 4, D. 2. (In Russian).

22. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii* [State Archive of the Russian Federation], F. 1779, Op. 1, D. 1302. (In Russian).

23. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii* [State Archive of the Russian Federation], F. 6, Op. 2, D. 434. (In Russian).

24. Marr N. Ya. *Plemennoj sostav naseleniya Kavkaza. Klassifikaciya narodov Kavkaza (Rabochij prospekt)* [Tribal composition of the population of the Caucasus. Classification of the peoples of the Caucasus (Working Avenue)]. Petrograd, Printing house of the Russian Academy of Sciences, 1920. 63 p. (In Russian).

25. Marr N. Ya. *Talyshi. Trudy Komissii po izucheniyu plemennogo sostava naseleniya Rossii. Podpisano k pečati v 1918 g.* [Talysh. Proceedings of the Commission for the Study of the Tribal Composition of the Russian Population. Signed for publication in 1918 g.]. Petrograd, Russian State Academic Printing House, 1922. 25 p. (In Russian).

26. Tyutchev F. I. Russia and Germany. Letters to Dr. Gustav Kolb, editor of the General Newspaper. *Velikaya Rossiya. Chto eto takoe? = Great Russia. What it is?* М., Rodina, 2022, pp. 199–221. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Матвеев, В. А. «...Для безопасности и блага России»: актуализация необходимости изучения ее особенностей в период внешних и внутренних угроз 1914–1922 гг. / В. А. Матвеев. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2023. – № 3. – С. 83–93.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Matveev V. A. "...For Russia's Safety and Well-Being": Updated Need to Study Its Features in the Period of External and Internal Threats 1914–1922 / V. A. Matveev // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2023, no. 3, pp. 83–93. (In Russian).

УДК 94(470.6)

**ПРОЦЕСС И РЕЗУЛЬТАТЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ
И РАЗВИТИЯ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
НА ДОНУ И СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 1943–1945 ГГ.**

А.А. Панарин, Е.В. Панарина

**THE PROCESS AND RESULTS OF THE RESTORATION
AND DEVELOPMENT OF SCHOOL EDUCATION
IN THE DON AND THE NORTH CAUCASUS IN 1943–1945**

A.A. Panarin, E.V. Panarina

Аннотация. В статье рассматривается процесс восстановления и развития школьного образования после освобождения Дона и Северного Кавказа от немецко-фашистских захватчиков. Дается оценка тяжелым последствиям оккупации, связанным с уничтожением значительной части школьных зданий и помещений, инвентаря, учебной литературы, письменных принадлежностей и оборудования. Освещаются принимаемые местными органами и школьными коллективами меры по восстановлению материальной базы школ. Рассматриваются состояние в школах региона кадровой проблемы и способы ее решения, прежде всего, мероприятия по расширению подготовки педагогических кадров. Анализируется сущность школьной реформы и ее реализация на Дону и Северном Кавказе. Дается характеристика работе органов образования и школ региона по обеспечению полного охвата обучением детей и подростков. Отмечается важность сохранения и развития системы школьного образования в 1943–1945 гг. для подготовки подрастающего поколения к самостоятельной трудовой и общественной деятельности.

Abstract. The article examines the process of restoration and development of school education after the liberation of the Don and the North Caucasus from the Nazi invaders. The assessment of the severe consequences of the occupation associated with the destruction of a significant part of school buildings and premises, inventory, educational literature, writing materials and equipment is given. The measures taken by local authorities and school collectives to restore the material base of schools are highlighted. The article considers the state of the personnel problem in the schools of the region and ways to solve it, first of all, measures to expand the training of teaching staff. The essence of the school reform and its implementation in the Don and the North Caucasus are analyzed. The paper describes the work of education authorities and schools in the region to ensure full coverage of education for children and adolescents. The importance of preserving and developing the school education system in 1943–1945 for preparing the younger generation for independent labor and social activities is noted.

Ключевые слова: школьное образование, последствия оккупации, восстановление, подготовка педагогических кадров, учащиеся, школьная реформа, Дон, Северный Кавказ, Великая Отечественная война.

Keywords: school education, consequences of occupation, restoration, teacher training, students, school reform, Don, North Caucasus, Great Patriotic War.

В годы Великой Отечественной войны, несмотря на тяжелейшие испытания военного времени, советское государство уделяло большое внимание вопросам образования молодого поколения. Связано это было с необходимостью достижения школьниками достаточного для последующего профессионального обучения уровня знаний, осуществления процесса социализации детей и подростков в советском обществе, подготовки к военной службе, проведения патриотического воспитания.

Решение этих и других важных задач в системе школьного образования сталкивалось с большими трудностями, главными из которых являлись ограниченность материальных и кадровых ресурсов. В особенности это коснулось регионов, подвергшихся оккупации немецко-фашистских захватчиков, к числу которых принадлежали Дон и Северный Кавказ. Большая часть их территории находилась в оккупации в период с августа 1942 г. по февраль 1943 г., а несколько районов Краснодарского края и Ростовской области – до сентября–октября 1943 г.

Вследствие оккупации материальная база большинства школ на Дону и Северном Кавказе подверглась значительным разрушениям. Так, на освобожденной к марту 1943 г. территории Ростовской области из 2 609 действующих в 1941 г. зданий было уничтожено 1 708 [3, л. 84]. В г. Краснодаре осталось 28 из 41 школьных зданий, но их состояние не позволяло проводить учебные занятия. Основная причина заключалась в том, что оккупанты в большинстве школ устраивали обмывочные пункты, кухни и конюшни, что привело их помещения в безобразное состояние [9, с. 318]. Такая же ситуация была в других городах и районах Северного Кавказа, подвергшихся оккупации.

Вместе с тем сразу после освобождения тех или иных населенных пунктов местные органы принимали решение о возобновлении учебного процесса. В зависимости от степени разрушения материальной базы, занятия могли проходить как в зданиях школ, так и в приспособленных помещениях. Например, Краснодарский крайком ВКП (б) уже 17 февраля 1943 г. указал на необходимость организации занятий в две-три смены, приспособив для этого отдельные дома и комнаты, а также осуществляя обучение на дому [15, л. 103].

Параллельно происходил ремонт и восстановление школьных зданий, и помещений. Важную роль при этом играли предприятия местной промышленности, промысловая кооперация и колхозы, которые осуществляли шефство над отдельными школами. Например, в Ростове-на-Дону ультрамариновый завод оказал большую помощь в ремонте средней женской школе № 47, в том числе направив туда необходимые строительные материалы и своих рабочих [12]. В селе Нижне-Полтавском Кабардино-Балкарии со стороны сельсовета постоянно осуществлялась помощь местной школе в проведении ремонта [21].

Основная нагрузка при проведении ремонта ложилась на учителей, родителей и самих учащихся. Своими силами они приводили школьные помещения в порядок, выполняя штукатурные, малярные и другие виды работ. Делалось это в свободное от основной работы и занятий время, зачастую

вечером или в выходные дни. Нередко учителя и родители ремонтировали классы по очереди, в то время как в других классах проходили занятия. Благодаря этим усилиям, к началу 1943/44 учебного года было отремонтировано в Краснодарском крае – 1 619, а в Ставропольском крае – 1 416 школьных зданий [23, с. 407].

Еще одной проблемой материального характера являлась острая нехватка в школах учебников, письменных принадлежностей, оборудования и инвентаря. Главным источником их поступления являлись централизованные фонды, однако их возможности были ограничены, ввиду небольших объемов производимой в годы войны школьной продукции. Например, для школ Краснодарского края в 1943/44 учебном году было направлено 1,3 млн тетрадей, а требовалось как минимум 4,5 млн. Поступления других письменных принадлежностей, таких как ручки, чернильницы и т. п., составило лишь 15 % от потребности [2, л. 8–9]. В школы Кабардино-Балкарской АССР в феврале 1944 г. поступило 32 тыс. экземпляров различной учебной литературы при потребности в 400 тыс. экземпляров [10, с. 310].

Ослабление этой проблемы происходило путем сбора сохранившейся у населения учебной литературы. Так, в Карачаевской автономной области к началу 1943/44 учебного года учителя и школьники смогли собрать у населения 1 721 экземпляров различных учебников [16, л. 5]. Применение этих мер позволило несколько улучшить ситуацию с обеспечением школ Дона и Северного Кавказа учебной литературой и письменными принадлежностями, однако острота этой проблемы сохранялась и после окончания войны.

Серьезные трудности в работе школ региона после освобождения были связаны также с кадровой проблемой. Педагогический состав большинства школ был укомплектован не полностью и в основном из числа учителей, которые оставались на оккупированной территории. Тех из них, кто был замечен в сотрудничестве с фашистами, из школ увольняли. Например, в Краснодарском крае по этой причине в первом полугодии 1943/44 учебного года из школ было уволено 166 учителей [2, л. 32].

Одновременно осуществлялись меры по возвращению в школы учителей, вернувшихся из эвакуации и работавших не по специальности. Например, в Правобережном районе Северо-Осетинской АССР один из учителей истории работал следователем, учитель русского языка работала в карточном бюро, а другая учительница счетоводом в детском саду [22]. В целях решения данной проблемы СНК СССР в постановлении от 28 июля 1943 г. «Об обеспечении начальных, начальных средних и средних школ РСФСР учителями в 1943/44 учебном году» потребовал вернуть с 1 сентября на педагогическую работу всех учителей, работающих не по специальности [5, л. 55]. Вместе с тем решение этой задачи происходило медленно, что вело к дальнейшему обострению кадровой проблемы.

Более эффективным средством ее решения стало расширение профессиональной подготовки педагогических кадров. Помимо количественного увеличения учителей, это позволяло повысить уровень квалификации педагогических

кадров, что также было характерным проявлением кадровой проблемы, особенно в национальных республиках Северного Кавказа. Например, в Дагестане более половины работающих учителей не имели среднего образования [6].

Со стороны центральных и местных органов принимались меры по организации ускоренных курсов по подготовке учителей. Так, согласно принятому 10 августа 1943 г. постановлению СНК СССР были организованы трехмесячные курсы по подготовке учителей для начальных классов для лиц, имевших среднее образование. При этом для школ Ставропольского края, Кабардино-Балкарской АССР и Чечено-Ингушской АССР было запланировано подготовить по 100 учителей, а для Северо-Осетинской АССР – 90 учителей [13, с. 225]. Подобные курсы были организованы также в областных и краевых центрах Дона и Северного Кавказа.

Расширению подготовки учительских кадров способствовало восстановление в регионе системы педагогического образования. Помимо расширения дневного обучения большое внимание уделялось повышению квалификации действующих учителей путем организации их заочного обучения. Например, в Ростовской области с декабря 1943 г. заочное обучение учителей для работы в 8–10-х классах проводилось при педагогических институтах, для 5–7-х классов – при учительских институтах, для 1–4-х классов – при педучилищах [4, л. 2]. Принятые меры позволили ослабить кадровую проблему и улучшить организацию учебного процесса в школах региона.

Одним из главных направлений в деятельности органов образования и педагогических коллективов школ Дона, и Северного Кавказа в послеоккупационный период являлась реализация школьной реформы. Ее подготовка велась перед началом войны, но была прервана вражеским нашествием. При достижении коренного перелома в войне Народный комиссариат просвещения стал осуществлять непосредственное проведение школьной реформы, используя при этом опыт дореволюционной российской гимназии.

Первым шагом в реализации реформы стало введение в школах Москвы со второго полугодия 1942/43 учебного года отдельного обучения мальчиков и девочек, начиная с пятого класса. Опыт Москвы вскоре нашел применение на территории всей страны. 16 июля 1943 г. в средних школах в областных и столичных центрах, и крупных промышленных городах было также введено отдельное обучение. Введение этой меры обуславливалось невозможностью обеспечить должную дисциплину и учитывать особенности физического развития при подготовке к труду и военному делу, так как в старших классах вводилась допризывная военная подготовка юношей. Введение отдельного обучения затронуло примерно пятую часть средних школ СССР [18, с. 25].

В соответствии с принятым 21 июня 1944 г. постановлением СНК СССР «О мероприятиях по улучшению качества обучения в школе», для учащихся, которые оканчивали начальную и семилетнюю школу, была введена обязательная сдача выпускных экзаменов, а для выпускников средней школы – экзамены на аттестат зрелости. За особые успехи в учебе выпускники стали

награждаться золотой и серебряной медалями. Повышению качества подготовки и дисциплины учащихся должны были способствовать подготовленные в Наркомпросе «Правила для учащихся».

Как отмечает В.А. Агеева, «правила для учащихся стали стандартом формирования морально-политического облика советского школьника. В них определялись обязанности детей по отношению к школе, учителям, родителям, старшим, нормы поведения, как в школе, так и за ее стенами. Учительские коллективы вели систематическую работу во время уроков и внеклассных мероприятий по объяснению, закреплению в сознании детей и выполнению каждого пункта, входящего в этот своеобразный кодекс школьника» [1, с. 240]. Например, в краснодарской средней школе № 8 на родительских собраниях был прочитан ряд лекций: «Единый фронт борьбы по внедрению правил для учащихся», «Школа и семья», «Досуг учащихся и режим их дня», «Внешний облик ученика» [1, с. 240].

Еще одним нововведением школьной реформы стала утвержденная Приказом наркома просвещения РСФСР с 11 января 1944 г. цифровая пятибалльная система оценки успеваемости и поведения учащихся [20]. В то же время, было решено прекратить в школах практику организации социалистического соревнования между учителями и между учащимися, как антипедагогическую.

Несмотря на тяжелые последствия оккупации, школьная реформа в полном объеме осуществлялась на территории Дона и Северного Кавказа. Так, с 1 сентября 1943 г. раздельное обучение мальчиков и девочек было введено в ряде городов региона. Например, в Нальчике были созданы 3 женские, 3 мужские и 2 смешанные школы. В Ростове-на-Дону работало 16 мужских, 22 женских, 9 начальных и 2 школы совместного обучения [13, с. 226].

Реализация школьной реформы в регионе проходила непросто не только из-за последствий оккупации, но и по причине неготовности педагогических коллективов к быстрому изменению устоявшихся подходов к организации учебно-воспитательного процесса. Как отмечает В.Н. Иванов, «введение раздельного обучения вызвало дополнительные трудности: появление в классе новых для учителей учащихся, у которых надо было выяснить уровень знаний и устранить расхождения в объеме программы. При комплектовании групп по изучению одного иностранного языка пришлось допустить изучение двух и даже трех языков в одном классе» [8, с. 45–46].

В целях решения этой проблемы проходили обсуждения способов и средств адаптации как учителей, так и учащихся к новой модели школьного образования. Например, в Ростове-на-Дону на городской учительской конференции в 1944 г. рассматривались вопросы организации раздельного обучения мальчиков и девочек. Участники конференции пришли к выводу о необходимости специальной подготовки и тщательного подбора кадров для мужских и женских школ [11].

Несмотря на определенные трудности, реализация школьной реформы принесла положительные результаты. Можно согласиться с Т.В. Самосюк в том,

что «благодаря возрождению в военные годы традиций русской гимназии, удалось создать уникальную массовую советскую систему образования с последовательной общедоступностью любого уровня и направления» [18, с. 27].

Одной из главных задач, которая стояла перед органами образования и педагогическими коллективами на Дону и Северном Кавказе в послеоккупационный период, являлось обеспечение охвата обучением всех детей школьного возраста. Решение этой задачи осложнялось целым рядом причин, к числу которых относился высокий уровень миграции населения на территории региона. Вследствие возвращения из эвакуации многих семей и, напротив, их отъезда с территории Дона и Северного Кавказа, состав большинства классов постоянно менялся. В условиях войны обострилась также проблема беспризорности и безнадзорности детей и подростков. Дополнительные сложности в 1944/45 учебном году возникли ввиду принятого 1 декабря 1943 г. постановления СНК РСФСР о приеме детей в школу с семилетнего возраста. Наряду с этим продолжился прием и с восьмилетнего возраста, что усилило нагрузку на действующие школы, испытывающие ограниченность в учебных площадях.

С другой стороны, значительная часть детей не могла посещать школу ввиду нехватки одежды и обуви, что особенно ощущалось в зимний период. Так, в Краснодарском крае в 1943/44 учебном году из школ выбыло 38 619 учащихся, в том числе: ввиду реэвакуации – 27 246, отсутствия обуви и одежды – 7 660, другим причинам – 3 713 учащихся [2, л. 2]. После освобождения Кабардино-Балкарской АССР из 65 тыс. учащихся, которые обучались до оккупации, школу посещали лишь 20 тыс. учащихся [14, л. 85]. Подобная ситуация была и в других районах Северного Кавказа.

С целью преодоления этой негативной тенденции со стороны правительства и местных органов были приняты дополнительные меры по обеспечению полного охвата детей обучением. В качестве примера можно привести принятое в феврале 1944 г. постановление Ставропольского крайкома ВКП (б), в котором была поставлена задача повсеместного учета всех детей от 7 до 15 лет. В его проведении были задействованы квартальные уличные комитеты и учителя местных школ. Особая забота проявлялась в отношении детей фронтовиков и детей-сирот. Улучшению питания учащихся способствовала организация в школах горячих завтраков за счет продукции местных колхозов и подсобных хозяйств предприятий. В то же время местная промышленность и артели промысловой кооперации должны были увеличить производство детской одежды и обуви [17, л. 108–111].

Например, в Северной Осетии в первом полугодии 1944/45 учебного года было выделено учащимся 4 856 талонов на промтовары, в детские столовые г. Дзауджикау и селения Ардон были направлены 1 100 человек, нуждающихся в усиленном питании. Предприятия местной промышленности, промысловой и инвалидной кооперации должны были изготовить для школьников 15 тыс. пар обуви [19, с. 435].

С учетом большого притока на производство в годы войны подростков усилилось внимание к развитию общего образования рабочей молодежи.

В этих целях с 1943 г. в стране стали создаваться вечерние семилетние и средние школы для обучения молодых рабочих без отрыва от производства,

Принятые меры позволили достигнуть определенных результатов в вопросах вовлечения детей школьного возраста в процесс обучения, повысить уровень преподавания и качества знаний учащихся. Как справедливо отмечает О.Г. Жукова, «если довоенная советская школа своим акцентом на военно-патриотическое, спортивное и трудовое воспитание подготовила миллионы крепких духом и телом защитников Отечества, то школа, реформированная в годы войны, начала подготовку детей народа-Победителя, творцов-интеллектуалов, которые должны были совершить и совершили открытия во всех областях науки, техники, культуры» [7, с. 78].

Вместе с тем к концу войны не удалось в полной мере восстановить довоенный уровень материального и кадрового обеспечения школьного образования, обеспечить полный охват обучением детей школьного возраста, добиться необходимого уровня подготовки учащихся. Все эти задачи советская система школьного образования продолжила решать в послевоенный период.

Таким образом, восстановление и развитие школьного образования на Дону и Северном Кавказе в 1943–1945 гг. происходило под воздействием объективных факторов, связанных с обстановкой на фронте и в тылу, а также политикой правительства и практическими мерами, принимаемыми местными органами и коллективами школ. Положительные результаты данного процесса заключались в обеспечении условий для обучения и воспитания детей, и подростков, подготовке подрастающего поколения к самостоятельной трудовой и общественной деятельности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агеева, В. А. Общеобразовательные школы Дона и Кубани в 1943–1945 годах: тенденции и перспективы развития / В. А. Агеева. – Текст : непосредственный // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. – 2007. – № 2. – С. 239–242.
2. Государственный архив Краснодарского края. – Ф. Р-1561. – Оп. 1. – Д. 1. – Текст : непосредственный.
3. Государственный архив Ростовской области. – Ф. Р-3737. – Оп. 2. – Д. 477. – Текст : непосредственный.
4. Государственный архив Ростовской области. – Ф. Р-4130. – Оп. 1. – Д. 12. – Текст : непосредственный.
5. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 5446. – Оп. 1. – Д. 217. – Текст : непосредственный.
6. Дагестанская правда. – 1944. – 20 апреля. – Текст : непосредственный.
7. Жукова, О. Г. Великая Отечественная: школьная реформа с элементами элитарности? / О. Г. Жукова. – Текст : непосредственный // Историческое обозрение. – 2014. – № 15. – С. 71–78.
8. Иванов, В. Н. Развитие школьного образования в СССР в годы Великой Отечественной войны / В. Н. Иванов. – Текст : непосредственный // Голос минувшего. – 2017. – № 1–2. – С. 42–58.

9. Кубань в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945: Хроника событий : в 2 книгах. Книга 2. Часть 1. 1943 г. / А. М. Беляев [и др.]. – Краснодар, 2003. – 893 с. – Текст : непосредственный.
10. Лики войны : сборник документов по истории Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны / составители Р. М. Ашхотова [и др.]. – Нальчик : Эльбрус, 1996. – 498 с. – Текст : непосредственный.
11. Молот. – 1943. – 30 августа. – Текст : непосредственный.
12. Молот. – 1944. – 13 августа. – Текст : непосредственный.
13. Панарина, Е. В. Характер и особенности развития общего образования в годы Великой Отечественной войны (на материалах Дона и Северного Кавказа) / Е. В. Панарина. – Текст : непосредственный // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2009. – № 2 (65). – С. 222–228.
14. Российский государственный архив социально-политической истории. – Ф. 17. – Оп. 43. – Д. 476. – Текст : непосредственный.
15. Российский государственный архив социально-политической истории. – Ф. 17. – Оп. 43. – Д. 972. – Текст : непосредственный.
16. Российский государственный архив социально-политической истории. – Ф. 17. – Оп. 43. – Д. 1752. – Текст : непосредственный.
17. Российский государственный архив социально-политической истории. – Ф. 17. – Оп. 44. – Д. 1293. – Текст : непосредственный.
18. Самосюк, Т. В. Развитие системы школьного образования в СССР в годы Великой Отечественной войны / Т. В. Самосюк. – Текст : непосредственный // Проблемы фальсификации истории Второй мировой войны и Великой Отечественной войны (к 80-летию начала Великой Отечественной войны) : материалы Международной научной конференции (г. Армавир, 10 июня 2021 года) / научный редактор Ю. П. Ветров ; ответственный редактор А. А. Панарин. – Армавир : РИО АГПУ, 2021. – С. 22–28.
19. Северо-Осетинская партийная организация в годы Великой Отечественной войны : сборник документов и материалов. – Орджоникидзе : Сев.-Осет. кн. изд-во, 1968. – 628 с. – Текст : непосредственный.
20. Социалистическая Кабардино-Балкария. – 1944. – 11 января. – Текст : непосредственный.
21. Социалистическая Кабардино-Балкария. – 1944. – 13 марта. – Текст : непосредственный.
22. Социалистическая Осетия. – 1944. – 28 ноября. – Текст : непосредственный.
23. Ставрополье в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. : сборник документов и материалов. – Ставрополь : Кн. изд-во, 1962. – 515 с. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Ageeva V. A. Secondary schools of the Don and Kuban in 1943–1945: trends and prospects of development. *Vestnik Taganrogskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta = Bulletin of the Taganrog State Pedagogical Institute*, 2007, no. 2, pp. 239–242. (In Russian).
2. *Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja* [The State Archive of the Krasnodar Territory]. Fund P-1561, inventory 1, case 1. (In Russian).

3. *Gosudarstvennyj arhiv Rostovskoj oblasti* [The State Archive of the Rostov region]. Fund P-3737, inventory 2, case 477. (In Russian).
4. *Gosudarstvennyj arhiv Rostovskoj oblasti* [The State Archive of the Rostov region]. Fund P-4130, inventory 1, case 12. (In Russian).
5. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii* [State Archive of the Russian Federation]. Fund 5446, inventory 1, case 217. (In Russian).
6. *Dagestanskaya pravda* [Dagestan truth]. 1944. 20 aprelya. (In Russian).
7. Zhukova O. G. The Great Patriotic War: school reform with elements of elitism? *Istoricheskoe obozrenie = Historical review*, 2014, no. 15, pp. 71–78. (In Russian).
8. Ivanov V. N. The development of school education in the USSR during the Great Patriotic War. *Golos minuvshego = Voice of the Past*, 2017, no. 1–2, pp. 42–58. (In Russian).
9. *Kuban' v gody Velikoj Otechestvennoj vojny, 1941–1945: Hronika sobytij* [Kuban during the Great Patriotic War, 1941–1945: Chronicle of events]. Kn. 2. Ch. 1. 1943 g. Krasnodar, 2003. 893 p. (In Russian).
10. *Liki vojny. Sbornik dokumentov po istorii Kabardino-Balkarii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Faces of war. Collection of documents on the history of Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic War], compil. R. M. Ashkhotova. Nal'chik, El'brus, 1996. 498 p. (In Russian).
11. *Molot* [Hammer]. 1943. August 30. (In Russian).
12. *Molot* [Hammer]. 1944. August 13. (In Russian).
13. Panarina E. V. The nature and features of the development of general education during the Great Patriotic War (based on the materials of the Don and the North Caucasus). *Uchenye zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo social'nogo universiteta = Scientific notes of the Russian State Social University*, 2009, no. 2 (65), pp. 222–228. (In Russian).
14. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii* [Russian State Archive of Socio-Political History]. Fund 17, inventory 43, case 476. (In Russian).
15. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii* [Russian State Archive of Socio-Political History]. Fund 17, inventory 43, case 972. (In Russian).
16. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii* [Russian State Archive of Socio-Political History]. Fund 17, inventory 43, case 1752. (In Russian).
17. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii* [Russian State Archive of Socio-Political History]. Fund 17, inventory 44, case 1293. (In Russian).
18. Samosyuk T. V. Development of the school education system in the USSR during the Great Patriotic War. *Problemy fal'sifikacii istorii Vtoroj mirovoj vojny i Velikoj Otechestvennoj vojny (k 80-letiyu nachala Velikoj Otechestvennoj vojny) = Problems of falsification of the history of the Second World War and the Great Patriotic War (to the 80th anniversary of the beginning of the Great Patriotic War)*. Armavir, RIO AGPU, 2021, pp. 22–28. (In Russian).
19. *Severo-Osetinskaya partijnaya organizaciya v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* *Sbornik dokumentov i materialov* [The North Ossetian party organization during the Great Patriotic War. Collection of documents and materials]. Ordzhonikidze, Sev.-Oset. kn. izd-vo, 1968. 628 p. (In Russian).
20. *Socialisticheskaya Kabardino-Balkariya* [Socialist Kabardino-Balkaria]. 1944. January 11. (In Russian).

21. *Socialisticheskaya Kabardino-Balkariya* [Socialist Kabardino-Balkaria]. 1944. March 13. (In Russian).
22. *Socialisticheskaya Osetiya* [Socialist Ossetia]. 1944. November 28. (In Russian).
23. *Stavropol'e v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg. Sbornik dokumentov i materialov* [Stavropol in the Great Patriotic War. 1941–1945. Collection of documents and materials]. Stavropol', Kn. izd-vo, 1962. 515 p. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Панарин, А. А. Процесс и результаты восстановления и развития школьного образования на Дону и Северном Кавказе в 1943–1945 гг. / А. А. Панарин, Е. В. Панарина. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2023. – № 3. – С. 94–103.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Panarin A. A., Panarina E. V. The Process and Results of the Restoration and Development of School Education in the Don and the North Caucasus in 1943–1945 / A. A. Panarin, E. V. Panarina // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2023, no. 3, pp. 94–103. (In Russian).

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ
PHILOSOPHICAL SCIENCES

УДК 1: 796.01: 316.4

**ИГРАИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОСТИ
В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОМ АСПЕКТЕ**

О.А. Бакланова, А.Г. Нагапетова, Г.А. Акопян

**GAMEIZATION OF SOCIALITY
IN THE SOCIO-PHILOSOPHICAL ASPECT**

О.А. Baklanova, A.G. Nagapetova, G.A. Akopyan

Аннотация. Объектом исследования является ставший явным в информационном обществе процесс проникновения игры во все сферы общественной жизни. Предметом выступает конкретное проявление этого процесса в социокультурной динамике в виде играизации социальности. Фиксируется различие между игрой и играизацией (в другой терминологии – «игроизацией»). Играизация социальности определяется как модальность конструирования социальной реальности с использованием творческой активности субъективного фактора.

Abstract. The object of the study is the process of penetration of the game into all spheres of public life, which has become obvious in the information society. The subject is the concrete manifestation of this process in the socio-cultural dynamics in the form of the gameization of sociality. The difference between the game and gamification (in other terminology – "gamization") is fixed. The gamification of sociality is defined as a modality of constructing social reality using the creative activity of the subjective factor.

Ключевые слова: игра, играизация, социальность, общество, риск, модернизация.

Keywords: game, gameization, sociality, society, risk, modernization.

Актуальность темы игры и её социально-философского расширения в виде исследования играизации заключается в том, что необходимо решать задачи, связанные с усложнением развития общества и культуры, а также с самоконструированием своей многомерной идентичности современным человеком. Актуальность усиливается в связи с тем, что процесс играизации коснулся и российского общества [7, с. 143–155].

Наша задача – выделить социально-философский аспект комплексной темы играизации, наметить возможность дальнейших исследований в данном направлении.

Прежде всего, уточним понятие играизации, отталкиваясь от смежного понятия «игра». Различие понятий «игра» и «играизация» по критериям «игроки, правила, результат» в целом очевидно связано с расширением всех этих трёх компонентов в термине «играизация». Рассмотрим это подробнее.

1. Если игра устанавливает ограниченное количество игроков, часто строго определённое и фиксированное, то играизация охватывает большое и неопределённое количество игроков. Говоря языком логики, при играизации понятие «игрок» становится нерегистрируемым. Кроме того, играизация фиксирует тот факт, что игра и её вариации всё более широко захватывает «мир взрослых». Для детей игра естественна, но для взрослых в классическом её понимании (у Й. Хейзинга [9]) она считалась признаком инфантильности. Э. Берн, например, считает, что все супружеские игры, которые он анализирует, являются «плохими» [2].

2. Нарушение правил, их неопределённость, Алиса в стране чудес детски удивлялась, что правила игры могут нарушаться. Сейчас в обыденном мире и в мире социальных процессов стало очень частым, почти нормой в ходе играизации. Л.Т. Ретюнских фиксирует эту сторону играизации как нарушение нравственных правил [8, с. 13]. Такое расширение она оценивает негативно и обозначает термином «игроизация» (т. е. ставит в этом слове букву «о», а не букву «а»). Заслугой Л.Т. Ретюнских является введение этого понятия («игроизация») в философском плане, которое затем было переосмыслено С.А. Кравченко в социологическом аспекте [5; 6].

3. Прагматизм играизации против незаинтересованности игры, её в целом как бы «эстетический характер». Понятие игра приобретает деловой характер, например, практикуются деловые игры, образовательные игры, игровые модели экономической деятельности и т. д. Кравченко ведёт речь даже об играизации всего общества [7, с. 143–155].

Выделим интересующие нас моменты в этих трёх пунктах.

Во-первых, можно подчеркнуть дефиницию концепта «играизация». Очевидно, что играизация – это проникновение игрового элемента во все сферы жизни общества без исключения, которая качественно меняет подходы в социальном познании, которое ранее опиралось на парадигму «объективных законов» развития общества. Опираясь на исследования С.А. Кравченко, мы можем трактовать играизацию как возможную парадигму социальной рациональности, которая позволяет в экономике, политике, праве, в культуре как целом и личной повседневной жизни выдерживать давление социального хаоса, преобразовывать его в социальный порядок постмодернистского типа [5, с. 54–63].

Во-вторых, социализация индивида в современном обществе охватывает всё больший временной промежуток его жизни, возможно, всю его жизнь. Сопряжённость социализации с инкультурацией открывает простор для игровых форм освоения новых социальных ролей (функций), поскольку игра связана, прежде всего, с динамичной культурой как поливариантными формами деятельности, а не с достаточно ригидным «серьёзным» обществом с его сложившимися стабильными отношениями.

В-третьих, понятия «играизация общества» или «играизация социальной реальности» требуют теоретико-методологического обоснования, они могут подвергнуться критике. Действительно, известная метафора Шекспира о том,

что «весь мир – театр, и люди в нем – актёры» страдает неопределённостью, остается метафорой, которая больше применима к культуре, а не к научным (социологическим) или философским (социально-философским) понятиям. Даже понятие «социальная роль», которое как будто бы близко к понятию «играизация общества», на самом деле в социологии означает социальную функцию индивида, которую он не «играет» свободно и добровольно, а скорее, принудительно исполняет их, «функционируя» вполне серьёзно, ответственно и детерминированно.

Из этих двух моментов мы можем вывести четвертый важный момент – теоретико-методологическую релевантность концепта «играизация социальности». Социальность в данном контексте мы понимаем, следуя за П.К. Гречко, как единство общественного и человеческого, следовательно, такое единство, которое включает в себя культурное измерение. Очевидно, что игра в её классической парадигмальной установке связана с человеком и культурой. Однако при органическом взаимодействии в социальности человеческого, культурного и собственно социального (общественного) начала социальность начинает «играизоваться». Такая играизация служит основанием для более полного понимания процессов социального конструирования. Например, исследователи справедливо уделяют большое внимание фактору сознания в процессе конструирования социальной реальности. Однако очевидно, что сознание само по себе может конструировать социальную реальность только идеально, а реальные изменения в социальную реальность вносит человек и его культура.

Отсюда следует и последний, пятый, вывод. Основные типы социальности – коллективизм и индивидуализм – обуславливают различные модусы играизации. Коллективизм предполагает ширококомасштабные социальные и исторические эксперименты, модернизацию ценой утверждения примата общественных интересов за счёт личных интересов, требует самопожертвования индивидов. Индивидуализм предполагает гуманизацию общества и гуманизацию общественных отношений, освобождение культуры от выполнения прямого социального заказа. Соответственно и играизация в этом случае получает более широкий простор для своего развития. Особенно заметно развивается этот процесс играизации в ходе информатизации общества и расширения социальных сетей.

Следует обсудить полученные выводы. Серьёзной проблемой современности является угроза социальности со стороны массового общества, которое порождает плюралистическую социальность. Ж. Бодрийяр вообще предрекает конец социальности в том смысле, что утрачивается определённость социальных отношений, нарастают стихийные хаотические процессы [3]. Играизация в таких условиях взаимодействует с такими общественными явлениями, как симуляция и имитация. В то же время следует отметить, что в данном случае исчезает не сама социальность, а тот предел, до которого мы её познали. Игроизированная социальность ещё требует своего теоретического осмысления, взвешивания всех рисков, связанных со вступлением в континуум такой

социальности. Такое исследование мы считаем перспективным и требующим разработки своей методологии исследования, которая в целом опирается на социокультурную методологию. При этом на наш взгляд, необходимо идти еще дальше в сторону методологии социально-антропологического исследования. Такая комплексная методология своим междисциплинарным характером обеспечивает выход на новые горизонты исследования социальности.

Интересным был бы возможный (проигрываемый нами в виде теоретической модели) вариант преодоления кризисных явлений в обществе путем возвращения к модели как бы «чистого коллективизма» и традиционного общества. Модернизация и антимодернизация – это две основные тенденции современности. Модернизация с её установкой на потребительское общество и личную успешность вполне допускает отмену с помощью государственных мер и внедрения монолитной идеологии, но временные преимущества от этого порождают риски научного и технологического отставания [1], более того – риски социальных катастроф. Прообраз антимодернизации в свое время предложил Платон в диалоге «Государство». Консервативный путь отказа от инновационного развития, модернизации и обращение в прошлое за счет будущего продемонстрировало средневековое общество. Вариант идеального государства в виде развитого социализма был практически реализован в советском обществе в 70-е годы XX века. Такой вариант связан с элиминацией играизации и доминированием серьезного в общественной жизни: серьезность в труде, серьезность в семье, серьезность в языке и культурных текстах, серьезность в экономике, политике и праве, а также жесткий контроль нравственных норм поведения людей и превращение культуры в культ.

Другой вариант – это гуманистическая модернизация социальности, предлагаемая С.А. Кравченко [4, с. 21–41], которую он развивает до нелинейно-гуманистической системы управления синергического типа [10]. В этом варианте привлекательным является некоторое уменьшение рисков за счет своего рода социальной инженерии и учета субъективных факторов, роли сознания и играизации. Модернизация в форме «рефлексивной» модернизации предполагает свободу выбора. У. Бек и Э. Гидденс как представители такой формы модернизации утверждают, что социальные трансформации в таком рефлексивном ключе дают возможность людям принимать или не принимать социокультурные институты и практики, выбирать референтные группы, а соответственно – изменять свои идентичности [11]. Как вывод, утверждение С.А. Кравченко о том, что риски модернизации, конечно, поставят перед россиянами немало новых, в том числе и экзистенциальных проблем, но данные проблемы несравнимы с катастрофическими рисками радикальной демодернизации» [4, с. 40–41].

Таким образом, в социально-философском аспекте можно выделить новое направление исследования – играизацию социальности. Играизация социальности – это модальность конструирования конкретной социальной реальности и соответствующих социальных реалий с использованием творческой

активности субъективного фактора. Консервативная позиция в отношении играизации социальности состоит в том, что она может быть представлена как нечто несерьёзное и субъективное, весьма рискованное предприятие. Однако сопряженность процессов играизации и гуманистической модернизации даёт основания для положительной оценки такого социокультурного феномена, как играизация социальности. Играизация социальности не противоречит социальной традиции, а представляет ее имманентный импульс, своего рода её мягкую инновационную направленность. Перспектива развития данной темы состоит в том, что в социально-философском аспекте тема только начинает исследоваться и требует своей дальнейшей разработки. В частности, появляется возможность в методологическом отношении опереться на вариант социокультурной методологии, который тесно связан с методологией социально-антропологического исследования социальности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бакланова, О. А. Перспективы и проблемы технологического развития в России: социально-философский аспект / О. А. Бакланова, И. С. Бакланов, А. Д. Похилько. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2022. – № 1. – С. 179–184.
2. Берн, Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры / Э. Берн. – М. : Эксмо, Бомбора, 2022. – 590 с. – Текст : непосредственный.
3. Бодрийяр, Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального / Ж. Бодрийяр. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2000. – 95 с. – Текст : непосредственный.
4. Кравченко, С. А. Гуманистически ориентированная модернизация: востребованность преобразований, адекватных чаяниям россиян / С. А. Кравченко. – Текст : непосредственный // Россия реформирующаяся : ежегодник. Выпуск 12. – М. : Новый хронограф, 2014. – С. 21–41.
5. Кравченко, С. А. Играизация общества: контуры новой постмодернистской парадигмы / С. А. Кравченко. – Текст : непосредственный // Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы : доклады II Всероссийского социологического конгресса (г. Москва, 30 сентября – 2 октября 2003 г.) : в 2 томах. Том 1 / ответственный редактор И. П. Рязанцев. – М. : Альфа-М, 2004. – С. 54–63.
6. Кравченко, С. А. Играизация общества: поиски социологического инструментария анализа рисков / С. А. Кравченко. – Текст : непосредственный // Проблемы теоретической социологии : межвузовский сборник. Выпуск 5. – СПб. : Астерион, 2005. – С. 33–46.
7. Кравченко, С. А. Играизация российского общества (к обоснованию новой социологической парадигмы) / С. А. Кравченко. – Текст : непосредственный // Общественные науки и современность. – 2002. – № 6. – С. 143–155.
8. Ретюнских, Л. Т. Философия игры / Л. Т. Ретюнских. – М. : Вузовская книга, 2002. – 254 с. – Текст : непосредственный.
9. Хейзинга, Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня / Й. Хейзинга. – М. : АСТ, 2004. – 539 с. – Текст : непосредственный.

10. Kravchenko S. A. Sovereign future of Russia: A demand for innovative governance of complex objective and subjective determinants // *RUDN Journal of Sociology*. – 2023. – Vol. 23. – No. 2. – Pp. 231–243. – DOI 10.22363/2313-2272-2023-23-2-231-243.

11. Beck U., Giddens A., Lash S. *Reflexive Modernization: Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order*. – Cambridge : Polity, 1994. – 228 p.

REFERENCES

1. Baklanova O. A., Baklanov I. S., Pokhil'ko A. D. Prospects and problems of technological development in Russia: socio-philosophical aspect. *Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of the Armavir State Pedagogical University*, 2022, no. 1, pp. 179–184. (In Russian).

2. Bern E. *Igry, v kotoryye igrayut lyudi. Lyudi, kotoryye igrayut v igry* [Games people play. People who play games]. M., Eksmo, Bombora, 2022. 590 p. (In Russian).

3. Bodriyyar Zh. *V teni molchalivogo bol'shinstva, ili Konets sotsial'nogo* [In the Shadow of the Silent Majority, or The End of the Social]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo Universiteta, 2000. 95 p. (In Russian).

4. Kravchenko S. A. Humanistically oriented modernization: the demand for transformations adequate to the aspirations of Russians. *Rossiia reformiruyushchayasya = Russia in reform*, iss. 12. M., Novyy khronograf, 2014, pp. 21–41. (In Russian).

5. Kravchenko S. A. Gameization of society: the contours of a new postmodern paradigm. *Rossiyskoye obshchestvo i sotsiologiya v XXI veke: sotsial'nyye vyzovy i al'ternativy = Russian society and sociology in the XXI century: social challenges and alternatives*, vol. 1. M., Alfa-M, 2004, pp. 54–63. (In Russian).

6. Kravchenko S. A. The gameization of society: the search for sociological tools for risk analysis. *Problemy teoreticheskoy sotsiologii = Problems of theoretical sociology*, iss. 5. SPb., Asterion, 2005, pp. 33–46. (In Russian).

7. Kravchenko S. A. Gameization of the Russian society (to substantiate a new sociological paradigm). *Obshchestvennyye nauki i sovremennost' = Social sciences and modernity*, 2002, no. 6, pp. 143–155. (In Russian).

8. Retyunskikh L. T. *Filosofiya igry* [Philosophy of the game]. M., Vuzovskaya kniga, 2002. 254 p. (In Russian).

9. Kheyzinga Y. *Homo Ludens. V teni zavtrashnego dnya* [Homo Ludens. In the Shadow of Tomorrow]. M., AST, 2004. 539 p. (In Russian).

10. Kravchenko S. A. Sovereign future of Russia: A demand for innovative governance of complex objective and subjective determinants. *RUDN Journal of Sociology*, 2023, vol. 23, no. 2, pp. 231–243. DOI 10.22363/2313-2272-2023-23-2-231-243.

11. Beck U., Giddens A., Lash S. *Reflexive Modernization: Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order*. Cambridge, Polity, 1994. 228 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Бакланова, О. А. Играизация социальности в социально-философском аспекте / О. А. Бакланова, А. Г. Нагапетова, Г. А. Акопян. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2023. – № 3. – С. 104–109.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Baklanova O. A., Nagapetova A. G., Akopyan G. A. Gameization of Sociality in the Socio-Philosophical Aspect / O. A. Baklanova, A. G. Nagapetova, G. A. Akopyan // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2023, no. 3, pp. 104–109. (In Russian).

УДК 141.5

**ДЕТЕРМИНИЗМ И СВОБОДА ВОЛИ
В БИОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ ЧЕЛОВЕКА
КАК ПРЕДПОСЫЛКА СОЗДАНИЯ СВОБОДНОГО СОЗНАНИЯ
У ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА**

А.И. Лазовский

**DETERMINISM AND FREE WILL
IN HUMAN BIOLOGY AND PHILOSOPHY
AS A PREREQUISITE FOR CREATING A FREE CONSCIOUSNESS
IN ARTIFICIAL INTELLIGENCE**

A.I. Lazovsky

Аннотация. В данной статье рассматриваются философские и биологические взгляды на проблему существования свободы воли у человека, применительно к современной проблеме создания модели обучения сильного искусственного интеллекта свободе выбора и решения задач на уровне человека. Автор исследует классические предпосылки становления морального сознания человека и биологические теории эволюции, чтобы создать систему взаимосвязанных фактов, способных прояснить сам феномен «свободы воли» и возможность его привести к некоторой формуле с последующим созданием искусственной модели в виде цифрового сознания и цифровой этики. В статье анализируются эксперименты по выявлению наличия (отсутствия) свободы воли и делаются выводы об их доказательности. Ставится вопрос об обоснованности рассмотрения самого человека как мыслящей биологической машины и этичность отношения к нему как артефакту.

Abstract. This article discusses the philosophical and biological views on the problem of the existence of free will in humans, in relation to the modern problem of creating a model for teaching strong artificial intelligence the freedom of choice and problem solving at the human level. The author explores the classical prerequisites for the formation of human moral consciousness and biological theories of evolution in order to create a system of interrelated facts that can clarify the very phenomenon of "free will" and the possibility of bringing it to some formula, followed by the creation of an artificial model in the form of digital consciousness and digital ethics. The article analyzes experiments to identify the presence (absence) of free will and draws conclusions about their evidence. The question is raised about the validity of considering the person himself as a thinking biological machine and the ethical attitude towards him as an artifact.

Ключевые слова: детерминизм, компатибилизм, свобода воли, искусственный интеллект (ИИ), биоэтика, телесность, духовность, моральное сознание.

Keywords: determinism, compatibilism, free will, artificial intelligence (AI), bioethics, physicality, spirituality, moral consciousness.

Опыт истории XX века наглядно показывает, что человек способен собственным усилием воли кардинально менять весь свой способ бытия, подчиняя его метафизическим задачам. В социальном взаимодействии для качественного существования необходимо постоянно принимать решения

на грани биологического и духовного. Однако принятие решений упирается в ряд факторов, которые могут изменить конечный результат. Действия человека предопределены или мы свободны в своем выборе, природа или культура, судьба или случайность определяют личное и общественное бытие? Проблема свободы воли имеет длительную историю в философии, религии и естественных науках, однако, она не теряет своей актуальности и до сих пор и нет однозначного ответа. С резким скачком в техническом и информационном развитии мы снова обращаемся к данному вопросу, с точки зрения творца, создающего по образу и подобию искусственную волю у искусственного интеллекта (далее ИИ) [1, с. 39–54].

Свобода воли – это один из «вечных» философских вопросов, разделяющихся на представления об автономии и гетерономии человека. Ввиду сложности и противоречивости данного вопроса, в современной философской мысли сложился ряд школ и направлений, имеющих радикально противоположные точки зрения относительно вопроса о свободе воли. Выделяют три: индетерминизм – свобода воли существует, мы обладаем возможностью контролировать свою жизнь и противостоять причинно-следственным связям. Детерминизм – все подчинено причинности и необходимости и некая средняя позиция – компатибилизм.

Прежде чем говорить о наделении ИИ некой формой самостоятельности в выборе действий, изучим подходы в понимании свободы воли и ее наличия у самого человека. Резюмируя все имеющиеся на сегодняшний день учения о сознании и воле, можно сказать, что они делятся на 2 противоположные: свобода воли есть, свободы воли нет. Мы рассмотрим оба варианта для реализации возможности создания модели обучения для ИИ.

Детерминизм – это направление, сближающее биологию и философию поскольку означает идею, согласно которой все процессы и явления в природе являются предопределенными и обусловленными законами природы (или высшими силами), и не оставляют места для свободы выбора. В биологии детерминизм означает, что наш генетический код и окружающая среда определяют наши физические и психологические характеристики, поведение и даже наш путь (течение жизни). Философы-детерминисты близки к биологическим концепциям эволюции и считают, что прошлое и настоящее, законы природы и окружающая среда определяют каждое действие и выбор человека, свобода воли – иллюзия, просто результат более высокого уровня развития, теоретически доступного любому сложному биологическому виду [2, с. 105–131]. После эксперимента Либета появились новые факты о работе мозга человека при принятии решений и действиях. Но он не подтверждает и не опровергает наличие свободы воли, как это часто представляют. С точки зрения детерминизма создание имитации свободы воли для ИИ как некоторой программы, взятой из естественной природы, возможно. Это может занять длительное время и учитывать множество факторов, если смотреть с позиции фатализма, то создание искусственного сознания – это судьба человека [3, с. 23–42].

Компатибилизм – средняя позиция, совмещающая свободу воли и детерминизм. В данном исследовании нас интересует именно это направление для возможности создания искусственной свободы воли у ИИ, обратим особое внимание на следующие моменты:

- люди свободны в своем выборе, пока не столкнутся со своими внутренними ограничениями, комплексами и представлениями [4, с. 243–274];
- сознание и подсознание в процессе контроля действий всегда направлены на улучшение условий для своего носителя [5, с. 214];
- для гармоничного развития социума совершенно необходимо если не наличие, то хотя бы идея существования свободы воли и возможности выбора [6, с. 45].

Детерминизм отрицает свободу воли вне материальных стремлений к получению выгоды, определяемой первой и второй природой как цепь закономерностей. Согласно ему, конечный результат основывается на цепочке выводов из общественных и онтологических закономерностей и никак не связан с волей. Свобода воли – это иллюзия, возникающая по причине скрытности причинных связей и неправильной интерпретации судьбоносных знаков.

Сторонники «компатибилизма» – современной версии детерминизма, утверждают, что сознательный опыт человека является продуктом биологических и социокультурных программ, которые исключают свободу действий человека как «поступающей» и активной личности. Содержание сознания в данном подходе понимается как набор предустановленных стереотипов поведения и мышления, охватывающих всю реальность человека. Человек, как агент сознания, способен осуществлять свободу собственной воли лишь в жестко заданных вариантах поведения, предопределяемых его физиологией или габитусом (назовем это протоколами мышления и оценки). Объяснение сознания предполагает редуccionистский ответ, демонстрирующий тот факт, что «ментальные характеристики могут быть сведены к физическим» [4, с. 256]. В качестве основного аргумента, в современном детерминизме фигурирует отсутствие у субъекта представлений об объективных причинах его поступков. В настоящее время «компатибилизм» наиболее популярен, его сторонниками являются такие известные представители аналитической философии, как Дж. Серл, А. Макинтайр, Г. Стросон, М. Слоут, их работы продолжают учения Т. Гоббса, Д. Юма и др. При всей сложности вопроса свободы воли эти мыслители сводят его изучение к психологии и нейрофизиологии [7]. В этой концепции человек – это сложный механизм, мыслящая машина с предустановленными программами.

Часть философов настаивают на несовместимости свободы воли и необходимости, они близки к европейской философии в ее представлении о душе (это так называемый «инкомпатибилизм» или индетерминизм, представители: К. Гинет, Х. Маккан, Р. Кларк). Другая часть европейских мыслителей XX века представляют волю как полный отказ от предопределенности. Мы не можем отрицать наличие телесности, как и законов природы, однако, мы осознаем эти процессы и можем от них отказаться, переступить через физиологию и наслаждаться контролем над ситуацией. Так считают представители

экзистенциализма, такие как М. Хайдеггер, М. Фуко и другие. По некоторым утверждениям в данном направлении, именно этот контроль в преступлении причинности приводит человека к катарсису и меняет его. Возможно, путь человека – это и есть уход от биологии в философию [7].

Научные взгляды на судьбу человека в XXI веке приобретают форму биотехнологического конструктивизма – это технократическое выражение гуманистической идеологии, согласно которой человек не просто способен, но и просто обязан сам определить цель своего существования. Телеология утверждает, что цели существуют объективно и в том смысле не зависят от природы. Но она является одной из основных свойств биосферы – быть причиной всех процессов на земле [8, с. 447–456].

Целеполагание и следование целям невозможно без наличия интеллекта. Биология говорит нам, что появление интеллекта у человека – результат эволюции и цепи причинно-следственных связей. М. Тегмарк утверждал, что усложнение целей привело к появлению разума, и это связано с познавательной деятельностью (И. Кант) [2, с. 126]. Но познавательная деятельность невозможна без воли, направляющей и контролирующей.

Что важнее: разум или воля? Дунс Скот и Уильям Оккам считали, что воля, а Фома Аквинский – разум. Пример с ИИ позволяет нам утверждать, что воля все же на первом месте, поскольку именно она определяет правильный выбор. В начале 2000-х бытовало представление, что машина обыгрывает человека в шахматы и обретет сознание, сегодня мы имеем программу (даже не ИИ), способную играть лучше гроссмейстера, но сознание у нее не появилось. Машина выполняет предустановленные команды, но не может оценивать свои действия, менять их и решать, чему и как учиться [9, с. 12]. Роль волевого усилия ИИ берет на себя человек, программист, возможно, даже не знакомый с философскими концепциями сознания и свободы воли. Современные междисциплинарные исследования направлены на устранение этого пробела и совместную работу многих мыслителей и ученых, которую следует начать с самого человека и философии. В данной статье рассматриваются теории классической философии, нейрофизиологии, биоэтики и информатики с новой позиции создания целостной искусственной личности с возможностью обретения сознания и свободы воли.

Любой спор о материальном и духовном начале человека упирается в наличие физической оболочки – тела. Решение сложных задач дает набор эмоциональных состояний, недоступных машине. Эти эмоции подвергаются оценке, которую осуществляет моральное сознание, оно не просто обрабатывает мир, но и одновременно конструирует его (а не просто подправляет) [10]. В процессе развития сознания происходит первичная оценка окружающей человека реальности, создание новой социальной ситуации – ее практической проверки на истинность. Еще в период средневековья произошло так называемое «духовное преодоление телесности», т. е. четкое разделение материальной и духовной составляющей с доминированием последней. При этом

подходе тело выступает оковами или тюрьмой души, неким сдерживающим фактором. Современный подход опирается на противоположное представление о человеке: как о телесном существе в первую очередь, а потом уже носителе духовного. С такой позиции, ИИ – это дух без тела, а это уже из области мистики. Возможно, создание «тела» для ИИ поможет решить проблему возникновения «сознания».

Синергия тела-души в современном мире тяготеет как к абсолютизации телесности, так и дистанцированию от биологической естественности. Что же касается сознания, то оно превращается в сложную программу знаний, умений, навыков, компетенций и личного опыта. Во взаимодействии с природой личность – это материально-энергетическая система, способная адаптироваться для эффективного выживания посредством изменения состояния своего организма, а также изменения своей деятельности и контактов с другими людьми, окружающей средой, в том числе экономическим и политическим взаимодействием.

Человеческая личность – открытая система взаимодействия внутренних установок и внешнего взаимодействия с себе подобными, но отличающимися личностями, до определенной степени, автономными. Социум как система отношений, обладает свойством интеграции, тем самым, способствуя или препятствуя адаптации его членов. В силу присущей ей способности к адаптации к изменяющимся условиям, личность как биологическая система стремится к более сбалансированному существованию, чем это может быть возможным в окружающей среде. По большому счету, она и есть экосистема, поскольку является продуктом взаимодействия окружающей среды и каждого человека в отдельности.

Социальное – комплекс действий, осуществляемых в обществе в интересах социума и направленных на обеспечение его выживания. Возможно, это недостающие факторы в проблеме возникновения сознания у ИИ. Ф. Ницше предложил модель, в которой человеческая идентичность отлита в форму машины: сверхчеловеческая сущность была рожденной как результат деятельности воображения (человек – машина), творца человеческой сущности; он стал примером не только действия воли человека на реализацию его чаяний, но также усилия коллективного разума, стремящегося замкнуть ее мироотношение до постчеловеческих уровней сущности [12].

Следует, однако, отметить, что процесс обретения нового смысла в новом технологическом укладе возможен только благодаря активному участию в нем общества. Другими словами, возникновение личности, сознания и свободы возможно только при условии множества похожих, но не подобных сущностей, наличие конкуренции между ними, толкающей на объединение и борьбу, т. е. для свободы необходимо сначала понимание зависимости и появление желания эту зависимость преодолеть.

Изначально создание технических приспособлений было направлено на освобождение человека от оков рабского труда, зависимости от природных факторов и естественных ограничений тела. Мы создали базу знания и обработки информации, намного превосходящую возможности одного человека.

Это должно было стать прорывом в когнитивной эволюции. Однако при всей успешности технологического развития есть две крайности, на которых следует остановиться. Во-первых, одной из массовых является проблема снижения интеллектуальных, психических и физических усилий человека (явление «цифрового слабоумия», инфантилизм и кидалтизм, гиподинамия, ожирение и т. д.) [13]. В этой ситуации есть вероятность того, что в век развития технического интеллекта сам индивид может терять свой наработанный цивилизационный потенциал и стать объектом для манипуляций, что приведет к колоссальным социальным трансформациям. И, во-вторых, прорывные биотехнологии, развитие которых помимо решения традиционных задач в медицине, промышленности, сельском хозяйстве, всё чаще выступают в качестве фактора преобразования самого человека, изменят его настолько радикально, что в строгом смысле слова, человеком он уже не будет. Встает вопрос: что может произойти с самим человеком, когда бесконтрольно повсеместно начнет применяться геновая инженерия?

Возвращаемся к вопросу свободы воли у человека. С одной стороны, мы видим многие процессы и понимаем их законы, но мы же и способны выбирать, следовать им или пытаться что-то поменять. Понимая свободу воли как свободу проявлений, открывается возможность подхода, не сводящего субъективность человека к биологической и физической причинности. Современная нейробиология пока не может объяснить принятие сложных решений. На этапе простых шагов прогнозирование и внешнее управление возможно, но в случае длинных цепочек это не работает [14]. Возможно, есть некоторые предустановки в подсознании, которые раскодируются только при определенных обстоятельствах, но этот механизм еще не изучен. Так же остается открытым вопрос о «благе», к которому стремится каждый человек, возможно ли создать некую «идею», «мечту» для ИИ, способную скрыто направлять его развитие. У Фомы Аквинского было представление, что это предопределенность, божественная программа, человек – это инструмент, не способный выбирать, только подчиняться. Мы можем выступить для ИИ божественным замыслом, вызывает опасение тот факт, что сам творец не является носителем свободной воли и морального сознания высокого уровня.

Смутные опасения перед свободным ИИ имеют под собой некоторые основания: мы сравниваем его с собственными внутренними нравственными ориентирами и делаем вывод о невозможности полного доверия к созданию, не ограниченному человеческими проблемами, но содержащему человеческие пороки. С добродетелями же все сложно. Быть человеком – это постоянно бороться со своим внутренним животным, это усилие и преодоление самого себя, выбор между тем, что может быть и тем, что должно быть. Возможно ли дать искусственному сознанию такой выбор и создать модель обучения, равную человеку? На данный момент это невозможно по причине вычислительной сложности операций, наличия технических и человеческих факторов. Мы будем возвращаться к этому вопросу каждый раз при изменениях в каждой

из этих направлений. И в этом нам поможет свобода воли и выбора целей. Наша точка зрения такова, что человек обладает автономией и сам несет ответственность за свои поступки, это же дает ему шанс измениться самому и изменить мир вокруг себя.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Юрасов, А. А. Понятие свободы воли / А. А. Юрасов. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36367 (дата обращения: 25.06.2023). – Текст : электронный.
2. Кейн, Р. Поступать «по своей собственной свободной воле»: современные размышления о древней философской проблеме / Р. Кейн. – Текст : непосредственный // Логос. – 2016. – № 26 (5). – С. 105–131.
3. Libet W., Gleason C. A., Wright E. W., Pearl D. K. Time of conscious intention to act in relation to onset of cerebral activity (readiness-potential). The unconscious initiation of a freely voluntary act. – URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/6640273>.
4. Васильев, В. В. В защиту классического компатибилизма: Эссе о свободе воли / В. В. Васильев. – М. : URSS, 2017. – 200 с. – Текст : непосредственный.
5. Логинов, Е. Прагматизм, личность и свобода воли / Е. Логинов. – Текст : непосредственный // Логос. – 2016. – № 5. – С. 243–274.
6. Мюрберг, И. Свобода воли в политической философии: проблема метода / И. Мюрберг. – Текст : непосредственный // Логос. – 2013. – № 2 (92). – С. 214.
7. Иванов, Д. Природа феноменального сознания / Д. Иванов. – М. : Либроком, 2013. – С. 45. – Текст : непосредственный.
8. Trevena J., Miller J. Brain preparation before a voluntary action: Evidence against unconscious movement initiation. Consciousness and Cognition. – URL: <https://psychosearch.ru/napravleniya/social/746-free-will-libets-experiment>.
9. Блаженный Иоанн Дунс Скот. Избранное / И. Д. Скот. – М. : Издательство францисканцев, 2001. – 584 с. – Текст : непосредственный.
10. Хайнес, Д. Д. Исследование Джона Дилана Хайнеса о формировании доминанты и принятии решения / Д. Д. Хайнес. – URL: <https://psychosearch.ru/napravleniya/social/819-john-dylans-research-on-decision-making> (дата обращения: 25.06.2023). – Текст : электронный.
11. Перов, В. Ю. Свобода в экспериментальной нейроэтике / В. Ю. Перов, Ю. В. Новикова. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svoboda-v-eksperimentalnoy-neuroetike/viewer> (дата обращения: 25.06.2023). – Текст : электронный.
12. Газзанига, М. Кто за главного? Свобода воли с точки зрения нейробиологии / М. Газзанига. – М. : Corpus, 2017. – 320 с. – Текст : непосредственный.
13. Gubanova M. A., Pohilko A. D., Ponarina N. N., Nagapetova A. G., Vaklanova O. A. Posthuman in global information society // Revista Inclusiones. – 2020. – Vol. 7. – No 4. – Pp. 362–368.
14. Губанова, М. А. Биоэтика и когнитивная эволюция человека / М. А. Губанова, В. П. Ермаков. – Текст : непосредственный // Научная мысль: перспективы развития : материалы IV Международной научно-практической конференции (г. Армавир, 1 октября 2020 года). – Армавир : РИО АГПУ, 2020. – С. 81–84.

REFERENCES

1. Urasov A. A. *Ponyatie svobody voli* [Concept of free will]. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36367. (In Russian).
2. Kejn R. To act "of one's own free will": modern reflections on an ancient philosophical problem. *Logos = Logo*, 2016, no. 26 (5), pp. 105–131. (In Russian).
3. Libet B., Gleason C. A., Wright E. W., Pearl D. K. *Time of conscious intention to act in relation to onset of cerebral activity (readiness-potential). The unconscious initiation of a freely voluntary act*. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/6640273>.
4. Vasil'ev V. V. *V zashchitu klassicheskogo kompatibilizma: Esse o svobode voli* [In defense of classical compatibilism: essay on free will]. M., URSS publ., 2017. 200 p. (In Russian).
5. Loginov E. Pragmatism, personality and free will. *Logos = Logo*, 2016, no. 5, pp. 243–274. (In Russian).
6. Myurberg I. Free will in political philosophy: the problem of method. *Logos = Logo*, 2013, no. 2 (92), pp. 214. (In Russian).
7. Ivanov D. *Priroda fenomenal'nogo soznaniya* [Nature of phenomenal consciousness]. M., Librokom publ., 2013, p. 45. (In Russian).
8. Trevena J., Miller J. *Brain preparation before a voluntary action: Evidence against unconscious movement initiation*. URL: <https://psychosearch.ru/napravleniya/social/746-free-will-libets-experiment>.
9. Blazhennyj Ioann Duns Skot. *Izbrannoe* [Favorites]. M., Franciskancev publ., 2001. 584 p. (In Russian).
10. Hajnes D. D. *Issledovanie Dzhona Dilana Hajnesa o formirovanie dominanty i prinyatii resheniya* [John Dylan Hines' research on dominant formation and decision making]. URL: <https://psychosearch.ru/napravleniya/social/819-john-dylans-research-on-decision-making>. (In Russian).
11. Perov V. U., Novikova U. V. *Svoboda v eksperimental'noj nejroetike* [Freedom in extreme neuroethics]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svoboda-v-eksperimentalnoy-nejroetike/viewer>. (In Russian).
12. Gazzaniga M. *Kto za glavnogo? Svoboda voli s tochki zreniya nejrobiologii* [Who's in charge? Freedom from the point of view of neuroethics]. M., Corpus publ., 2017. 320 p. (In Russian).
13. Gubanova M. A., Pohilko A. D., Ponarina N. N., Nagapetova A. G., Baklanova O. A. Posthuman in global information society. *Revista Inclusiones*, 2020, no. 4, pp. 362–368.
14. Gubanova M. A. Bioethics and human cognitive evolution. *Nauchnaya mysl': perspektivy razvitiya = Scientific thought: development prospects*. Armavir, 2020, pp. 81–84. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Лазовский, А. И. Детерминизм и свобода воли в биологии и философии человека как предпосылка создания свободного сознания у искусственного интеллекта / А. И. Лазовский. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2023. – № 3. – С. 110–117.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Lazovsky A. I. Determinism and Free Will in Human Biology and Philosophy as a Prerequisite for Creating a Free Consciousness in Artificial Intelligence / A. I. Lazovsky // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2023, no. 3, pp. 110–117. (In Russian).

УДК 316.3

**КОПИРОВАНИЕ, ПРИМИТИВИЗМ И СИМУЛЯЦИЯ
КАК ФАКТОРЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ РАЗРЫВОВ:
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ
(ЧАСТЬ 1)**

Н.Н. Равочкин

**COPYING, PRIMITIVISM AND SIMULATION
AS FACTORS OF INSTITUTIONAL GAPS:
SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS
(PART 1)**

N.N. Ravochkin

Аннотация. В статье рассматривается влияние симуляции на появление институциональных разрывов в реалиях современного социального развития. Изучаются наиболее значимые теоретические работы, позволяющие дать интегральное понимание симулятивных практик, а также содержательно раскрывающие феномен институциональных разрывов. Выявлены предпосылки появления масштабного появления институциональных ловушек в связи с переходом к постиндустриальному обществу, что в свою очередь способствовало усугублению и умножению имеющихся противоречий. Представлена и раскрыта природа симулякров и определены их существенные особенности. Продемонстрированы примеры детерминационных возможностей симулякров на формирование институциональных разрывов в различных сферах жизнедеятельности вследствие реализации социальных трансформаций. В заключение первой части работы подведены промежуточные итоги исследования.

Abstract. The article examines the impact of simulation on the emergence of institutional gaps in the realities of modern social development. The most significant theoretical works are studied, which make it possible to give an integral understanding of simulation practices, as well as meaningfully revealing the phenomenon of institutional gaps. The prerequisites for the emergence of a large-scale emergence of institutional traps in connection with the transition to a post-industrial society are identified, which in turn contributed to the aggravation and multiplication of existing contradictions. The nature of simulacra is presented and disclosed and their essential features are determined. Examples of the determinative possibilities of simulacra for the formation of institutional gaps in various spheres of life as a result of the implementation of social transformations are demonstrated. At the end of the first part of the work, the intermediate results of the study are summed up.

Ключевые слова: идея, интеллект, общество, институт, социальные преобразования, актор, симулякр, институциональный разрыв.

Keywords: idea, intellect, society, institution, social transformations, actor, simulacrum, institutional gap.

В последние десятилетия представители социально-философского дискурса всё чаще обращаются к междисциплинарным проблемам, которые сопутствуют качественным изменениям общественного развития. Институты являются одной из важнейших социальных структур еще со времен перехода к политогенезу.

Функционал институтов разнообразен и вряд ли может быть полностью описан в рамках одной работы. Мировое интеллектуальное наследие накопило множество оригинальных концепций, в каждой из которых по-своему раскрывается сущность этих объектов для общественной жизни. С учетом ярко выраженной прагматизации современной социальной философии, сделаем лишь акцент на том, что они являются локомотивом желаемых эволюционных сценариев развития для каждого национального государства. Закономерно, что институты не могут даваться в готовых формах по принципу «раз и навсегда», для чего их необходимо совершенствовать, поскольку выполняемые ими функции также не являются неподлежащими пересмотру [7].

Современные общества являются более чем сложными системами, поэтому при реализации институциональных изменений неизбежны так называемые разрывы. Категория «разрыв» в современной научной мысли вышла за рамки частного дискурса, поскольку представители различных областей знания предлагают взаимодополняющие и лежащие на стыке варианты ее понимания исходя из релевантных для них концептуальных оснований. В наиболее общем, суть философском, виде данное понятие может быть сведено к идее разграничений между чем-либо, основанием для которых становятся коллизии между ценностями и нормами, выступающие в качестве руководящих принципов [4; 7]. Таким образом, применительно к социальной ткани складывается система противоречий, каждое из которых предполагает невозможность признания приемлемого способа совместного существования с другими противоречащими по содержанию элементами.

Уже стало понятно, что оснований для различного рода противоречий имеется множество, вследствие чего и природа разрывов будет неодинакова. Среди имеющегося количества таковых есть смысл говорить об экономических основаниях противоречий и возникающих отсюда разрывов. Так, в рамках марксистской концепции «разрыв» мыслится как противоречие, основанное на ценностях отношений по поводу собственности, что в конечном счете приводит к противоречиям между человеком и капиталом, индивидами и произведенными ими предметами. Как известно, в марксизме человек становится в определенном смысле чуждым самому себе, поскольку согласно одноименной идее его дистанцирование от результатов собственного труда и самого себя объективирует бессмысленность трудовой деятельности как таковой. В дополнение к этому, экономические несогласия производят идеологические противоречия, выраженные в формировании конфликтогенного процесса социокультурных форм интеракции между участниками общественных отношений. Следует отметить, что экономические факторы в форме отношений по поводу собственности существенным образом детерминируют институциональные разрывы, поскольку диалектическое противостояние между классами само по себе представляет собой нарушение порядка в функционировании устоявшихся не только лишь экономических институтов, но и целой средой [4; 7].

Нас же интересуют другие формы рассматриваемых функциональных институциональных нарушений, имеющие прежде всего культурные и мировоззренческие основания. Одним из ярким примеров является противостояние

в научном и ненаучном отношении к миру. Смысл такого *versus*'а состоит в определении способов получения информации, а также степени доверия к ней. Начиная с эпохи Средневековья, когда знание и вера пришли в контрадикторные отношения, появились множественные направления для институциональных деформаций, поскольку именно религия вместо поиска истины авторитарным образом конструировала и защищала принципы взаимодействия между целыми социальными общностями, признающих или отрицающих картину мира через призму безоговорочного почитания божественного [7].

Одной из последующих веток интеллектуальной истории человечества, усугубившее формирование концептуальных и предметных разрывов стало разделение социально-гуманитарной и естественно-технической культур, каждая из которых предлагает принципиально иные подходы к оценкам развития и функционирования общественной ткани. В качестве одного из существенных разногласий между представителями обозначенных направлений интеллектуального поиска можно назвать расхождение по вопросу о сущности и ценности техники как социального феномена. Прогрессивное человечество, что говорится, «взяло в свои руки», развитие техники – и это способствовало излишней позитивизации в оценках как по поводу собственных сил, так и во влиянии созданных для облегчения жизнедеятельности артефактов и инструментов на социальные системы в исторической и культурной ретроспективе [4].

Современные социальные системы в большинстве подходов интерпретируются как варианты постиндустриального транзита. По большому счету, комбинации институциональных разрывов, вследствие чего возникла такая поливариантность трактовок сегодняшних типов обществ стали закономерным итогом невозможности влиятельных субъектов предсказать вызовы и адекватно отреагировать на вызовы мира, перешедшего к нелинейной динамике. В качестве примера приведем следующую цитату: «Великий разрыв происходит в информационном обществе по линии традиций, привычного жизненного уклада и инновационного бесконтрольного, „хаотического развития“» [5, с. 69]. Данный кейс показателен тем, что основаниями институциональных разрывов в информационном обществе становятся повышенные экспектации по поводу возможностей технических средств. При этом сами сторонники технократического подхода в своих оценках актуальных трансформаций общественной ткани, по нашему мнению, воспринимают рассмотренную ценность передовых изобретений и решений излишне позитивно, видя в ней множество перспектив и возможностей для дальнейшего роста, что также распространяется на индивидуальные и обще-социальные свойства и отношения.

Более того, технократы определяют преимущества развития техники и технологий и для институциональных преобразований. В частности, появление электронного правительства, цифровых способов обращения денежных средств, формирование дистанционного и онлайн-образования, основанного на новейших коммуникационных форматах, получение доступа к различным сервисам, во многом определяющим духовную сферу современного человека –

вот лишь неполный перечень преимуществ и перспектив развития науки. Также отмечается, что «доступность интернет вызвала волну энтузиазма со стороны интеллектуалов, ориентированных на освобождение от влияния традиционных государственных структур» [5, с. 69]. Полагается, что появившиеся способы выражения свободы слова смогут сформировать новые типы отношений между политическими субъектами и всеми соответствующими институтами, так или иначе связанными с властными полномочиями.

Однако нельзя не сказать и про негативные оценки технических средств, в соответствии с которыми они маркируются источниками социальных деструкций и множества сопутствующих проблем. Сторонники данного видения техники интерпретируют ее ценность в негативной модальности, поскольку видят в технологиях и приборах больше угроз, нежели преимуществ. Одним из аргументов в пользу критики является указание утрату «вертикального» способа трансляции культурных смыслов. Речь идет в первую очередь о том, что этот незаметный для большинства институциональный разрыв как способ трансляции социально и культурно значимых ценностей постепенно исключает возможности для эффективного диалога между коммуникантами [7]. Получается, что некоторые социальные группы не хотят жить по-старому, тогда как другие же не могут принять новые способы взаимодействия, что в результате приводит к разрыву исторического и культурообменного процессов, значит, утрачиваются вертикальные институциональные связи, заменяемые формирующейся горизонтальными ризомными способами.

Не будет лишним упомянуть, что развитие технологий и появление Интернета в конечном счете поспособствовало максимально активному развитию и внедрению в социальное пространство симулякров как средства формирования поддельной реальности [10]. Так, появление симулятивного в экономической сфере привело к появлению новых форм капитала, тех, что не существовали в обществе Модерна. Основанием тому является трансформация форм потребления: товары и услуги более не являются самоценными и значимыми для конкретного человека, отдельных социальных групп и даже целого общества. Принципиальным становится приобретение знаков, которые по своему содержанию оказываются символическими способами олицетворения блага [1]. Более нет необходимости обладать множеством однотипных предметов и сопутствующих им товаров и услуг: отныне достаточно потребить знаковые системы, которые содержат в себе референсы к известным брендам. Исследователи указывают, что стоимость товара самого-по-себе не столь велика в сравнении с точно таким же товаром, который так или иначе связан с обладающим симулятивной природой брендом. «Обладание товаром с престижным лейблом значительно повышает статус владельца, свидетельствует о его успешности, благополучии, материальном достатке» [3, с. 154] – такова логика актуального отношения к товару. Вследствие этого происходят изменения в природе самого товара, который продается конкретному человеку. Следует говорить о том, что происходит перемещение предметов из области материального производства в область текстовой

реальности, что и приводит к изменению стоимостных характеристик товаров как знаков. Сам по себе симулякр не имеет собственной природы, однако приобретает ее моменты актуализации потребностей индивидов по повышению социального статуса [3]. Выходит, что симулякры являются надежным инструментом по обретению более высокого и известного положения человека в обществе. В то же время следует помнить, что такой статус не обеспечивается ничем реальным, поскольку его смысл сосредоточен вокруг некоторой совокупности знаков без реального референта.

Цена симулякра суть форма иллюзии высокой стоимости товара, о содержании которого умалчивается. Человек, попадая под влияние симулякра, потребляет отнюдь не то, что ему нужно, но при этом данное потребление вполне является осознанным, поскольку он выбирает определенный набор таких копий. Самоочевидно, что, используя симулякры, институты создают множество ловушек. Так, правомерно говорить о том, что постмодернистское общество симулякров благодаря ярко выраженному функционалу экономических структур детерминирует широкий спектр наличных правил игры, затрагивая абсолютное большинство участников, жаждущих обладать подобиями и репрезентациями различных статусных объектов. Вместе с тем следует остановиться на деструктивном воздействии симулякров. Достижение человеком предписываемого современным обществом статуса не подкреплено ничем реально существующим, ведь внешние имитации формируют вокруг индивидов некий ареол. Массовизация представленного положения дел попросту ликвидирует принцип реальности, резко изменяя привычные контуры институциональной среды, способствуя многочисленным разрывам и необходимости пересмотра возложенного на них функционала. Невозможность быстрого реагирования в современных реалиях, как правило, приводит к вполне закономерным деструкциям существующего порядка, главным образом за счет неравномерного форматирования социально значимых отношений и функций между различными институтами. Вполне логично, что отладка выполняемых функций требует определенного времени, а в лучшем случае – осуществления необходимых институциональных преобразований для превенции возможных последующих нарушений.

Переходя к детальному анализу, справедливой представляется логика ряда ученых, среди них отметим П.А. Ореховского, в работе которого отмечается, что некоторые экономические институты определяют практику хозяйствования, формируя, тем самым, стабильные, устойчивые практики стереотипного поведения. Как следствие, возникает насыщенность институционального порядка [6]. Внедрение симулякров в систему сложившихся и качественно работающих экономических институтов влечет за собой невозможность их эффективного функционирования. Конечно, подделка как таковая, или копия без оригинала, не представляет опасности, поскольку не имеет собственного содержания. Однако именно посредством симулякров она может быть инкорпорирована в систему отношений, связанных с производством, обменом или потреблением товаров

и услуг, что приведет к обесмысливанию экономических процессов, существенно снизив эффективность функционирования институтов. Стремительная симулякризация не способствует повышению адаптивных возможностей институтов, тем самым они не могут позитивным образом регулировать общественные отношения, на фоне чего в большинстве случаев очевидны регулярные провалы и рельефно проступают разрывы.

В политической сфере симулякры также способствуют формированию институциональных разрывов. Как известно, любая социально-политическая конструкция структурно включает в себя аналог онтологического доказательства бытия Бога, предложенного Ф. Аквинским. Такое подобие заключается в утверждении, согласно которому все выражения, в которых субъектом мыслится та или иная коллективность, предлагают уже решенные задачи о существовании тех или иных социальных групп. Содержательно подобные размышления отражают представления о преднамеренном внешнем навязывании в формировании определенных сообществ, каждое из которых может не отражать действительно существующие коллективные интересы [7]. По итогу, с учетом особенностей области политики, ключевыми акторами и теоретиками почти единогласно признается высокая значимость работы с определенными симулякрами, к примеру через преднамеренное создание виртуальных сообществ, не имеющих соответствующих референтов. Более того, субъекты, принадлежащие к этим группам, могут вовсе не обладать приписываемыми им свойствами, а значит, симулятивными становятся не только сами группы, но и признаки конкретных людей в лице электората [5].

Также следует говорить, что в эпоху Постмодерна и цифрового общества значимым становится доведение представленной логики до абсурда. Имеется в виду, что наличие свойств, которые не отражают реальных признаков политически значимых субъектов, становится максимальным. Кроме того, зачастую используются образы коллективного «мы» как массы, не предполагающей возможностей использования индивидуальных особенностей, персонального способа существования. Наравне с описанным положением дел целесообразно говорить о том, что «в конце XX в. на смену былому, эмоционально окрашенному отношению людей к политике как линейно организованной, прозрачной, поддающейся немногосложным оценкам сфере общественной жизни пришло новое ее восприятие как существующей по своим собственным законам, внутренне инверсивной, переполненной хитросплетениями и интригами, замкнутой внутри себя области частных интересов и отношений» [9, с. 406]. Политические поступки и изречения стали восприниматься как составные элементы утилитарных и эгоистических поведенческих сценариев. Вследствие этого мы наблюдаем утрату традиционных форм влияния политической риторики на избирателей, что в свою очередь приводит к пониманию, как сама институциональная среда оказывается переполненной симуляциями и не уже не поддается необходимому контролю в полной мере.

Смеем считать, что соответствующий дискурс более не ориентирован на реальное взаимодействие между избирателями и политическими институтами, а все чаще происходящие функциональные нарушения и разрывы последних фундированы именно отсутствием таковых форм контактирования и возможностями получения валидной обратной связи. Получается, что симулирование любого взаимодействия между внешне существующими участниками политического процесса и соответствующими институтами влечет к тому, что последние более не выражают реальное участие в их профессиональной среде. Одновременно с этим в рамках связанных с властью дискурсов проектируется, используется и модифицируется целая система подделок, которая скорее определяется дополненной реальностью и выражается в том, что политические институты и участники соответствующего процесса апеллируют к различным коннотациям, которые так или иначе дополняют значение существующих знаков. Среди интеллектуалов постмодернистского толка широко распространено мнение по поводу того, что политические институты различного уровня сами по себе становятся симулякрами. По сути, речь идет об использовании внешне привлекательной картины при отсутствии реального содержания, отвечающего актуальным вызовам и способам организации и существования всей институциональной среды.

Действительно, современная система государственного управления в большей степени воспринимается как сегмент рынка, на котором «продается» определенный ресурс – специфические интеллектуальные услуги, менеджерские формы политической организации. Все чаще политические институты, такие как парламентаризм, партии, судопроизводство и даже глава государства все чаще ассоциируются с выполнением исключительно внешних функций. Это находит подтверждение среди ученых, полагающих, что «политические партии превратились в рекламные агентства, государство – в управленческую фирму, а публичный уровень „больших идеологий“ стал синонимом PR плохо продаваемых товаров и услуг» [9, с. 407]. В такой логике определенно прослеживается трансформация политических институтов в симулякры, которые все реже выполняют возложенный на них функционал, заложенный когда-то в идеях данных структур. Если согласиться с самыми критическими оценками, то некоторые исследователи отмечают у властных акторов и влиятельных субъектов банальное отсутствие заинтересованности в воспроизводстве таковых функций. Одной из причин полагается сфокусированность государств не на технологиях государственного управления, но на экономическом результате, что, конечно же, является в некоторой степени парадоксом в условиях принципиальной открытости политики [8, с. 63]. Любопытно, но именно преследуемая властями статистика оказывается выше и важнее реальной политики, позволяющей достичь конкретных и практически значимых результатов. Самоочевидно, что такой фундамент вряд ли является коррелятом эволюционного варианта развития национальных государств, причем в первую очередь онтологические сдвиги нарушают функциональную значимость и потенциал всей институциональной среды.

Можно сказать о том, что в некоторых эмпирических контекстах, например в Латинской Америке, достаточно продолжительное время используются идеи популизма, артикулирующие лозунги, которые применяются для разделения общества на условно «своих» и условно «чужих». При этом бывает и так, что в некоторых государствах содержательно отсутствуют реальные участники политического процесса, поскольку при использовании конкретных концептов и выражений нет необходимости для формирования реальной повестки, для выполнения представительских функций, а также для действительной борьбы за голоса избирателей и поддержание властных полномочий. Все подобные технологии определяют сам вектор избыточной симулякризации современной политической сферы через внедрение в ее координаты символических образов, не имеющих под собой реальных оснований [7].

В завершение первой части исследования еще раз отметим, что симулякры, к которым акторы обращаются для реализации институциональных изменений, зачастую способствуют появлению соответствующих разрывов. Это объясняется неполным (если не поверхностным) восприятием как имеющих предпосылок, так и идей институциональных моделей, повторение которых не позволяет установить желаемую версию реальности в тех или иных социальных координатах. По нашему мнению, отмеченные повторяющиеся переносы рассматриваемых структур в динамично развивающиеся эмпирические контексты связаны с недопониманием влиятельными субъектами логики конкретного социального. Зачастую это сопрягается с нехваткой ресурсов на проведение трансформаций и отрицанием собственного пути обновления институтов, что неминуемо сказывается на их функциональной эффективности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бузгалин, А. В. Рынок симулякров: взгляд сквозь призму классической политэкономии / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов. – Текст : непосредственный // *Философия хозяйства*. – 2012. – № 2. – С. 153–165.
2. Волков, В. Н. Симулякр в политической жизни современной России / В. Н. Волков. – Текст : непосредственный // *Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств*. – 2012. – № 4. – С. 73–78.
3. Деррида, Ж. Письмо и различие / Ж. Деррида. – Текст : непосредственный. – М., 2000. – 319 с.
4. Жигмытов, Ц. В. Развитие общества и задача социальной когнитивистики / Ц. В. Жигмытов, Л. Г. Сандакова. – Текст : непосредственный // *Идеи и идеалы*. – 2017. – Том 2. – № 1 (31). – С. 80–92.
5. Минченко, А. Н. Феномен культурного разрыва: формирование проблематики в социально-гуманитарном познании и основания философского осмысления / А. Н. Минченко. – Текст : непосредственный // *Вестник Челябинского государственного университета. Философские науки*. – 2022. – № 2 (460). – С. 66–74.
6. Ореховский, П. А. Институты и симулякры (о книге члена-корреспондента РАН Е.В. Попова «Институты») / П. А. Ореховский. – Текст : непосредственный // *Вопросы теоретической экономики*. – 2019. – № 1. – С. 162–169.
7. Равочкин, Н. Н. Роль идей в становлении и трансформации политико-правовых институтов: теоретико-методологические и прикладные аспекты : монография / Н. Н. Равочкин. – Кемерово : КузГТУ, 2021. – 258 с. – Текст : непосредственный.

8. Хмылев, В. М. Современная Россия сквозь призму концепции эпохи симулякров / В. М. Хмылев. – Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 320. – С. 58–64.
9. Шорина, И. Н. Политические симулякры глэм-капитализма как средство формирования общественного доверия / И. Н. Шорина. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2011. – № 3. – С. 406–409.
10. Шляков, А. В. Экономика постмодерна: от товаров к симулякрам / А. В. Шляков. – Текст : непосредственный // Общество: политика, экономика, право. – 2016. – № 5. – С. 90–92.

REFERENCES

1. Buzgalin A. V., Kolganov A. I. The market of simulacra: a look through the prism of classical political economy. *Filosofiya hozyajstva = Philosophy of economy*, 2012, no. 2, pp. 153–165. (In Russian).
2. Volkov V. N. Simulacrum in the political life of modern Russia. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = Bulletin of the Kazan State University of Culture and Arts*, 2012, no. 4, pp. 73–78. (In Russian).
3. Derrida J. *Pis'mo i razlichie* [Letter and difference]. M., 2000. 319 p. (In Russian).
4. Zhigmytov Ts. V., Sandakova L. G. The development of society and the task of social cognitive science. *Idei i idealy = Ideas and ideals*, 2017, vol. 2, no. 1 (31), pp. 80–92. (In Russian).
5. Minchenko A. N. The phenomenon of cultural gap: the formation of problems in social and humanitarian knowledge and the foundations of philosophical reflection. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofskie nauki = Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philosophical Sciences*, 2022, no. 2 (460), pp. 66–74. (In Russian).
6. Orehovskiy P. A. Institutes and simulacra (about the book of Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences E.V. Popov "Institutes"). *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki = Questions of theoretical economics*, 2019, no. 1, pp. 162–169. (In Russian).
7. Ravochkin N. N. *Rol' idej v stanovlenii transformacii politiko-pravovykh institutov: teoretiko-metodologicheskie i prikladnye aspekty* [The role of ideas in the formation and transformation of political and legal institutions: theoretical, methodological and applied aspects]. Kemerovo, KuzSTU, 2021. 258 p. (In Russian).
8. Hmylev V. M. Modern Russia through the prism of the concept of the era of simulacra. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta = Bulletin of Tomsk State University*, 2009, no. 320, pp. 58–64. (In Russian).
9. Shorina I. N. Political simulacra of glam capitalism as a means of forming public trust. *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennykh nauk = Actual problems of the humanities and natural sciences*, 2011, no. 3, pp. 406–409. (In Russian).
10. Shlyakov A. V. Postmodern economy: from goods to simulacra. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo = Society: politics, economics, law*, 2016, no. 5, pp. 90–92. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Равочкин, Н. Н. Копирование, примитивизм и симуляция как факторы институциональных разрывов: социально-философский анализ (часть 1) / Н. Н. Равочкин. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2023. – № 3. – С. 118–126.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Ravochkin N. N. Copying, Primitivism and Simulation as Factors of Institutional Gaps: Social and Philosophical Analysis (Part 1) / N. N. Ravochkin // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2023, no. 3, pp. 118–126. (In Russian).

УДК 1, 172.1, 159.923.2

**ИДЕНТИЧНОСТЬ ЛИЧНОСТИ
В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА**

В.Н. Фомин

**PERSONAL IDENTITY
IN CONTEXT TRANSFORMATIONS
OF RUSSIAN SOCIETY**

V.N. Fomin

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема идентичности личности в контексте трансформационных процессов российского общества. Автор раскрывает взаимосвязь традиционных и новых ценностей личности, формирующихся в ходе трансформации различных социальных институтов. В работе подчеркивается, что дальнейшие процессы индивидуализации для Российского общества и личностной идентичности несут как негативные, так и позитивные последствия. В данной связи автор обращается к поиску сбалансированности между базовыми аксиологическими ориентирами и инновационными технологиями, что может способствовать, в контексте перехода российского общества к наукоемкой экономике, развитию новой и узнаваемой традиционной личностной идентичности.

Abstract. The article deals with the actual problem of personal identity in the context of the transformational processes of Russian society. The author reveals the relationship between the personality of traditional and new values that are formed during the transformation of various social institutions. The work emphasizes that further processes of individualization for Russian society and personal identity have both negative and positive consequences. In this regard, the author turns to the search for a balance between basic axiological guidelines and innovative technologies, which can contribute in the context of the transition of Russian society to a knowledge-intensive economy, to the development of a new and recognizable traditional personal identity.

Ключевые слова: личность, общество, идентичность, трансформации, ценности, индивидуальность, инновации, индивидуализация, творчество.

Keywords: personality, society, identity, transformations, values, individuality, innovations, individualization, creativity.

Актуальность данной темы исследования определяется необходимостью решения задач, связанных с технократическими и иными изменениями трансформирующегося российского общества, которое, как и личность, нуждается в новой идентичности. Данные процессы опосредованы изменением традиционного уклада жизни, в котором меняются базовые ценности.

Американский исследователь Т. Цюда дает определение понятия идентичности как осознанности себя в мире, фундирующей на ассоциациях с социокультурными характеристиками и членстве в различных социальных

группах [18, р. 9–10]. Также можно определить идентичность как человеческую деятельность комплексного характера, посредством которой человек добивается истинного тождества с самим собой [5, с. 50]. Эти определения по своему содержанию близки, восходят к ставшему традиционным определению Э. Эриксона и могут использоваться в данном контексте. Основатель концепта «идентичность» Э. Эриксон определяет позитивную идентичность как противостоящую невротическому самоотрицанию и ненависти к иным членам общества, имеющим иные жизненные позиции. Позитивная идентичность нуждается в коллективной идентичности представленной классами, нацией и культурой. Исторические трансформации, изменяющие устоявшуюся идентичность, порождают у индивида чувства тревоги и опасности. Решением данной проблемы, по мнению Э. Эриксона, является развитие просвещения, так как в разносторонности выявляются признаки целостности личности, способные к усвоению и формированию универсальной идентичности [16, с. 88–99]. Следует отметить, что в современном обществе прослеживается постепенное расширение универсальной идентичности, что отчасти нивелирует традиционные ценности.

Например, исследования сексуальной идентичности долгое время являлись закрытой темой. Сейчас часть молодежи открыто заявляет о расстройстве сексуальной идентичности, а различные молодежные субкультуры имеют протестный характер [16, с. 35–36]. В данной связи следует отметить, что подобная интенция нехарактерна для традиционного общества. Кризиса идентичности личности в обществе с традиционными ценностями не существует. Но общество, теряющее базовые ценности, на первый план выносит проблему личностной идентичности [4, с. 80]. Обретая новые ценности, избавляясь от детерминизма и патернализма, личность приходит в состояние непредсказуемости и неоднозначности под влиянием иррациональных факторов. В итоге на первый план выходит проблема идентификации личности и творчества. Вследствие данных процессов линейные социальные траектории переходят в поливариантные формы, что препятствует социальной адаптации личности. Но появляются новые ценности и общественные нормы, а также формируется амбивалентная личность, структурируемая в социокультурной среде постиндустриального развития мультикультурализма [12, с. 16–17]. Иными словами, личность постепенно изменяется и адаптируется к трансформационным процессам посредством появления новых ценностей, формируемых общественным развитием.

В современной России проблема личностной идентичности, основанной на традиционных ценностях, претерпевает кризис. Сегодня много говорится об идентификации личности в религиозном контексте. Однако если православными себя считает 72 % российских граждан, то подлинно православных, исполняющих религиозные практики и участвующих в жизни религиозной общины, насчитывается всего 3 % [11, с. 16]. Это не соответствует определению самоидентификации как «истинному» тождеству с самим собой.

К.Г. Юнг видит причину массовизации сознания и появления в нем нетрадиционных верований в научном рационализме, делающим личность абстрактной статистической величиной, вне ее достоинства и индивидуальности [17, с. 63]. При этом только религия может предложить точку опоры. Но религия, часто переплетаясь с государством, превращается вместо живой веры в официальное вероисповедание. В данном случае религиозная зависимость уподобляется обычному коллективному мышлению, что приводит индивида к отчуждению от общества и самости, препятствуя высказыванию собственного суждения и принятию жизненно важных решений [17, с. 66–67]. Мыслитель подчеркивает, что марксизм и церковь основываются на вере, которую они требуют от своих последователей, одних лишая свободного общения с Богом, других свободного общения с государством, нивелируя индивидуальность. Западное общество не в состоянии вывести современного человека из затруднительной ситуации ввиду собственных политических и религиозных ересей, идентичных марксистским идеалам. В данной связи коммунистическая идеология выражает уверенность в том, что время работает в ее интересах. Это связано с тем, что в прошлом подчинившиеся коллективной вере, сняв с себя ответственность, могут идентифицировать себя с новой навязанной верой [17, с. 77]. В данной связи можно говорить о том, что личностная идентичность, основанная на изменяющихся идеологемах, не может иметь устойчивый характер.

Современные российские исследователи подчеркивают, что после кризиса девяностых, Россия постепенно самоактуализируется, выступая в качестве независимого субъекта. Данному положению может способствовать «прогнозируемое чудо», подобное подвигу Александра Невского, Дмитрия Донского, победе советского народа в Великой Отечественной войне и т. д. «Вера – это стержень личности, супердоминанта индивидуальной и коллективной психики» [14, с. 108]. Но есть противоположное мнение, подчеркивающее несостоятельность мифологизированности российского общества, демонстрируемыми представителями СМИ, так как толерантность, терпеливость, сердечность, коллективизм и справедливость не соответствуют задекларированному менталитету, о чем свидетельствуют поступки россиян, которые стали носить прагматический характер. В данной связи в современном российском обществе образовался новоявленный образ «личности, который можно назвать „человек лукавый“» [10, с. 188–189]. Иными словами, российское общество в трансформационных процессах очень быстро меняется, принимая западную модель индивидуализма, которая трансформирует форму соборной и коллективной личности в индивидуальную личность.

Н.О. Лосский писал о русском характере, отличающимся христианской добротой, сохранившимся даже при советском режиме, о чем свидетельствует «сердечная» помощь военнопленным [8, с. 7]. Для русского человека характерна жизнь не по правилам. Он с лаской и почтением относится к вещам. Например, употребление уменьшительно-ласкательных форм, таких как Иван – Ванечка, дом – домик, присуще только русскому менталитету. В данной связи

русская философия проявляет интерес «к конкретной этике в противовес законченной этике» [8, с. 7], что свидетельствует об иррациональности русского характера.

Проблему русской идентичности поднимали славянофилы. Например, А.А. Киреев пишет: «Мы не хотим себя обезличить... потерять нашу личность и превратиться в какого-то не существующего в действительности общечеловека... отвергаем... безличный европеизм и остаемся стойкими и убежденными православными и русскими» [6, с. 78]. По нашему мнению, стоит задаться вопросом, насколько российское общество привержено к собственным ценностным ориентирам, если мы говорим о российской экономике догоняющего типа. Сможет ли оно сохранить данные ценности в трансформационных процессах, когда абсолютно очевидно развитие новых для России форм индивидуализации. В данной связи, по нашему мнению, следует обратиться и к западным исследователям.

Э. Тоффлер констатирует сетование американского общества на сложившуюся ситуацию, где с 1950 года на питание уходила пятая часть дохода, а к 2002 году стала уходить одна десятая. Собственные дома имели 50 %, сегодня 70 %, причем дома стали просторнее. Но будущее пугает тем, что современные социальные институты переживают кризис, связанный с переходом от индустриальной к наукоемкой экономике, причем ценности индустриальной эпохи нивелируются. С их падением общество морально деградирует, что проявляется в различных формах «экстремальности», секса и насилия. Интернет-игры, реперы, призывающие в своем творчестве к убийству полицейских и избиванию проституток, оскорбление родителей и прочие явления подобного рода, имеют устойчивую интенцию [13, с. 345–349].

В данной связи Э. Тоффлер подчеркивает, что в обществе возникает потребность возврата к традиционным ценностям, и наряду с антисоциальным трешем появляются позитивные инновации. Даже реперы пересматривают свои позиции, меняя негативный имидж на позитивный. Иными словами, в наукоемкой экономике существует интенция к созданию инновационных учреждений, в которых создается новая цивилизация, основанная на «революционном богатстве», призванном к борьбе с бедностью, экологическим кризисом, безработицей, общественной толерантностью и т. д. Мыслитель подчеркивает, что нуклеарная, или аграрная, семья уже вряд ли когда-то будет доминировать. Также нет смысла отстаивать корпоративные ценности, так как в наукоемкой экономике уже видны положительные сдвиги, примером чему является уменьшение в два раза уровня безработицы [13, с. 350–356]. Современные диссертационные исследования часто ориентированы на корпоративную социокультурную динамику развития общества и личности [9, с. 3], тогда как в западном обществе корпоративные ценности являются уже пройденным этапом.

Э. Тоффлер отмечает, что субъект, меняя социальные роли, будучи хиппи, руководителем или парашютистом, временами приходит в шоковое состояние, так как вместе со стилем поведения меняются и отношения личностной основы.

Иногда рефлексируя, он ставит вопрос: «Что остается – я, самость или личность, как непрерывная прочная внутренняя структура?» [19, р. 319]. Большинство не занято подобного рода рассуждениями, так как предпочитают самоидентификацию, протекающую в русле «серийное я». Мыслитель подчеркивает, что сверхиндустриальная революция предполагает изменение базовых представлений человека о себе. В данной связи необходима новая теория личности и новая теория свободы, а общество должно следовать путем научной рационализации, что, впрочем, вызывает нестабильность межличностных отношений. Однако открываются новые возможности личностной самореализации [19, р. 319] основанной на свободе и часто меняющейся личностной идентичности.

По нашему мнению, трансформационные процессы современного российского общества, влияющие на становления новой личностной идентичности и формирование новых ценностей, не могут протекать вне российского традиционного социокультурного контекста. Группа исследователей под руководством А.Ф. Бондаренко в контексте метода семантического анализа провели сравнение пятитомника «Добротолюбие», основанного на христианских апологетических построениях и работах русских религиозных философов с современной семантической структурой мышления русского человека [2, с. 627]. Исследование выявило доминирование ценностно-онтологических представлений, характерных для византийского богословия, а также русской религиозной мысли, но не для рациональных, гносеологических форм, характеризующих западный тип мышления. Был сделан вывод о том, что в российской научной среде недостаточно изучен православный и российский философский тип идентичности. В данной связи попытки навязать русскому человеку принципы протестантского релятивизма, который замещал бы базовые ценностные установки общества, не увенчиваются успехом. Как следствие, российскую личность и общество лишают собственной бытийной экзистенции в контексте заимствований западных форм индивидуальной и общественной жизни, в которых отсутствуют российские «ключевые детерминанты смыслового содержания» [2, с. 627]. Здесь также следует отметить ценностный характер российской идентичности, противоположенный западному рационализму.

В данном контексте следует подчеркнуть, что ряд авторов подвергают критическому анализу трансформацию и связанные с ней социальные процессы, апеллируя к тому, что трансформационные процессы противоречат эволюционному развитию как не имеющие качественной интенции, что приводит к трансмутации глубинной российской культуры в некое плоское и примитивное качество. Основанием для подобной аргументации является сохранение этнической и национальной целостности. Подчеркивается, что такие понятийные установки, как «русский» и «российский», имеют различную модальность. В политическом и правовом аспекте для российской идентичности наиболее характерны дефиниции «россиянин» и «российский». Что касается культурного и этнокультурного аспекта, то здесь для российской идентичности более характерно понятие «русский» в силу того,

что русская культура выступает в качестве формообразующего фактора становления российского государства, имея территориальное и культурное основание. Данная интерпретация идентичности «русский» отражена не столько узлами родства по крови, сколько определяется факторами патриотизма, должного уважения и любви к родине [15, с. 229–292]. Однако в русле патриотизма или религиозности не следует кардинальным образом противостоять социальность и духовность в контексте социальных трансформаций.

Исследовательские позиции, не учитывающие двойственный смысл «добра и зла», выступают против диалектики единства и борьбы противоположностей, удаляющей различные оппозиционные противоречия. Диалектика формирует более глубокий уровень культуры идентичный воспроизводству общества или, иными словами, социокультурному закону. Поиск синтеза разноплановых полюсов нужно рассматривать как «конструктивную напряженность», способствующую воспроизводству культуры и преодолению пассивной позиции к внешнему миру. Но личность, усваивая определенный ряд ценностей, нивелирует другие, что формирует раздвоенность личности и дезорганизует общественные процессы, порождает чувство страха и гнева и приводит к разделению конструктивной напряженности во взаимоотношениях личности и общества. Примером может быть, как отмечает А. С. Ахиезер, вторжению в страну ранее неизвестных ценностей и «непонятных форм жизни» [1, с. 65], способствующих дезориентации общества и индивида.

В данном контексте конструктивная напряженность, позволяющая объединять традиционные и инновационные процессы, может положительно влиять на развитие российской личностной идентичности в контексте ценностных взаимоотношений личности и общества. Возможно, мы стоим на пороге совершенно новой российской личностной идентичности, так как в современном российском обществе помимо развития рыночных отношений и консюмеризма, религия и мистицизм отчасти начинают принимать черты рациональности и концептуальности [7, с. 21]. М. Вебер отмечает, что на Западе религиозная и мистическая рациональная нравственность явилась фундаментом социокультурной деятельности человека, оказавшей влияние на развитие европейского рационализма [3, с. 286]. В данной следует подчеркнуть влияние религиозной и мистической рациональности на становление более рациональной российской личностной идентичности.

Таким образом, можно говорить о том, что личностная идентичность в контексте российского цивилизационного развития претерпевает изменения в связи с изменяющимися ценностями современного трансформирующегося российского общества. В данной связи возникает конфликт идентичности на фоне столкновения традиции и инновации, что приводит к потере ценностей и дезинтеграционным процессам. Российское общество проходит в данный период стадии развития модерна, частично и постмодерна, на что указывает омассовление культуры и декадансные явления. Вопрос о том, стоит ли противостоять данному явлению, отстаивая традиционные ценности, сложен

и многогранен. По нашему мнению, сохранение традиционных российских ценностей и притяжение трансформационных процессов общества должно протекать в русле конструктивной напряженности. Инновационная модель наукоемкого общества с новыми ценностями вполне может сочетаться с традиционными ценностными ориентирами в контексте исторически обновляемой и узнаваемой личностной идентичности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России) / А. С. Ахиезер. – Текст : непосредственный // Сочинения : в 3 томах. Том 1. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 1998. – 804 с.
2. Бондаренко, А. Ф. Этический персонализм: культуросообразная традиция в психологическом консультировании / А. Ф. Бондаренко. – Текст : электронный // Медицинская психология в России. – 2015. – № 2 (31). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/eticheskiy-personalizm-kulturosoobraznaya-traditsiya-v-psihologicheskom-konsultirovanii> (дата обращения: 11.05.2023).
3. Вебер, М. История хозяйства. Город / М. Вебер. – М. : КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. – 576 с. – Текст : непосредственный.
4. Губанова, М. А. Формообразования духовной культуры в истории России: философский аспект : монография / М. А. Губанова, Е. С. Федотенков. – Армавир : Редакционно-издательский отдел АПСИ, 2013. – 176 с. – Текст : непосредственный.
5. Кеидия, К. З. Философское понимание самоидентификации в бытийной структуре личности / К. З. Кеидия. – Текст : непосредственный // Вестник Омского государственного университета. – 2012. – № 1 (137). – С. 50–54.
6. Киреев, А. А. Учение славянофилов / А. А. Киреев. – М. : Институт русской цивилизации, 2012. – 640 с. – Текст : непосредственный.
7. Лобазова, О. Ф. Религиозность современного российского общества: социально-философский анализ : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук / Лобазова Ольга Федоровна. – М., 2010. – 45 с. – Текст : непосредственный.
8. Лосский, Н. О. Характер русского народа. Книга вторая / Н. О. Лосский. – М. : Ключ, 1990. – 92 с. – Текст : непосредственный.
9. Микаелян, Г. А. Социально-философский анализ корпоративной культуры как фактор социальной адаптации личности : диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук / Микаелян Гайк Артемович. – Ставрополь, 2014. – 151 с. – Текст : непосредственный.
10. Назаров, И. В. Мифологичность и парадоксальность как характерные черты российского менталитета / И. В. Назаров. – Текст : непосредственный // Эко-потенциал. – 2018. – № 1. – С. 188–189.
11. Пронина, Т. С. Типология религиозной идентичности: аналитика религиозности современного российского общества : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук / Пронина Татьяна Сергеевна. – СПб., 2015. – 39 с. – Текст : непосредственный.
12. Тихонов, Ж. А. Общество как саморазвивающаяся система: ценностный выбор России : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Тихонов Ждан Александрович. – Краснодар, 2011. – 23 с.

13. Тоффлер, Э. Революционное богатство / Э. Тоффлер, Х. Тоффлер. – М. : АСТ, АСТ Москва, 2008. – 569 с. – Текст : непосредственный.
14. Шевченко, В. Н. Современные проблемы российского государства : философские очерки / В. Н. Шевченко, Р. И. Соколова, В. И. Спиридонова. – М. : Прогресс-Традиция, 2015. – 464 с. – Текст : непосредственный.
15. Щупленков, О. В. Русский человек / О. В. Щупленков // Философская мысль. – 2013. – № 6. – С. 229–292. – Текст : непосредственный.
16. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон. – М. : Флинта : МПСИ : Прогресс, 2006. – 342 с. – Текст : непосредственный.
17. Юнг, К. Г. Синхроничность / К. Г. Юнг. – М. : РЕФЛ-бук ; К. : Ваклер, 1997. – 313 с. – Текст : непосредственный.
18. Tsuda T. Strangers in the Ethnic Homeland. Japanese Brazilian Return Migration in Transnational Perspective. – New York : Columbia University Press New York Publishers Since. Chichester, West Sussex, 1893. – 431 p.
19. Toffler A. Future Shock. – Toronto, New York, London : Bantam books ; A National general company, 1970. – 567 p.

REFERENCES

1. Ahiezer S. A. Russia: criticism of historical experience (Sociocultural dynamics of Russia). *Sochineniya = Works*, vol. 1. Novosibirsk, Sibirskij hronograf, 1998. 804 p. (In Russian).
2. Bondarenko A. F. Ethical personalism: culturally consistent tradition in psychological counseling. *Meditinskaya psikhologiya v Rossii = Medical psychology in Russia*, 2015, no. 2 (31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/eticheskiy-personalizm-kulturo-soobraznaya-traditsiya-v-psihologicheskom-konsultirovanii>. (In Russian).
3. Veber M. *Istoriya hozyajstva. Gorod* [History of the economy. City]. M., KANON-press-C, Kuchkovo pole, 2001. 576 p. (In Russian).
4. Gubanov M. A., Fedotenkov E. S. *Formoobrazovaniya duhovnoj kul'tury v istorii Rossii: filosofskij aspekt* [Formation of spiritual culture in the history of Russia: a philosophical aspect]. Armavir, 2013. 176 p. (In Russian).
5. Keidiya K. Z. Philosophical understanding of self-identification in the existential structure of personality. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Omsk State University*, 2012, no. 1 (137), pp. 50–54. (In Russian).
6. Kireev A. A. *Uchenie slavyanofilov* [The teachings of the Slavophiles]. M., Institut ruskoj civilizacii, 2012. 640 p. (In Russian).
7. Lobazova O. F. *Religioznost' sovremennogo rossijskogo obshchestva: social'no-filosofskij analiz* [Religiosity of modern Russian society: socio-philosophical analysis]. M., 2010. 45 p. (In Russian).
8. Losskij N. O. *Harakter russkogo naroda . Kniga vtoraya* [Character of the Russian people. Book two]. M., Klyuch, 1990. 92 p. (In Russian).
9. Mikaelyan G. A. *Social'no-filosofskij analiz korporativnoj kul'tury kak faktor social'noj adaptacii lichnosti* [Socio-philosophical analysis of corporate culture as a factor in the social adaptation of the individual]. Stavropol', 2014. 151 p. (In Russian).
10. Nazarov I. V. Mythology and paradoxicality as characteristic features of the Russian mentality. *Eko-potencial = Eco potential*, 2018, no. 1, pp. 188–189. (In Russian).
11. Pronina T. S. *Tipologiya religioznoj identichnosti: analitika religioznosti sovremennogo rossijskogo obshchestva* [Typology of Religious Identity: Analytics of the Religiosity of Modern Russian Society]. SPb., 2015. 39 p. (In Russian).

12. Tihonov Zh. A. *Obshchestvo kak samorazvivayushchayasya sistema: cennostnyj vybor Rossii* [Society as a self-developing system: Russia's value choice]. Krasnodar, 2011. 23 p. (In Russian).
13. Toffler E., Toffler H. *Revolucionnoe bogatstvo* [Revolutionary wealth]. M., AST, AST Moskva, 2008. 569 p. (In Russian).
14. Shevchenko V. N., Sokolova R. I., Spiridonova V. I. *Sovremennye problemy Rossijskogo gosudarstva* [Modern problems of the Russian state]. M., Progress-Tradiciya, 2015. 464 p. (In Russian).
15. Shchuplenkov O. V. Russian man. *Filosofskaya mysl' = Philosophical Thought*, 2013, no. 6, pp. 229–292. (In Russian).
16. Erikson E. *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: youth and crisis]. M., Flinta, MPSI, Progress, 2006. 342 p. (In Russian).
17. Yung K. G. *Sinhronichnost'* [Synchronicity]. M., REFL-buk; K., Vakler, 1997. 313 p. (In Russian).
18. Tsuda T. Strangers in the Ethnic Homeland. Japanese Brazilian Return Migration in Transnational Perspective, New York, Columbia University Press New York Publishers Since. Chichester, West Sussex, 1893. 431 p.
19. Toffler A. Future Shock, Toronto, New York, London: Bantam books, A National general company, 1970. 567 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Фомин, В. Н. Идентичность личности в контексте трансформации российского общества / В. Н. Фомин. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2023. – № 3. – С. 127–135.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Fomin V. N. Personal Identity in Context Transformations of Russian Society / V. N. Fomin // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2023, no. 3, pp. 127–135. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Акопян Гоарик Арамаисовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: goarikakopian@yandex.ru

Акopyан Goарик Arамaisовна – Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy, Law and Social Sciences and Humanities, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: goarikakopian@yandex.ru

Аракелян Элла Симоновна – преподаватель истории Армавирского колледжа управления и социально-информационных технологий, аспирант (г. Армавир); e-mail: abramyan.elechka@mail.ru

Arakelyan Ella Simonovna – Lecturer in the History, Armavir College of Management and Social and Information Technology, post-graduate student (Armavir); e-mail: abramyan.elechka@mail.ru

Бакланова Ольга Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Гуманитарного института Северо-Кавказского университета (г. Ставрополь); e-mail: mikeewa@yandex.ru

Baklanova Olga Alexandrovna – Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy, Humanitarian Institute of the North Caucasus University (Stavropol); e-mail: mikeewa@yandex.ru

Валиев Ильдар Накипович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии Елабужского института Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Елабуга); e-mail: val2876@mail.ru

Valiev Ildar Nakipovich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy and Sociology, Elabuga Institute of the Kazan (Volga Region) Federal University (Elabuga); e-mail: val2876@mail.ru

Васильев Владимир Львович – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента Елабужского института Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Елабуга); e-mail: vasvladlev@mail.ru

Vasilev Vladimir Lvovich – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics and Management, Elabuga Institute of the Kazan (Volga Region) Federal University (Elabuga); e-mail: vasvladlev@mail.ru

Вязьмин Антон Александрович – аспирант кафедры технологии и профессионально-педагогического образования Академии психологии и педагогики (г. Ростов-на-Дону); e-mail: viazmin@sfedu.ru

Vyazmin Anton Aleksandrovich – postgraduate student of the Department of Technology and Vocational Pedagogical Education, Academy of Psychology and Pedagogy (Rostov-on-Don); e-mail: viazmin@sfedu.ru

Гапсаламов Алмаз Рафисович – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента Елабужского института Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Елабуга); e-mail: gapsalamov@yandex.ru

Gapsalamov Almaz Rafisovich – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics and Management, Elabuga Institute of the Kazan (Volga Region) Federal University (Elabuga); e-mail: gapsalamov@yandex.ru

Данильянц Эдуард Игоревич – старший преподаватель кафедры экономики и управления ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: danilyanc01@gmail.com

Danilyants Eduard Igorevich – Senior Lecturer of Economics and Management Department, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: danilyanc01@gmail.com

Ктиторов Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: ktitorovsn@rambler.ru

Ktitorov Sergey Nikolaevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of General and National History, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: ktitorovsn@rambler.ru

Лазовский Анатолий Иванович – аспирант ФГБОУ ДПО «Институт повышения квалификации руководящих работников и специалистов» (г. Ростов-на-Дону); e-mail: gubanovama2012@yandex.ru

Lazovsky Anatoliy Ivanovich – post-graduate student, Institute for Advanced Training of Managers and Specialists (Rostov-on-Don); e-mail: gubanovama2012@yandex.ru

Малахов Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела истории Института истории и археологии РСО-Алания (г. Владикавказ); e-mail: malakhoffserg@mail.ru

Malakhov Sergej Nikolaevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Research Fellow of the Department of History, Institute of History and Archeology of North Ossetia-Alania (Vladikavkaz); e-mail: malakhoffserg@mail.ru

Малахова Анастасия Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: mlhvnastyia@mail.ru

Malakhova Anastasia Sergeevna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of General and National History, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: mlhvnastyia@mail.ru

Матвеев Владимир Александрович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры Отечественной истории XX–XXI вв. Института истории и международных отношений Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону); e-mail: vm-k2013@yandex.ru

Matveev Vladimir Aleksandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of National History of the XX–XXI Centuries, Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don); e-mail: vm-k2013@yandex.ru

Нагапетова Анжела Герасимовна – доктор филологических наук, профессор кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: anagapetova@yandex.ru

Nagapetova Anzhela Gerasimovna – Doctor of Philology, Professor of the Department of Philosophy, Law and Social Sciences and Humanities, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: anagapetova@yandex.ru

Панарин Андрей Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: panarin.arm@mail.ru

Panarin Andrey Anatolyevich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of General and National History, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: panarin.arm@mail.ru

Панарина Елена Владимировна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: panarina.ist@mail.ru

Panarina Elena Vladimirovna – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of General and National History, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: panarina.ist@mail.ru

Петрова Нина Петровна – доктор педагогических наук, профессор кафедры технологии и профессионально-педагогического образования Академии психологии и педагогики (г. Ростов-на-Дону); e-mail: pnpprof@mail.ru

Petrova Nina Petrovna – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Technology and Vocational Pedagogical Education, Academy of Psychology and Pedagogy (Rostov-on-Don); e-mail: pnpprof@mail.ru

Равочкин Никита Николаевич – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева; профессор кафедры педагогических технологий Кузбасской государственной сельскохозяйственной академии (г. Кемерово); e-mail: nickravochkin@mail.ru

Ravochkin Nikita Nikolaevich – Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of History, Philosophy and Social Sciences Department, Kuzbass State Technical University Named After T.F. Gorbacheva; Professor of Pedagogical Technologies Department, Kuzbass State Agricultural Academy (Kemerovo); e-mail: nickravochkin@mail.ru

Рашина Татьяна Олеговна – старший преподаватель кафедры актерского искусства Белгородского государственного института искусств и культуры (г. Белгород); e-mail: 27luna@rambler.ru

Rashina Tatyana Olegovna – Senior Lecturer of the Acting Department, Belgorod State Institute of Arts and Culture (Belgorod); e-mail: 27luna@rambler.ru

Фомин Владимир Николаевич – аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: izogr@mail.ru

Fomin Vladimir Nikolaevich – post-graduate student, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: izogr@mail.ru

Хлудова Людмила Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, младший научный сотрудник управления научно-исследовательской и инновационной деятельностью ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: lusi-nik@list.ru

Khudova Lyudmila Nikolaevna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Junior Researcher of the Department of Research and Innovation Activities, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: lusi-nik@list.ru

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО
для авторов журнала
«ВЕСТНИК АРМАВИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА»

Уважаемые коллеги!

Редакция журнала принимает к рассмотрению ранее не опубликованные научные статьи, научные обзоры, научные рецензии, отзывы. Периодичность: выходит 4 раза в год. Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (https://elibrary.ru/title_about.asp?id=69302). **С 22.10.2021 года журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.**

Электронная версия журнала рассылается в течение **15 рабочих дней** после окончательной даты приема материалов.

Срок приема статей – до 15 ноября 2023 года.

Дата выхода журнала – декабрь 2023 года.

Основные рубрики журнала:

Научные специальности*	Отрасли науки, по которым присуждаются ученые степени*
5.6.1. Отечественная история	Исторические науки
5.7.7. Социальная и политическая философия	Философские науки
5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования	Педагогические науки
5.8.7. Методология и технология профессионального образования	Педагогические науки

Как опубликовать статью

1. Отправьте статью и сведения об авторе. Статьи принимаются только по электронной почте.

2. Для публикации материалов журнала необходимо в адрес редакции журнала vagpu@mail.ru направить:

- текст статьи (Приложение 1);

- заявку на опубликование статьи и информацию об авторах (Приложение 2). **В случае соавторства каждый автор заполняет заявку отдельно!**

Внимание! Расчет стоимости публикации и оплата производятся только после приема материалов редколлегией.

Расценки за услуги по публикации статей и доставке журналов:

Публикация 1 страницы текста (при подсчете количество страниц округляется в большую сторону до целого числа) составляет **550 рублей.**

Правила оформления статьи

Объем до 16 страниц (шрифт Times New Roman Cyr, 14 кегль, через 1,5 интервала). Ширина всех полей – 20 мм. Выравнивание текста – по ширине. Расстановка переносов автоматическая. Файл обязательно предоставляется с расширением **doc*.

1) Шифр специальности в соответствии с номенклатурой ВАК.

2) УДК (Универсальная десятичная классификация). УДК оформляется в соответствии с информационно-справочной системой <http://www.naukapro.ru/metod.htm>.

3) Заглавие статьи на русском языке.

4) Фамилии и инициалы автора(ов) на русском языке.

5) Ключевые слова объемом не более 7–10 слов.

6) Аннотация на русском языке. Аннотация должна быть информативной, оригинальной, содержательной, структурированной, компактной (укладываться в объем от 100 до 250 слов).

7) Пункты 3–6 на английском языке.

(Обращаем Ваше внимание, что программный перевод не всегда корректно переводит отдельные предложения, в связи с этим редакция журнала настоятельно рекомендует обращаться к специалисту).

8) Текст статьи (**не менее 8 страниц без списка литературы**).

9) **Список литературы на русском языке, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.100–2018, и на английском языке, оформленный в соответствии с нижеуказанными правилами (в том числе не менее 2 иностранных источников на иностранном языке).**

Библиографические ссылки на *пристатейный список литературы* должны быть оформлены с указанием в строке текста в квадратных скобках цифрового порядкового номера и через запятую номеров соответствующих страниц. Например: [1, с. 15].

Пристатейный список литературы должен быть оформлен согласно ГОСТ Р 7.0.100–2018 с указанием обязательных сведений библиографического описания.

Пристатейный список литературы в романском алфавите, озаглавленный как **REFERENCES**, составляется *в порядке, полностью идентичном русскоязычному варианту с аналогичной нумерацией*. References помещается после списка литературы на кириллице.

References должен быть оформлен согласно следующим правилам:

1. Авторы (транслитерация), название статьи в транслитерированном варианте [перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках], название русскоязычного источника (транслитерация) [перевод названия источника на английский язык – парафраз (для журналов можно не делать)], выходные данные с обозначениями на английском языке.

2. Запрещается использовать знаки «//» и «-» для разделения структурных элементов библиографического описания.

Пример:

1. Zagurenko A. G., Korotovskikh V. A., Kolesnikov A. A., Timonov A. V., Kardymon D. V. Techno-economic optimization of the design of hydraulic fracturing. *Neftyanoe khozyaistvo = Oil Industry*, 2008, no. 11, pp. 54–57. (In Russian).

2. Lindorf L. S., Mamikonians L. G., eds. *Ekspluatatsiia turbogeneratorov s neposredstvennym okhlazhdeniem* [Operation of turbine generators with direct cooling]. Moscow, Energiia Publ., 1972. 352 p.

Правила транслитерации

Для транслитерации с кириллического алфавита в романский необходимо использовать автоматические системы транслитерации и переводчика. Рекомендуется пользоваться системой на сайте <http://translit-online.ru/>.

9) Сведения об авторах заполняются на русском и английском языке в соответствии с Приложением 2.

Шифр специальности: 5.7.7.

УДК 343.9.01

АНАТОЛИЙ КОНИ О ПРАВОВЫХ ОСНОВАНИЯХ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

И.И. Иванов¹, П.П. Петров²

¹ Армавирский государственный педагогический университет,
г. Армавир, Российская Федерация

² Армавирский лингвистический социальный институт,
г. Армавир, Российская Федерация

Аннотация. Дипломная работа студента юридического факультета Московского университета А.Ф. Кони «О праве необходимой обороны» была написана в 1865 г. Исследование А.Ф. Кони считается одним из первых историко-правовых и догматических изложений учения о праве необходимой обороны в русской юриспруденции. В нем он остановился на проблемах теории права необходимой обороны; дал критический анализ имеющихся трудов по этому вопросу; проанализировал различные аспекты действующего законодательства по проблеме необходимой обороны. До сих пор данная работа представляет научный интерес в изучении такого важного понятия уголовного права, как институт необходимой обороны. В статье раскрываются некоторые взгляды выдающегося юриста на общие правовые основания необходимой обороны.

Ключевые слова: право человека на необходимую оборону, условия права необходимой обороны, границы необходимой обороны, превышение ее пределов.

ANATOLY KONI ON THE LEGAL FOUNDATIONS OF NECESSARY DEFENCE

Ivan I. Ivanov¹, Petr P. Petrov²

¹ Armavir State Pedagogical University, Armavir, The Russian Federation

² Armavir Lingvistic Social Institute, Armavir, The Russian Federation

Abstract. The earliest work of A.F. Koni "On the right of self-defense" was written for a candidate degree at the Faculty of Moscow University in 1865, A.F. Koni's research is one of the first historical and legal expositions of the doctrine on the right of self-defense in Russian law. In it he focused on the problems of self-defense theory of law; gave a critical analysis of previous works on the subject; analyzed the various aspects of the current legislation on the issue

of self-defence. Therefore, the work of graduate student A.F. Kony is still an interesting scientific study that represents such important concepts of criminal law as an institution of self-defense. The paper describes some of the views of the outstanding jurist to the general legal basis of self-defense.

Keywords: *human right to self-defence, self-defense right conditions, the boundaries of self-defence, exceed the limit on self-defence.*

ТЕКСТ СТАТЬИ

Текст [1, с. 16], Текст [2, с. 16], Текст [3, с. 16].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тенишев, В. В. Правосудие в русском крестьянском быту / В. В. Тенишев. – Брянск : Тип. Л.И. Итина и Ко, 1907. – 192 с. – Текст : непосредственный.
2. Карцев, Е. Наше сельское правосудие / Е. Карцев. – Текст : непосредственный // Вестник Европы. – 1882. – № 2. – С. 755–774.
3. Фрэнк, С. Народная юстиция, община и культура русского крестьянства. 1870–1900 / С. Фрэнк. – URL: http://www.ec-dejavu.net/m/Mob_murder.html (дата обращения: 15.01.2023). – Текст : электронный.
4. Benson B. L. Customary Law / B. L. Benson // Encyclopedia of Law and Economics. – 2014. – June 21. – P. 1–10.

REFERENCES

1. Tenishev V. V. *Pravosudie v russkom krest'yanskom bytu* [Justice in Russian Peasants' Lives]. Bryansk, L.I. Itin i Ko Publ., 1907. 192 p. (In Russian).
2. Kartsev E. Our peasants' justice. *Vestnik Evropy = European Bulletin*, 1882, no. 2, pp. 755–774. (In Russian).
3. Frenk S. *Narodnaya yustitsiya, obshchina i kul'tura russkogo krest'yanstva. 1870–1900* [People's justice, community and culture of Russian peasants. 1870–1900]. URL: http://www.ec-dejavu.net/m/Mob_murder.html. (In Russian).
4. Benson B. L. Customary Law. *Encyclopedia of Law and Economics*, 2014, June 21, pp. 1–10.

ЗАЯВКА НА ОПУБЛИКОВАНИЕ СТАТЬИ

Я, _____

Иванов Иван Иванович – начальник управления научно-исследовательской деятельностью Армавирского государственного педагогического университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Армавир, Российская Федерация; e-mail: ivanov@inbox.ru, тел.: 8-900-123-45-67,

Ivanov Ivan Ivanovich – scientific research department director, Armavir State Pedagogical University, Candidate of Legal Sciences, Armavir, Russian Federation; e-mail: ivanov@inbox.ru, tel.: 8-900-123-45-67,

сообщаю, что представленная статья не публиковалась ранее в других изданиях в ее нынешней или близкой по содержанию форме и не находится на рассмотрении в редакциях других изданий. Все возможные конфликты интересов, связанные с авторскими правами и опубликованием рассматриваемых статей, урегулированы.

Публикация статьи не нарушает ни одно из существующих авторских прав и гарантирует издателю возмещение убытков в случае выявления подобных нарушений. Для распространения материалов издателю передается исключительное право собственности на рукопись, если не предусмотрено иное.

Предоставляю издателю неисключительное право на:

- редактирование статьи, не изменяющее ее принципиальных положений;
- использование произведения через продажу журнала и распространение его по подписке;
- размещение полнотекстовой версии произведения в открытом доступе на сайте журнала, Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), в иных базах данных научной информации, электронно-библиотечных системах, научных информационных ресурсах в сети Интернет;
- использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя автора (правообладателя), аннотация, библиографические материалы и пр.) с целью их включения в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и доведения до всеобщего сведения, обработки и систематизации в других базах цитирования.

Предоставляю Издательству свои персональные данные без ограничения по сроку (фамилия, имя, отчество; сведения об образовании; сведения о месте работы и занимаемой должности) для их хранения и обработки в различных базах данных и информационных системах, включения в аналитические и статистические отчетности, создания обоснованных взаимосвязей объектов произведений науки, литературы и искусства с персональными данными и т. п. Издатель имеет право передать указанные данные для обработки и хранения третьим лицам.

Настоящим гарантирую Издательству, что я являюсь автором произведения и что на момент направления настоящей статьи в Издательство все интеллектуальные права на произведение принадлежат мне, не находятся в залоге, не состоят под арестом и не обременены правами третьих лиц каким-либо иным образом.

Настоящим даю свое согласие на внесение в Произведение, по усмотрению Издательства, изменений, сокращений, дополнений, на снабжение Произведения при его использовании иллюстрациями, предисловием, послесловием, комментариями или какими бы то ни было пояснениями, при условии, что такие изменения, сокращения, дополнения, иллюстрации, предисловия, послесловия, пояснения и / или комментарии не извращают и не искажают смысл Произведения или какой-либо его части.

Печатный вариант журнала прошу выслать по адресу: **352900, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Розы Люксембург, 174, кв. 78.**

Я гарантирую, что в представленной мною статье «_____» (название статьи) отсутствуют нарушения публикационной этики журнала.

Оплату публикационного взноса гарантирую. С условиями публикации согласен(а).

Автор: _____
(подпись) (фамилия и инициалы)

« » _____ 20__ г.

Научное издание

ВЕСТНИК АРМАВИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

№ 3 2023

Журнал входит в перечень ВАК

Редакционно-издательский отдел
Начальник отдела: А.О. Белоусова
Компьютерная вёрстка: Л.В. Зданевич
Печать и послепечатная обработка: С.В. Татаренко

Дата выхода в свет: 30.10.2023. Формат 60×84/8.
Усл. печ. л. 17,21. Уч.-изд. л. 9,92. Тираж 300 экз.
Заказ № 29/23. *Цена свободная.*

Отпечатано в Редакционно-издательском отделе
ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»
Адрес: 352900, г. Армавир, ул. Ефремова, 35
☎ 8(86137)32739, e-mail: rits_agpu@mail.ru, сайт: rits.agpu.net

Издатель: ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»
Адрес издателя:
352900, г. Армавир, ул. Ефремова, 35
☎ 8(86137)32739, e-mail: rits_agpu@mail.ru, сайт: rits.agpu.net

Адрес редакции: 352901, г. Армавир, ул. Р. Люксембург, 159, ауд. 4